АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОБЗОР РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

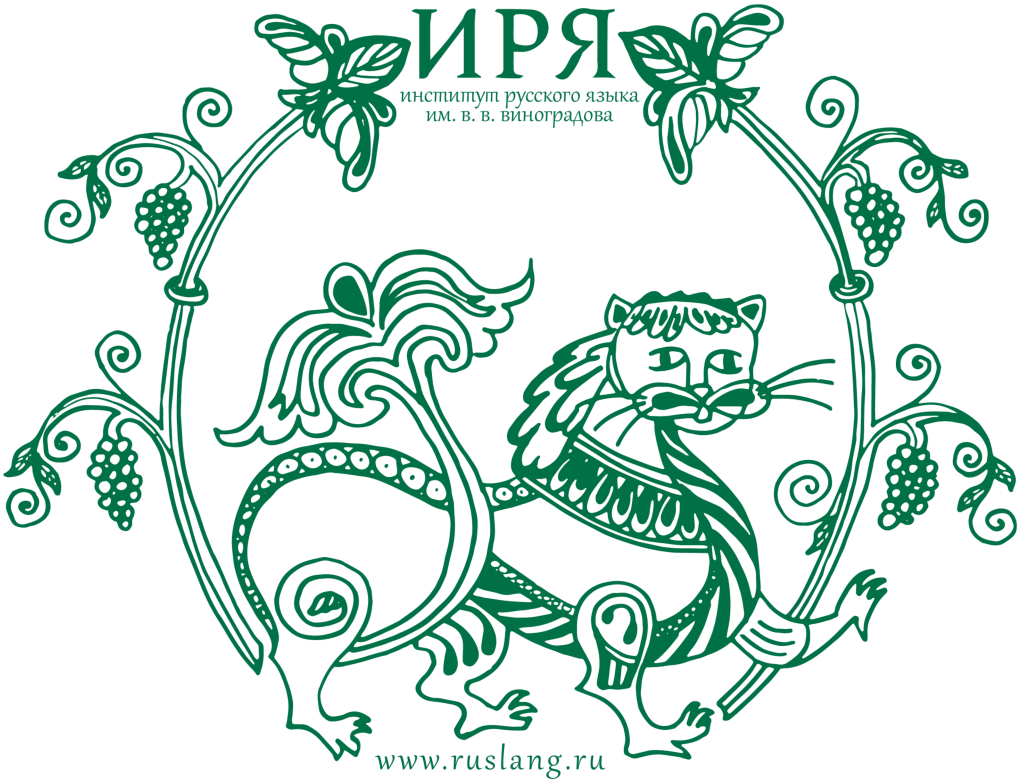
за 1974 – 1977 гг.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОБЗОР РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

за 1974–1977 гг.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Под редакцией
доктора филологических наук
В.В. ИВАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Редактор выпуска Е.В.Красильникова

Авторы

И.В.Альтман – раздел первый § 8

Л.П.Катлинская – раздел первый § 4, I4

Е.В.Красильникова – раздел первый § I-5, II,I2,I5; раздел третий § I9

Р.С.Манучарян – раздел второй § I-I0, I2

П.А.Соболева – раздел первый § 4,7,I3; раздел второй § ..,I2

А.Н.Тихонов – раздел первый § 6,9,I0; раздел третий § I8

С.М.Толстая – раздел третий § I-I7

© Институт русского языка
АН СССР, I982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный обзор литературы по современному русскому литературному языку посвящен работам 1973-77 гг. и является непосредственным продолжением предпринятого по инициативе М.В.Панова обзора за 1966-69 гг.

В последние годы все увеличивается поток работ, посвященных современному русскому литературному языку. Русист уже не может внимательно следить за всей этой литературой. Фонетист часто не знает новых достижений словообразовательной теории, специалист по словообразованию нередко не владеет новыми идеями в области синтаксиса и т.д.

Обзор ставит себе целью помочь специалисту-русисту разобраться в этом потоке исследований. Обзор выделяет наиболее содержательные работы, знакомит с наиболее существенными научными поисками. Освещаются не все направления лингвистической мысли, а только те, которые, по мнению авторов, наиболее интенсивно развивались в эти годы.

Авторы исходили из того, что в советском языковедении существуют разные направления научной мысли; и они не ставили своей целью участвовать в дискуссиях, которые ведут между собой эти направления: разные школы в советском языкознании апробированы временем и завоевали право на внимание и уважение. Авторы обзора не противопоставляли одно направление другому; они пытались оценить каждое исследование по тому вкладу, который оно делает в данную область языковедения.

Обзор выходит в виде выпусков, каждый из которых посвящен отдельной области языковедения: фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксису, лексике.

В начале каждого обзора (или его самостоятельной части) помещен список литературы. Для него отобраны те работы, знакомство с которыми авторы считают необходимым для специалиста в первую очередь; в целом же эти работы дают достаточно полную картину наиболее плодотворных научных поисков в данной области за 4 года.

После перечня работ (который, ввиду его выборочности, есть уже оценка этих работ) следует сам обзор: краткая характеристика новых исследований. Упоминаются не все работы, данные в перечне, а только те, которые требуют оценочного комментирования. В оценках работ возможны, конечно, расхождения; авторы старались избежать субъективизма.

Обзор составлен в секторе современного русского литературного языка ИРЯ АН СССР под общим руководством Д.Н.Шмелева.

Содержание этого выпуска обзора формируется вокруг нескольких тем, выделенных в оглавлении. Иная проблематика отражена только в библиографических списках. Разделы "Морфонология" и "Словообразовательное гнездо" впервые введены в обзор, поэтому временные границы в них были расширены (в основном в сторону ретроспекции).

В обзор не включены следующие типы работ: а) работы, посвященные межъязыковым сопоставлениям, в том числе учебно-методического характера; б) работы, посвященные лексической семантике, ономасиологии, синтаксису и включающие описание словообразовательных фактов; в) работы, посвященные словотворчеству и использованию словообразовательной формы в художественных целях в языке художественной литературы. В данном выпуске, за единичными исключениями, не рассматриваются работы, вышедшие за рубежом.

В перечни работ включены учебные пособия со специализированной тематикой, в дополнение укажем здесь несколько общих пособий по словообразованию, вышедших в разных вузах: З.П.Доновой /М.,1976/, М.Н.Морозовой /М.,1977/, Л.А.Быковой /Харьков,1974/, И.П.Глотовой и Э.М. Ножкиной /Саратов,1977/.

В период с 1974 по 1977 гг. вышли три книги, которые представляют собой важные источники для работ по дериватологии: Обратный словарь русского языка. М., 1974; А.А.Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977; D.S. Worth. A Bibliography of Russian Word-formation. Cambridge. Mass. 1977.

Библиографические списки составлены так, что специализированные списки дополняют наиболее общий по содержанию список первого раздела. Все сокращения указаны в начале этого списка. Кроме общепринятых сокращений введены еще два: АКД - автореферат кандидатской диссертации; и АДД - автореферат докторской диссертации.

Раздел первый
ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

I. Актуальные проблемы русского словообразования. Уч.зап. Ташкентского пед. ин-та, I, т. I43, Ташкент, I975 (сокр. АПРС I, I975).
2. Актуальные проблемы русского словообразования. Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та, II, т. I74, Ташкент, I976. (АПРС II, I976).
3. Вопросы русского языкознания. Изд-во МГУ, I976.
4. Известия Воронежского пед. ин-та, т. I4I, I43, Очерки по русскому языку, Воронеж, I975.
5. Именное словообразование русского языка. Казань, I976.
6. Научные труды Казанского пед. ин-та, вып. I6I, Казань, I976. Вопросы теории и методики изучения русского языка, сб. II.
7. Научные труды Куйбышевского пед. ин-та, т. I63, Куйбышев, I975.
8. Научные труды Курского пед. ин-та, т. 62, Курск, I976. Проблемы ономасиологии № 3.
9. Научные труды Свердловского пед. ин-та., вып. 253. Проблемы изучения слова I. Свердловск, I975; сб. 4. Свердловск, I976.
I0. Проблемы структурной лингвистики (ПСЛ).
II. Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, I974 (ПССП, Пермь, I974).
I2. Проблемы словообразования русского и украинского языков. Киев. Донецк, I976 (Пр. сл. рус. и укр. яз. I976).
I3. Развитие современного русского языка. I972. Словообразование. Членимость слова. М., I975 (Развитие современного русского языка I972. М., I975).
I4. Русское словообразование. Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, вып. 209, Самарканд, I972 (Русское словообразование, Самарканд, I972).
I5. Адливанкин С.Ю. К вопросу о системности словообразования - Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, I977.
I6. Алексеев Д.И. Аббревиация в русском языке. АДД. Воронеж, I977.
I7. Алексеева Э.В. О морфологической структуре имен существительных с суффиксом - отв(о). - НДВШ, Филол. науки, I977, № 3.
I8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка М., I974.

19. Арапов М.В. Продуктивность в естественном языке и ее измерение.— Вопросы информационной теории и практики (сб. № 23), ВИНИТИ. М., 1974.
20. Арапов М.В. Изменение словаря во времени (материальная модель и экспериментальные данные), АКД. М., 1974.
21. Бобрик Г.А. Сложные слова и словосочетания в отношении к общим для них и различающим признакам. АКД. Алма-Ата, 1974.
22. Бесолова Е.Б. Непроизводные глагольные основы как производящая основа в современном русском словообразовании. АКД. Ростов-на--Дону, 1975.
23. Бакина М.А. Словотворчество. - Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977.
24. Бакина М.А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества. - РЯШ, 1975, № 5.
25. Гаврюшенко В.Г. Деривационная структура имен действия в современном русском литературном языке.АКД. Ташкент, 1975.
26. Гимпелевич В.С. Заметки об окказиональном и потенциальном словообразовании.- АИРС I, 1975.
27. Глотова И.П. К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении). - Вопросы стилистики, вып. 12, Саратов, 1977.
28. Голанова Е.И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами квази- лже-, псевдо-). - Развитие современного русского языка 1972, М., 1975.
29. Головин Б.Н. Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке.- Лексика. Терминология. Стили. Горький, вып. 3, 1974; вып. 5, 1976.
30. Головин В.Г. Системность словообразования и словообразовательные категории. - Труды Самаркандского ун-та вып. 265, Новая серия, Самарканд, 1975.
31. Григорян В.М. Префиксация и управление в современном русском языке. АДД. Л., 1975.
32. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
33. Дерибас В.М. О словообразовательной синонимии приставочно-суффиксальных существительных.- НДВШ, Филол.науки, 1975, № 6.
34. Домогацкая В.В. Система суффиксального словообразования отвлеченных имен существительных в современном русском языке. АКД. Воронеж, 1977.
35. Домогацкая В.В. К вопросу о системе словообразования. Место словообразования отвлеченных имен существительных в общей системе словообразования.- Научные труды Курского пед. ин-та, т. 46 (139). Проблемы ономасиологии II, Курск, 1975.

36. Ермакова О.П. О типах связанности корней.- Вопросы грамматики русского языка. Тула, 1974.
37. Ермакова О.П. Противопоставленность разных типов производных по признаку открытости/закрытости смысловой структуры. - Вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула, 1976.
38. Ермакова О.П. Синонимия производных слов с одинаковой словообразовательной структурой.- РЯШ, 1977, № 1.
39. Ермакова О.П. Синтаксическое поведение некоторых типов производных слов.- Вопросы синтаксиса современного русского языка. Научные труды Тюменского гос. ун-та, сб. 45, Тюмень, 1977.
40. Кевако Г.А. О некоторых моделях морфологического словообразования в русском языке.- Русский язык, вып. 8, Ставрополь, 1975.
41. Задорожный М.И. Аспекты структуры слова и моделирование линейной структуры словоформ в русском языке. - Исследования звуковой и семантической структуры языка. Фрунзе, 1975.
42. Земская Е.А. Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи.- Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1, Горький, 1976.
43. Земская Е.А. Об изучении русского словообразования. - РЯЗР, 1977, № 5, 6.
44. Иванова Т.Ф. О семантической регулярности словообразовательно соотносительных слов. (На материале современного русского литературного языка). АКД, М., 1975.
45. Иванова Т.Ф. К вопросу о семантической мотивации производных слов - Языковая практика и теория языка, вып. 1, М., 1974.
46. Калниязов М.У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования.- АПРС 1, 1975.
47. Карабань И.А. Словообразование и его связи с морфологией. - Вестник Белорусского гос. ун-та, Серия 4, 1975, № 3.
48. Катлинская Л.П. Об особой категории слов в разряде относительных прилагательных современного русского языка. - Грамматика и норма. М., 1977.
49. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия.- ВЯ, 1974, № 5.
50. Кубрякова Е.С. Еще раз о месте словообразования в системе языка. - АПРС 1, 1975.
51. Кубрякова Е.С. Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования.- Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977.
52. Кубрякова Е.С. Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами.- Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
53. Лемов А.Б. Деривационно-функциональный анализ имен действия в русском языке. АКД. Л., 1975.

54. Лобашкова С.С. Словообразовательная структура и семантика соотносительных переходных/непереходных (суф. -и/е-) глаголов в современном русском языке.АКД, М., 1977.
55. Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания - Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
56. Лопатин В.В. О критериях выбора мотивирующего глагола из коррелятивных по виду. - РЯШ, 1975, № 3.
57. Лопатин В.В. Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их словообразовательные связи - НДВШ. Филол.науки, 1977, № 3.
58. Лыков А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово. М., 1976.
59. Лыков А.Г. Окказионализм и языковая норма. - Грамматика и норма. М., 1977.
60. Максимов В.И. О методе словообразовательного анализа. - ВЯ, 1974, № 1.
61. Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975.
62. Мирзоев Р.С. Теоретические вопросы системы словообразования. Баку, 1975.
63. Моисеев А.И. К теории словообразования (синхрония и диахрония в словообразовании). - Вестник ЛГУ, 1974, № 8.
64. Моисеев А.И. О так называемом "обратном" словообразовании. - АПРС I, 1975.
65. Никитевич В.М. О деривационной системности и предмете деривационной грамматики. - ВЯ, 1976, № 2.
66. Николаев Г.А. Явление обратной соотнесенности в именах на -ник в русском языке. - Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.
67. Николаев Г.А. Обратная соотнесенность и обратное словообразование. - АПРС I, 1975.
68. Плотникова Л.Ф. Семантическая деривация отглагольных имен существительных на -(е)ние в современном русском языке. АКД, М., 1977.
69. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975.
70. Рихтер Г.И. Обратное словообразование в русском языке. - Пр.сл. рус. и укр. яз. 1976.
71. Ройзензон Л.И. Многоприставочные глаголы в русском и в других славянских языках. Самарканд, 1974.
72. Русский язык по данным массового обследования. Гл.IУ. Словообразование (авторы Л.П.Крысин и Е.И.Голанова). М., 1974.
73. Рященцев К.Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке. Учебное пособие, Орджоникидзе, 1976.
74. Санджи-Гаряева З.С. Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи (имя существительное). АКД, М., 1974.

75. Санджи-Гаряева З.С. Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи. Вопросы стилистики, вып. 7, Саратов, 1974.
76. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс. – В кн.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.
77. Сахарный Л.В. Структура слова – универба и контекст. – В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.
78. Скорнякова Е.Ф. К вопросу о системных связях на семантико-словообразовательном уровне – Научные труды Свердловского пед.ин-та, вып. 226, 1975.
79. Ставская Г.М. Семантико-словообразовательные связи в разряде имен, обозначающих части тела живых существ. АКД, М., 1974.
80. Улуханов И.С. Обратное словообразование – Русская речь, 1977, № 2.
81. Урманцева В.А. Имена существительные на -л(о) в русском языке в сопоставлении с остальными славянскими языками. АКД, М., 1975.
82. Хохлачева В.Н. Словообразование существительных в русском языке (опыт системного исследования), АДД, М., 1976.
83. Цыганенко Г.П. О словообразовательной парадигме – одном из компонентов теории словообразования. – Изучение грамматического строя и преподавание грамматики в вузе и школе. Кишинев, 1976.
84. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. М., 1975.
85. Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке. – РЯШ, 1977, № 3.
86. Шелихова Н.Т. О словообразовательной продуктивности в синхронии и диахронии. – НДВШ. Филол. науки, 1976, № 6.
87. Шепелева С.Н. Опыт алгоритмического описания словообразовательных рядов современного русского языка. АКД, М., 1977.
88. Ширшов И.А. Множественные мотивации в глаголах на -ствовать. – Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. Грозный. 1977.
89. Шкатова Л.А. Словообразование и ономасиология – АПРС I, 1975.
90. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977 (гл. I).
91. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977 (Гл.IУ Теория номинации и словообразование, автор Е.С.Кубрякова).
92. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования – АПРС I, 1975.
93. Янко-Триницкая Н.А. "Дай мне логу!" – Развитие современного русского языка 1972, М., 1975.
94. Янко-Триницкая Н.А. К системности русского словообразования – НДВШ, Филол. науки, 1976, № 5.
95. Buzássyová K. Semantická štruktura slovenských deverbatív. Bratislava, 1974.
96. Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvlaště v ruštině. Praha, 1975.

97. Schönle P.W. Zur Wortbildung im modernen Russischen. München, 1975.
98. Worth D.S. On the structure and history of Russian. Selected essays. Verlag Otto Sagner. München, 1977. (Slavistische Beiträge. Band 110).

I. Место словообразования в системе языка. Системность словообразования.

1. В работах 1973–1977 гг. представлено несколько разных решений вопроса о том, в каких системных границах должно описываться словообразование. Речь идет уже не только о традиционном выборе – относить ли словообразование к лексике или к морфологии, но об общих принципах системного описания языка, о структурировании системного описания не только на основе строго уровневого подхода.

Противопоставлены два подхода: а) словообразование понимается как целостная система, б) словообразование включается в состав лингвистического объекта, границы которого шире словообразования.

При первом подходе также подразумевается включенность словообразования в общую систему языка, наличие связей с другими языковыми системами, но в самом описании словообразования это не отражается или, точнее, отражается в форме указания на "взаимодействие систем". Ставится задача найти собственно словообразовательные системообразующие признаки. Центральной установкой является строгое разграничение фактов словообразования и лексики, словоизменения и т.д. Связи с синтаксисом учитываются либо со стороны описания словообразования: синтаксические данные используются как дополнительные показатели при разграничении словообразовательных отношений (ср. применение трансформаций для установления отношений производности, изучение связей однокоренных слов в тексте для установления разных типов связей между членами гнезда и т.д.); либо со стороны синтаксиса (при изучении словообразовательных средств, используемых в синтакоических преобразованиях, в процессе текстообразования и т.д.). Отношение к ономасиологии определяется либо как изучение словообразования в ономасиологическом аспекте, либо как использование словообразовательных средств в системе номинации. Ср.: "В теоретической ономасиологии параллельно с лексическим и синтаксическими разделами целесообразно выделять также раздел деривационной ономасиологии" /91, с.256/. "Словообразование может быть определено ... как область моделирования особых единиц номинации – производных" /с.224/. "Вряд ли целесообразно, однако, растворять все словообразование в ономасиологии или сводить весь механизм деривации исключительно к означиванию и наречению окружающей нас действительности" /с.225/. "Словообразовательные процессы протекают как акты номинации со специфическими особенностями, позволяющими отличить их от всех прочих актов номинации на других уровнях строения языка как в плане выражения, так и в плане содержания" /с.300/.

При втором подходе системообразующие признаки задаются таким образом, что словообразование оказывается внутри описываемой системы, причем его границы подчеркиваются с большей или меньшей резкостью. Различия в выборе системообразующих признаков приводят не только к разному вычленению объекта, но и к принципиальным различиям в системе понятий и терминов описания (поэтому во вторую группу отнесены и работы Л.В.Сахарного, который эксплицитно не устанавливает новых границ для словообразования, но ставит его в столь глубокую зависимость от синтаксиса, что это меняет все принципы описания). В обзоре выделены только новые работы, специально посвященные системности словообразования.

2. Словообразование как целостная (автономная) система. Эту точку зрения представляет в первую очередь статья "О системности словообразования" Н.А.Янко-Триницкой /94/. По мнению Н.А.Янко-Триницкой, "элементарной, или основной, единицей словообразовательной системы является словообразовательный образец - структурная схема выводимых (производных) слов с указанием аффиксов, а также семантики базовой основы, в той степени обобщения или конкретизации, в которой эта семантика сказывается на словообразовательном значении выводимого слова". Автор рассматривает возможные основания классификации образцов.

I. По категориальной (частеречной) принадлежности базового слова: образцы отыменные, отглагольные, отадъективные. Главная цель - показать словообразовательный потенциал определенной части речи. Вместе с тем указывается, что есть случаи, когда "нельзя с достоверностью определить категориальную принадлежность базового слова, поскольку для образца существенна не категориальная принадлежность базового слова, а семантика базовой основы: процессуальность, предметность, признаковость, местоименность и т.п." (переписчик равно соотносится и с переписка и с переписать).

2. По категориальной принадлежности выводимого слова: образцы для образования существительных, прилагательных, глаголов. При этом подходе "можно выявить деривационную роль системы флексий".

3. По семантической принадлежности выводимого слова.

4. По способу словообразования.

5. По деривационным аффиксам.

Автор замечает, что I-я классификация обращена к морфологии, 3-я - к лексикологии, 4-я и 5-я - непосредственно к словообразованию.

"При изучении системы словообразования в основу классификации не должны быть положены принципы, которые служат морфологии и лексикологии, так как общепризнана самостоятельность словообразования как раздела науки о языке... С точки зрения системы словообразования классификация образцов должна строиться на таких основаниях, которые проясняли бы системность именно словообразования, указывали бы на сходства и различия в строении образцов"... Таким принципом

классификации словообразовательных образцов может служить в первую очередь их внутреннее устройство". /с.46/.

"Модель внутреннего устройства образцов - это структурная схема, фиксирующая соединение базовой основы (основ) или формы (форм) базового слова с определенным видом дериватора и наличием или отсутствием системы флексий" /с.47/.

Модели внутреннего строения выводятся из формального строения образцов, для их характеристики существенно основа или форма базового слова входит в образец, а также наличие и комбинация аффиксов: префиксальных частиц, префиксов, суффиксов, флексий, постфиксальных частиц, префиксоидов и суффиксоидов. Модели внутреннего устройства "базируются на интеграции значимых элементов", но не соотносятся с общим словообразовательным значением. В статье даны две сводные таблицы, относящиеся к структуре простых и сложных слов. Приведем одну из них.

Модели внутреннего устройства образцов простых слов

№	Компоненты							Иллюстрации различных образцов
			Базовая основа					
	Префиксальная частица	Префикс	Основа	Слово-формы	Суффикс	Флексия	Постфиксальная частица	
I			+			+		звеньев-ая, Иванов-а
2			+		+			детск-и, верх-ом, бос-иком
3		+	+			+		на-бегать, без-голов-ый
4		+	+		+			по-нов-ому, на-прав-о, по-ровн--у
5			+		+	+		лентяй-нича-ть, песч-ан-ый, вос-пита-ни-е, смеш-и-ть
6		+	+		+	+		при-пляс-ива-ть, под-лес-ок, над-зем-н-ый, при-мор'-j-е
7		+	+			+	+	на-бега-ть-ся, про-вини-ть-ся
8			+		+	+	+	горд-и-ть-ся, брат-а-ть-ся
9		+	+		+	+	+	у-досух-и-ть-ся, о-смел-и-ть--ся, на-смех-а-ть-ся
I0	+			+				кое-кто, кое-где, ни-кто, ни-сколько, не-кого
II		+		+				под-группа, по-детски, по-умнее пре-скучный
I2				+			+	мыть-ся, радовать-ся, кто-то, что-нибудь, где-либо
I3		+		+				на-спех, в-глубь

В работе В.Н.Хохлачевой /82/ выдвинуто следующее исходное требование к системному определению словообразования как лингвистического объекта: 1) оно должно удовлетворять определению словообразовательной системы как специфической, т.е. противопоставленной всем другим системам вообще, и 2) оно должно удовлетворять определению словообразовательной системы как системы вообще, т.е. непротивопоставленной никакой другой системе /с.17/. В связи с этим автор уделяет большое внимание философским определениям системы, использованным понятия системы в других областях науки. Специфика словообразования устанавливается в противопоставлении словоизменению и формообразованию. Центральное словообразовательное отношение - производность, базирующееся на семантической основе. Системообразующим считается признак категориальной выводимости. "Словообразовательная система определяется как система соотношения частей речи" /с.40/ "...Системообразующим признаком оказывается отношение элементов системы к явлению, лежащему за пределами самой этой системы" /с.41/. Словоизменение представляет собой систему синтаксически обусловленных форм. В зависимости от того, какой из признаков "категориальную выводимость" или "синтаксическую обусловленность" считать главенствующим, формообразование окажется примыкающим соответственно к словообразованию или к словоизменению (см. также раздел третий).

3. Словообразование-часть грамматики. Вместе с тем это "особый замкнутый объект исследования, особая система, которую целесообразно описывать отдельно от морфологии" / 55., с.48/. Эта точка зрения обосновывается В.В.Лопатиным. Выдвигается два главных аргумента: 1) "...Словообразовательные средства языка - это главным образом средства морфемные, а стало быть сам механизм словообразования, наряду с механизмом собственно морфологическим (словоизменительным), является частью того раздела грамматики, который можно назвать морфемикой..." /с.48/. 2) "Известны и различные проявления непосредственного взаимодействия словообразования со словоизменением": использование в качестве словообразовательного средства системы флексий, обусловленность словообразовательных потенций слова его морфологическими свойствами и т.д.

В этом описании действительно вводится раздел "морфемика", объединяющий морфологию и словообразование. В остальном же описания разделены и автономны, используют разные системы понятий. Как направленное к сближению единиц описания, по-видимому, следует оценить введение морфологического понятия парадигмы в описание словообразования (см. ниже). Отношения словообразования к другим частям грамматики, к синтаксису автор не касается. "Основной единицей структуры языка на словообразовательном уровне" признается формант, а "основной единицей системы" - словообразовательный тип. Указывается, что различные виды взаимодействия и взаимообусловленности словообразовательных типов проявляются в рамках гнезда" /с.53/.

Словообразовательная классификация типов опирается на классификацию частей речи (что "вовсе не означает подчинения словообразования морфологии или слияния словообразования с морфологией" - с.53).

"Опираясь на признак "частеречной" принадлежности слов, находящихся в отношении мотивации, можно строить грамматическое описание словообразовательной системы двояким образом: либо исходить из части речи (и других, более частных, формальных и семантических характеристик) мотивированного слова, либо из тех же характеристик слова мотивирующего. Первый подход можно условно назвать ретроспективным (с точки зрения "динамической синхронии" словообразования), второй - перспективным" /с.54/.

4. Словообразование - часть деривационной грамматики (часть деривационной системы номинации). Эта концепция развивается В.М.Никитевичем /65/. Центральной для автора является мысль о том, что направленность на слово как единственный результат деривации не может быть признана системообразующим признаком. Это ограничение, подчиненное плану выражения, не задает границ системного объекта. Более целесообразно исходить из понятия деривационного значения, из отношения мотивирующее - мотивированное. Тогда производное слово встанет в ряд с другими типами выражения производности, выражения тех же деривационных значений описательными средствами.

По мнению автора, "следует принципиально различать простую конденсацию раздельных знаков в слова и собственно деривацию". Этим различением, по-видимому, задается граница системы деривационной грамматики, которая должна опираться на деривационные значения. Лишь односторонний процесс конденсации плана выражения представлен в случаях сращений, аббревиатур, а также, видимо, в стяжениях типа зачетная книжка - зачетка. Круг значений задается "регулярным и наиболее абстрагированным выражением - способом аффиксации" /с.38/. Поэтому словообразование делается ядром, основой деривационной системы, но лишь частью ее.

В системе деривационной грамматики отражается взаимодействие способов аффиксации, транспозиции и аналитического способа. Во всех этих случаях существует эксплицитная связь между мотивирующим и мотивированным, которая проявляется в форме "усложнения исходного знака" "Смысл сосуществования денотативно равнозначных производных состоит в их разной способности сохранять в производной номинации требуемую информацию производящей. Если способ деривационной транспозиции и аналитический способ (деривации сочетаний) восполняет словообразовательную понимающий ("тот, кто понимает") искусство; но ср. невозможное "понимать искусства", семантическую и в разной степени грамматическую недостаточность аффиксации, то вместе с тем аналитический способ восполняет грамматическую недостаточность транспозиции (кто поймет искусство, но ср.: понимающий искусство)" /с.40-41/.

Словообразование – система универбации внутри системы номинации.

Таков понимание можно вывести из работ Л.Б.Сахарного /76,77/. Семантически ориентированной системе В.М.Никитевич система Л.В.Сахарного противостоит как формально ориентированная на слово – как конечный результат деривации. Если В.М.Никитевич выявляет регулярность формального выражения (разными способами) определенных типов значений, то Л.В.Сахарный исследует регулярность свертывания составной номинации в слово.[1] "Процессы, в результате которых образуется новое слово (их принято называть номинацией), распадаются на два этапа: собственно номинацию, т.е. возникновение в процессе коммуникации новой единицы, "нового" (по сравнению с исходным неуточненным наименованием) расчлененного знака, состоящего из сочетания индентифицирующего и дифференцирующего компонентов, и универбизацию, т.е. возникновение в процессе коммуникации в качестве одного из возможных вариантов оформления новой расчлененной единицы – этой единицы, цельнооформленного (по терминологии А.И.Смирницкого) знака-универба. На этом этапе уточняется объем плана содержания и складывается план выражения будущего слова"/76,с.10/.Новый подход,естественно,влечет за собой новую систему понятий,используемых при описании объекта исследования. Поскольку образование нового слова рассматривается на базе синтаксического,а не морфемного анализа,постольку естественно "описывать это явление в понятиях синтаксиса (причем сам процесс словопроизводства – в понятиях актуального синтаксиса" /76,с.5/

На этапе собственно номинации, когда новое наименование возникает в форме некоторого словосочетания, процесс его создания описывается как процесс синтаксического развертывания в понятиях грамматики НС. Исходя из убеждения в психологической реальности первого этапа номинации как обязательного начального этапа образования нового слова, автор рассуждает о стимуле возникновения новой номинации, создание которой происходит путем развертывания по НС. Таким стимулом является несоответствие данной ситуации исходной номинации (служащей ядром будущей синтагмы НС). Требуемые в процессе коммуникации уточнения в соотнесении номинации с называемым денотатом осуществляются с помощью зависимого члена синтагмы НС. "В результате развертывания по НС в наименовании, состоящем из одной синтагмы НС, ядро является темой, а зависимый элемент – ремой" /76, с.13/.

Соотношение темы и ремы на втором этапе номинации, при универбизации, характеризуется свертыванием темы и сохранением ремы синонимичного словосочетания либо полностью: (деятель), который читает – читатель; хранилище для овощей – овощехранилище; либо в усеченном виде: сберегательная касса – оберкасса; либо в виде аффикса универба, если рематический элемент достаточно стандартен: огород маленького размера – огородик. "В механизм словообразовательной модели входят

[1] Реферат работ Л.В. Сахарного принадлежит Л.П.Катлинской.

стандартные правила преобразования составного наименования с целью экономии плана выражения, а именно: степени нейтрализации "лексико-семантических" элементов темы и грамматических (синтаксико-семантических) элементов ремы, а также правила подстановки супплетивных форм ремы (при отсутствии нейтрализации в теме)" /с.22, 23/. Система аффиксов "морфологического" словообразования разбивается на две группы: I) аффиксы, в которых обозначена тема наименования (-тель, -к-а, -ник и т.п.) и 2) аффиксы, в которых обозначена рема наименования (-ик, -ну- и т.п.) /76, с.17/.

Вопрос о степени свертывания темы в условиях реальной коммуникации и о средствах такого свертывания рассматривается в связи с безграничными возможностями и многообразием типов ситуаций, характерных для речевой деятельности вообще. Как особую ситуацию при вычленении ремы автор оценивает образование универба на основе противопоставления "закономерному" соотношению: картофелехранилище и картофелегноилище. Во втором универбе в качестве ремы выступает элемент - гноилище, тогда как в первом рема закономерно выражается в элементе картофеле-.

Разный характер и разная степень нейтрализации (свертывания) темы при универбизации приводит к разного рода особенностям при осознании такого универба как компонента фразы. К таким особенностям относится, в частности, возможность разного денотативного соотнесения универбов, например, универб рыбник может "представительствовать" от разных составных наименований (называть деятеля или предмет; того, кто ловит рыбу, разводит, продает, любит есть рыбу и сосуд или помещение для хранения рыбы и пирог с рыбой). Такая особенность рассматривается как своеобразная "полисемия" универба /с.23/.

Другую особенность аналогичного характера иллюстрируют универбы кукловод и кукольник, "архимоделью" для которых служит модель с максимально общей степенью сохранения темы (деятель, который занимается каким-то действием, как-то связанным с куклами). Для избранных примеров - это модель с суффиксом -ник. Остальные модели синонимического ряда являются более "узкими" и применяются для подчеркивания специфичности универба (в данном случае это модель с "суффиксом" -вод). "Подобно лексической синонимии, указанные модели оказываются синонимичными в ситуациях, когда важен учет доминанты (т.е. значения, передаваемого даже архимоделью)" /с.24/.

С синонимией словообразовательных моделей автор связывает **проблему их продуктивности**, различая в этой проблеме вопросы **возможности и предпочтительности** универба, образованного по той или иной модели.

В аспекте выбора и предпочтительности одного из синонимических средств для передачи определенного смысла в процессе речевой деятельности рассматривает автор некоторые особенности механизма социализации универба, понимая под этим частоту объективации наименований какого-либо денотата, приводящей к закреплению его в качестве нового слова.

5. В книге Ю.Д.Апресяна /18/ в главе III "Словообразование и многозначность" словообразование рассматривается как одно из ведущих средств синонимических преобразований в языке и подразделяется на "словообразование в собственном смысле слова" и "супплетивное словообразование". Как то, так и другое служат целям равнозначных преобразований. Ср.: Ткань была ослепительно белая – Белизна ткани была ослепительной; Хорошо видеть – хорошее зрение; Она его боготворит – Он ее кумир. К словообразовательным средствам, способным служить целям перефразирования, относятся прежде всего, синтаксические деривaты (доверять-доверие, видеть – зрение, белый- белизна, живот – брюшной и под.) Однако, по мнению автора, и некоторые другие типы словообразования "не будучи чисто синтаксическими, отличаются от последних не столько денотативно, сколько сигнификативно" /с.164/. Возможна перифраза: Он защищает слабых – Он защитник слабых (во втором случае "действие со многими участниками представляется как свойство первого участника" /с.165/. Рассматриваются основные типы отглагольных существительных – имена действия, актантов ситуации (действия), результата и кванта действия, прежде всего с точки зрения их синтаксических свойств. В случае имен действия валентности производящего сохраняются (ср. X защищает У-а – защита У-а X-ом), в случае имен актантов ситуации не реализуется либо субъектная валентность (ср. X защищает У-а, но только защитник У-а), либо объектная (ср. X защищает У-а, но только подзащитный X-а).

В системе перефразирования при выражении регулярных отношений – "лексических функций" имена действия участвуют в сочетаниях с десемантизированными полуслужебными глаголами (X образцово защищает У-а = X образцово ведет (проводит) защиту У-а, а производные – имена участников ситуации сочетаются со связочными глаголами (X защищал У-а = X был защитником У-а).

Отглагольные существительные со значением результата действия подразделяются на три категории. Первые, образованные от глаголов деформации или деструкции, имеют на одну валентность меньше, чем производящий глагол, ср. Он поцарапал стекло – царапина на стекле; Он проломил стену – пролом в стене и под. Вторые, имеющие значение продукта действия, сохраняют актантную структуру исходного слова: Доклады по всем вопросам аннотируются, конспектируются, реферируются, ... самими авторами – авторские аннотации конспекты, рефераты докладов. Третий тип существительных – изумление, обида, огорчение, радость и под. имена эмоций – состояний, производные от глаголов изумляться, обижаться, огорчаться, радоваться и под., которые в разных условиях употребления имеют стативное или начинательное значение. Между тем, существительные обозначают только состояние. По отношению к статальному значению производящего производные существительные — чисто синтаксические деривaты, а по отношению к начинательному значению – лексические деривaты со значением результативности.

www.ruslang.ru

К синтаксическим дериватам автор относит и отглагольные существительные со значением кванта действия: грести - гребок, кланяться - поклон; плевать - плевок и др. под. Такие существительные Ю.Д.Апресян считает производными от глаголов совершенного вида. Выделяются следующие типы актантных существительных: а) субъект (водить - водитель); б) объект (курить - курево); в) место (зимовать - зимовье); г) инструмент (клеймить - клеймо); д) средство (приманивать - приманка); е) способ (ходить - походка).

Супплетивное словообразование отличается от словообразования истинного тем, что при наличии стандартной семантической выводимости произвольного из производящего между тем и другим отсутствует формальная выводимость. Классическим примером супплетивного словообразования служат наименования пола животных (жеребец - кобыла, ср. гусь - гусыня), детенышей (собака - щенок, ср. лев - львенок) названия деятеля (стирать - прачка), порядковых числительных (один - первый) и др.

Ю.Д.Апресян приводит основные семантико-синтаксические типы супплетивного словообразования в русском языке. Это отношения типа (1) действие - имя действия: видеть - зрение, говорить - речь, рушиться - крушение и под.; (2) действие - субъект действия: входить - член (он входит в комиссию - Он член комиссии), вызвать - причина и под.; (3) действие - объект: боготворить - кумир, играть - роль, лечить - пациент и под.; (4) действие - инструмент действия: думать - ум, стрелять - оружие и под.; (5) действие - средство действия: лечить - лекарство, стрелять - боеприпасы; (6) действие - способ действия: держаться - манеры, писать - почерк и под. Всего автор выделяет двенадцать типов регулярных семантических соответствий. Среди них соответствие и между другими частями речи: : N → N, N → A, V → A, A → Adv, A → V.

Автор перечисляет языковые факторы, способствующие словообразовательному супплетивизму. Упомянем лишь наиболее универсальный: "чем менее мотивирован словарь языка в целом, чем язык лексикологичней в соссюровском смысле слова ..., тем больше в нем словообразовательного супплетивизма; так русский и немецкий языки гораздо менее супплетивны чем английский и французский" /с.172/.

Отдельно рассматриваются случаи, неполностью отвечающие условиям супплетивности. Это соотносительность типа - глагол - частица, ср. граничить - почти (Это граничит с предательством - Это почти предательство и под.), глагол - предлог, ср. начинать - с (начинать работу в 7 - работать с 7-ми) и под. Аналогичные соотношения рассматриваются между глаголом и союзом, местоимением - прилагательным или наречием (сам - личный, лично) и некоторые другие. Относительно последних автор отмечает, что их можно считать случаями лексической синонимии (при этом снимается требование о принадлежности синонимов к одной и той же части речи), либо рассматривать как новое явление

-промежуточное положение между супплетивным словообразованием и лексической синонимией.

В системе описания языка, выстраиваемой Ю.Д.Апресяном, словообразование влито в систему средств равнозначного перифразирования. Необычное для дериватологов расширение употребления терминов синтаксическая деривация, супплетивизм имеет определенные основания именно в данной системе описания, и может быть нецелесообразно в другой системе описания. Среди выводов автора, вытекающих из результатов его исследования, выделим следующий: "Основные типы семантических отношений, выражаемых словообразовательными типами свойственны и многозначности, и наоборот" /с.193/. Регулярно и в словообразовании и в семантической деривации (полисемии) (ср. также падежные значения) выражается круг значений, соответствующий системе актантных значений Система актантных значений "с поистине удивительным постоянством обнаруживает себя на самых разных уровнях языка и в самых различных ипостасях", и это "несомненное свидетельство того, что она действительно играет в языке фундаментальную роль" /с.133/. „Универсальные" значения, автор, по-видимому, относит к центральной, ядерной части семантики всех языковых подсистем, в том числе словообразовательной системы. Тип значения, уровень обобщения во многом предопределяется идеей "универсальности".

Очевидно влияние соответствующего подхода на последующие исследования, в которых ведется поиск регулярных наборов значений производных от одного производящего; при построении "словообразовательных парадигм" также встал вопрос о включении в их состав "супплетивных" обозначений.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что в разных системах описания, представленных здесь, д е л а е т с я у п о р н а р а з н ы е е д и н и ц ы : образец, тип - при замкнутом описании; деривационное значение, категорию - при ономасиологическом подходе (см. также введение к разделу второму); гнездо, регулярный набор производных ("словообразовательную парадигму") - в различных системах описания, учитывающих данные синтаксического уровня, хотя в каждом из описаний могут использоваться все единицы.

П. Единицы описания словообразовательной системы. Словообразовательное гнездо

В этой части раздела изложены результаты изучения словообразовательного гнезда как комплексной единицы словообразовательной системы в работах последних лет. Охарактеризованы основные направления, различающиеся методикой и аспектами анализа. Библиографический список работ по теме составлен А.Н.Тихоновым.

8288

[I] Конец параграфа написан Е.В.Красильниковой.

I. Абдулаев Г.Л. Опыт структурно-семантической деривации слов (гнезда рус-/русс-/росс-). – АПРС I, 1975.
2. Альтман И.В. Особенности отглагольных гнезд в русском языке. – ПСЛ 1971. М., 1972.
3. Альтман И.В. Особенности русских глаголов и структура их словообразовательных гнезд. – ПССП, Пермь, 1974.
4. Альтман И.В., Соболева П.А., Левчук В.Н. Сопоставительный анализ отглагольных словообразовательных гнезд в русском и английском языках. – АПРС I, Самарканд, 1972.
5. Белокриницкая С.С. Классификация словообразовательных гнезд от непроизводных существительных в русском языке. – ПСЛ, 1971, М., 1972.
6. Белокриницкая С.С. Типология словообразовательных гнезд, порождаемых от существительного. – ПССП, Пермь, 1974.
7. Беляева Л.Н. Статистическая структура словообразовательных гнезд и машинный словарь русских основ. АКД. Л., 1974.
8. Бродская Б.А. Метафорические связи слов в словарном гнезде. – АПРС I, Самарканд, 1972.
9. Бродская Б.А. Некоторые наблюдения над метафоризацией однокоренных глаголов в современном русском языке. – Русское словообразование. Самарканд, 1972.
10. Васильева А.Н. Базовый потенциальный словарь для чтения художественной литературы на продвинутом этапе обучения, Изд-во МГУ, М., 1973.
11. Гинзбург Е.Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд. – ПСЛ 1972. М., 1973.
12. Гинзбург Е.Л. Понятие словообразовательного гнезда. – ПССП, Пермь, 1974.
13. Гинзбург Е.Л. Одноименность однокоренных производных. – ПСЛ 1976. М., 1978.
14. Гинзбург Е.Л. К разработке критериев направления производности. – Грамматика и норма. М., 1977.
15. Емельянова С.А. Словообразовательные гнезда с исходным именем прилагательным со значением цвета. – АПРС I, 1975.
16. Закарьян М. О словообразовательных гнездах. – Kalbotyra Языкознание. XXVII (2). Slavistika . Вильнюс, 1977.
17. Закарьян М. Три уровня словообразовательного гнезда. – Там же.
18. Зализняк А.М. Структура и семантика отглагольных существительных словообразовательного гнезда бить. – АПРС I. Самарканд, 1972.
19. Зализняк А.М. О группировке значений в словообразовательном гнезде бить. – Научные труды Ташкентского ун-та, вып. 449, Ташкент, 1973.

20. Зализняк А.М. Семантическая соотносительность производных и производящих слов в словообразовательном гнезде бить. – Научные труды Ташкентского ун-та, вып. 466, Ташкент, 1974.
21. Зализняк А.М. Синонимические связи компонентов словообразовательного гнезда бить. – АПРС I, 1975.
22. Иванова Т.Ф. Типы мотивационных отношений в лексемословообразовательном гнезде. – АПРС I, 1975.
23. Иванова Т.Ф. Частичное гнездование слов в учебно-толковом словаре для иностранцев. – Проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
24. Кейдан В.И. Наблюдения над словообразовательными гнездами синонимов. – ИССП, Пермь, 1974.
25. Рыжкова Л.А. Гнездо родственных слов как объект исторической и современной лексикологии. – Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Научные доклады II Межкафедрального семинара аспирантов-языковедов. Л., 1973.
26. Сергеева Н.И. К вопросу о словообразовательных гнездах и их типологии в современном русском языке. – Русский язык в Среднем Поволжье. Чебоксары, 1977.
27. Словарь-справочник по словообразованию под ред. Амирова Г.С. Алма-Ата, 1975.
28. Смирнова Г.А. Операторное порождение слов на основе аппликативной грамматики. – ПСЛ 1972, М., 1973.
29. Смирнова Г.А. Типология отадективных гнезд. – Аспекты лингвистического анализа. М., 1974.
30. Соболева П.А. О гнездовом основообразовательном словаре. – Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
31. Соболева П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов. – ПСЛ 1976. М., 1978.
32. Тихонов А.Н. Семантические связи слов в словообразовательном гнезде. – Русское словообразование. Самарканд, 1972.
33. Тихонов А.Н. Слово и его родня. – Там же.
34. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. АДД. М., 1974.
35. Тихонов А.Н. О гнездовании слов. – Исследования по славянской филологии. Изд. МГУ, 1974.
36. Тихонов А.Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов. – Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.
37. Тихонов А.Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательного гнезда. – Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов Ташкентского ун-та, № 549, Ташкент, 1978.
38. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978.

39. Тихонов А.Н., Емельянова С.А. Антонимы и словообразование. - В сб. Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов № 501, ч. I. Ташкент, 1976.
40. Тихонов А.Н., Мухаммадиев Э.М. Словообразовательные гнезда глаголов движения в современном русском языке. - АПРС I, 1975.
41. Частова Г.М. Словообразовательные гнезда с исходными существительными на -метр(ия). - АПРС II, 1976.
42. Частова Г.М. Словообразовательные гнезда с исходными существительными на -лог(ия). - Русский язык в Среднем Поволжье, вып. I, Чебоксары, 1976.
43. Шарафутдинов К.Ш. Множественность мотивации и ее виды в отглагольных гнездах (на примере гнезда гнать). - АПРС II, 1976.
44. Ширина Л.И. Словообразовательные гнезда как лексико-семантическая группа. - Актуальные проблемы лексикологии, Минск, 1970.
45. Ширина Л.И. Семантическая соотносительность компонентов словообразовательного гнезда с вершиной "сладкий". - АПРС I, 1975.
46. Шишкина А.С. О некоторых особенностях отыменных гнезд. - ПСЛ 1976. М., 1978.
47. Штерн И.Б. Об одной трактовке анализа морфемной структуры гнезда в связи с построением грамматики синтеза. - АПРС I, Самарканд, 1972.
48. Ярулдина Т.С. Словообразовательный потенциал и частеречная структура глагольных гнезд (на материале гнезд с исходным односложным глаголом на -ить, -ыть). - Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов Ташкентского ун-та, № 549. Ташкент, 1978.
49. Цыганенко Г.П. О корне и гнездах слов - РЯНШ, 1975, № 2.
50. Herman L. A dictionary of Slavic word families. London, 1975.

6. К основным итогам изучения синхронной системы словообразовательных гнезд в последние годы можно отнести следующее. Уже сделаны плодотворные попытки охарактеризовать словообразовательное гнездо как единицу словообразовательной системы языка, выявлены и описаны его основные формальные и семантические особенности, исследованы отдельные типы гнезд, создан гнездовой словообразовательный словарь. Заметно обогатилась проблематика исследования словообразовательных гнезд, она активно обсуждается на конференциях по словообразованию, в программах которых вопросы изучения словообразовательных гнезд теперь занимают важное место[1]. Значительно расширилась география научных центров, где плодотворно разрабатываются различные проблемы, связанные с изучением сложных формально-семантических отношений слов в словообразовательном гнезде. Вместе с тем продолжают работу коллективы с уже сложившимися традициями и определившимся научным кредо. Важную роль в формировании теории гнезда продолжают играть исследова

ния П.А.Соболевой, Е.Л.Гинзбурга и других сотрудников той же группы Института русского языка АН СССР. Одним из центров, организующих работу по этой тематике, является Самаркандский педагогический институт им. С.Айни.

7. В этот период вышло несколько итоговых работ А.Н. Тихонова.

Словообразовательное гнездо по А.Н.Тихонову - упорядоченная отношением производности совокупность однокоренных слов. Перечислим основные вопросы, рассматриваемые автором в период 1972-1977 гг.

1) Различие сихронических и историко-этимологических гнезд.

2) Требования, которым отвечает синхроническое словообразовательное гнездо. Критерии отнесения слов к синхроническому гнезду.

3) Соотношение бесплодных слов и гнезд слов. Величина гнезда.

4) Расщепление гнезда на подгнезда по семантическим причинам. Понятие стержневого лексического значения.

5) Отношения между подгнездами внутри гнезда.

6) Перестройка и разрыв гнезд.

7) Семантические отношения между гнездами.

8) Роль словообразовательных гнезд в системной организации лексики.

1) А.Н.Тихонов критикует "засилие этимологии" в орфографии (Правила русской орфографии, М., 1962, Орфографический словарь русского языка, М., 1956 и др.), проявляющееся в неправомерном сближении семантически декоррелированных слов (здравствуй - здравый, конечно - конец и др.). Архаизация гнезд, т.е. построение гнездовой системы на основе историко-семантических связей слов, также характерно для ряда словарей, построенных по гнездовому принципу, в частности для первых трех томов семнадцатитомного Академического словаря современного русского литературного языка, где в одно гнездо включались исторически однокорневые слова, но утратившие в настоящее время семантические связи, например: чин и бесчинство, баста и бастовать, шабаш и бесшабашный и под. Для синхронических словообразовательных гнезд необходимы не только структурные, но, что главное, живые семантические связи однокорневых слов. А.Н.Тихонов такие связи образно называет "родственными".

2) "Родственные связи" слов опираются на: а) соотносительность словосочетаний, например, зеленая трава, зеленые луга - зеленеют, зазеленели, позеленели... трава, луга; зеленый от злости - зеленеет, позеленел от злости; б) словарные дефиниции, имеющие вид парафраз и содержащих непроизводное слово, например, чистить - делать чистым, очистить - сделать чистым, начистить - сделать чистым много и т.д.

---

[1] См., например, материалы I-III конференций "Актуальные проблемы русского словообразования", проведенных в Самаркандском педагогическом институте им. С.Айни в 1972, 1975, 1978 гг., опубликованные в 6 томах.

Парафраза может строиться и на любом другом члене гнезда, т.е. на производных более высоких степеней производности. Например, хитрец - некоторая доля хитрости, хитрить - говорить или поступать с хитростью, перехитрить - превзойти в хитрости и т.д. Автор подчеркивает, что формальное сходство, не поддержанное семантически, не может служить основанием для объединения слов в гнездо, например, дуб - дубина, плот - плотина и под.

3) Обследование словарного состава русского языка показало, что подавляющее большинство слов существуют в виде гнезд, т.е. совокупности родственных слов-семей. Бесплодные слова или "слова-одиночки" составляют лишь его ничтожную часть - 2,5%. Эти слова относятся к периферии лексики и представляют собой заимствования типа авеню, адажио, атташе, бра, варьете и под., а также устаревшие слова типа буки, ботфорт, бразда, веди, весь (селение), вежды и под.

Размеры словообразовательных гнезд варьируются от пары слов (барак - барачный, атлас - атласный и под.) до десятков слов и даже сотен. Так, существительные воробей и билет имеют по 10 производных, глагол болтать (движение) -имеет 61 производное. У слов клей - 100 производных, белый - 173, вода - 224, брать - 228. Наибольшее количество производных наблюдается в глагольных гнездах.

4) Богаты производными гнезда, образованные многозначными словами. В этом случае гнездо расщепляется на подгнезда. Каждое подгнездо объединяется одним из стержневых значений. Стержневое значение это такое значение, которое связывает вершину гнезда с рядом производных, т.е. с одним из подгнезд[1]. В производных словах в пределах гнезда могут сохраняться все либо часть значений исходного слова.

5) Как следует из примеров, приводимых автором, семантические подгнезда могут находиться в отношениях совпадения, включения, пересечения или дополнительности. Так, в отношениях почти полного совпадения находятся три подгнезда, производные от прилагательного бледный. Прилагательное бледный имеет три значения: 1. лишенный румянца, свежести; бескровный (какой ты больной, бледный); 2. слабо окрашенный, неяркий (о цвете чего-л.: бледные краски, тона); 3. светящий слабым, неярким светом, тусклый (бледная луна). Большинство производных трех семантических подгнезд сохраняют все три стержневых значения: бледность, бледнота, бледнеть, бледно, бледновато, бледноватость, бледнеть, побледнеть. Только лишь наличие уменьшительного бледненький, относящегося к первому значению, заставляет усматривать отношение включения между первым и остальными подгнездами.

---

[1] Ср. термин Аликаевой Г.В. "лексико-семантический вариант гнезда", что означает подгнездо, объединенное одним из значений вершины (Аликаева Г.В. Гнезда слов со связанными корнями в современном английском языке. АКД. М., 1980).

Большинство подгнезд находятся в отношениях пересечения (частичного совпадения). Так, существительное шум, имеющее четыре значения и объединяющее четыре подгнезда, имеет ряд общих, т.е. сохраняющих все четыре стержневых значения, производных. Это прилагательное шумный, наречие шумно и некоторые другие. Вместе с тем каждое из подгнезд обладает индивидуальными производными: шумок, шумовик (первое значение); отшуметь (второе значение); пошуметь, расшуметься (в значении "бранить, скандалить") и шумиха ("толки, пересуды").

Отношения дополнительности можно иллюстрировать примерами двух подгнезд прилагательного бедный. Первое значение "небогатый". Второе "несчастный". Первое значение является стержневым для производных бедно, бедность, бедноватый, бедняк, беднеть, прибедняться. Второе - для бедняга, бедняжка, бедняжечка. Автор полагает, что только наличие переносного значения (несчастный) в слове бедный удерживает гнездо от разрыва.

Расщепление на подгнезда необязательно связано с полисемией исходного слова гнезда. В ряде случаев оно может быть связано с полисемией производного. Так слово бульвар моносемантично, а производное прилагательное бульварный имеет прямое и переносное значение ("относящийся к бульвару" и "вульгарный, низкопробный"). Производные более высоких степеней производности расщепляются на подгнезда: а) бульварчик, бульваришко и б) бульварный, бульварщина. Отношения между подгнездами можно охарактеризовать как пересечение (из-за прилагательного бульварный). Автор отмечает сложность семантических отношений между подгнездами.

6) В ходе развития языка состав слов в гнездах меняется. При ослаблении семантических связей слова могут выходить из состава гнезда. Ср.: грань-граница, лапа - лапоть, печь - печаль, дар - даром и др. Изменение значений исходного слова оказывает влияние на состав подгнезд, сближая либо отдаляя их друг от друга.

7) Гнезда слов могут вступать в семантические отношения между собой. Так, например, вершины - антонимы образуют сходные гнезда по составу производных. Ср.: белый - черный, бело - черно, беловой - черновой, беловик - черновик, белизна - чернота, черненький - беленький, черноватый - беловатый, белец - чернец, белеть (побелеть) - чернеть (почернеть) и т.д.

8) Анализ гнезд с антонимичными вершинами показывает близость их структурной организации, в связи с этим возникает вопрос о роли словообразовательных гнезд в семантической организации лексики.

Как следует из изложенного, А.Н.Тихонов продолжает разрабатывать теорию гнездования слов, прежде всего ее семантические аспекты.

8. Работы, применяющие аппарат аппликативной порождающей модели, имеют общие идейные и технологические обоснования. В частности, для работ этого направления характерно использование специальной словообразовательной транскрипции (в зарубежных обзорах этого направления, см. напр. Miller, Laird. Language and perception. London, 1974, уже

не раз отмечалось, что эта транскрипция пока является единственной).

Напомним основные символы этой транскрипции и графические приемы представления структуры словообразовательных гнезд. Словообразовательные гнезда графически могут быть изображены в виде деревьев, где стрелка, соединяющая две вершины, фиксирует отношение производности между производящим (вершина, из которой стрелка выходит) и производным (вершина, в которую стрелка входит). В одну вершину может входить только одна стрелка, из одной вершины может выходить столько стрелок, сколько зафиксировано категорий производных. Таких категорий четыре: существительные (R_2X), прилагательные (R_3X), глаголы (R_1X) и наречия (R_4X). Стрелка вертикально вниз ведет к вершине, соответствующей производным существительным; относительно вертикальной стрелки стрелка влево под острым углом ведет к вершине, соответствующей производному глаголу; стрелка вправо под острым углом ведет к вершине, соответствующей производному прилагательному; стрелка вправо под прямым углом ведет к вершине, соответствующей производным наречиям. Стрелка, выходящая из вершины, в которую не входит ни одна другая стрелка (т.е. соответствующая категории лексической единицы вообще), ведет к производным первого такта (или первообразным). Буквенная запись строится по следующему правилу: R_1O, R_2O, R_3O, R_4O - первообразные, или производные первого такта, принадлежащие категориям глагола, существительного, прилагательного, наречия; количеству тактов производности слова соответствует число символов типа R в изображении его деривационной истории (словообразовательной структуры).

Основные понятия теории описания словообразования методами порождающей грамматики были введены в научный обиход еще в 1960-х годах и поэтому освещены в предыдущем выпуске настоящего обзора; ниже описываются работы, продолжающие исследование словообразования в рамках этого направления, использующие и развивающие основные его принципы.

В период с 1974 по 1977 гг. наибольшее внимание в рамках данного направления уделялось проблеме словообразовательного гнезда как сложноорганизованной системы, характеризующейся рядом специфических свойств и параметров. К исследованиям словообразовательного гнезда относятся прежде всего работы Е.Л.Гинзбурга [12, 13, 14], П.А.Соболевой [30, 31], а также И.В.Альтман [2, 3], С.С.Белокриницкой [5, 6], Г.А.Смирновой [28, 29].

Словообразовательное гнездо понимается как иерархически упорядоченная совокупность однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной производности (что, как выяснилось, не тождественно понятию совокупности однокоренных слов вообще, даже если их родство не только обнаруживается при этимологическом анализе, но и зачастую представляется очевидным и в синхронном плане). Общность корня понимается как необходимое, но недостаточное условие для объединения однокоренных слов в гнездо; непременным же условием для этого служат иерархически упорядоченные отношения между производящими и производ-

ными словами, обнаруживаемые при анализе их синхронической деривационной истории (что, как известно, не тождественно морфемному составу).

Указанные работы можно распределить по следующим группам. В одной группе обсуждаются основные понятия, средства, пути и методы моделирования словообразовательных гнезд [11,12,30]; вторая - посвящена вопросу о реальности словообразовательного гнезда как единицы языка, а также проблемам тождества слова, поливыводимости и омонимии словообразовательных форм в их связи с проблемами теории слова, производного слова, словообразовательного гнезда [13,31]; третья - типологии словообразовательных гнезд [2,3,5,6]; в четвертую можно отнести работы, посвященные проблемам соотношения универсальных словообразовательных гнезд и гнезд неуниверсальных, характерных для каждого данного языка [4,46].

Статья Е.Л.Гинзбурга [11] представляет собой очерк теории словообразовательного гнезда и системы словообразовательных гнезд. Автор исходит из необходимости различать 1) объекты и результаты описания, 2) универсальное и специфическое для данного языка в объектах анализа, 3) модели (=норму) и факты, отвечающие этим нормам, или узус, и, наконец, 4) грамматическое, те свойства данной единицы, которые позволяют сравнивать ее с любой другой подобной единицей, и лексическое. Поэтому грамматику словообразовательных гнезд предлагается строить, во-первых, последовательно противопоставляя словообразовательные гнезда - генотипы, или упорядоченные наборы отношений производности, для каждого из которых хотя бы в одном естественном языке найдется отвечающее ему как норме словообразовательное гнездо-фенотип, т.е. совокупность словообразовательных связей однокоренных лексических единиц (слов или лексико-семантических вариантов слов безразлично) хотя бы в одном лексическом гнезде этого языка; и во-вторых, описывая словообразовательные связи с точностью до частеречных характеристик связываемых единиц. От объектов описания L-гнезд - генотипов и фенотипов следует отличать R-гнезда - генотипы и фенотипы, и единицы некоторого метаязыка описания, отвечающего заранее фиксированным требованиям к нему, т.е. аксиоматике языка описания, и результаты самого описания. Если это описание носит грамматический, нормативный характер, каждому интерпретированному R-гнезду соответствует класс L-гнезд (он может состоять и из одного гнезда-фенотипа).

В задачи исследования словообразовательных гнезд входит прежде всего описание наличного состава словообразовательных гнезд и выявление их системы в данном языке, в частности связей, иерархии и типологии, грамматических лакун, путей преобразования, наконец, случаев неоднозначности, исходного момента для анализа оппозитивной организации словообразовательных гнезд (требующей, как известно, однородности сравниваемых объектов, что и определяет необходимость словообразовательной транскрипции, или специального метаязыка описания).

в данной статье [11], а затем в развернутом виде в [13] предлагается толкование терминов, необходимых для описания и анализа словообразовательных гнезд и системы словообразовательных гнезд. Фиксируются предположения о составе, семантике и связях слов в гнезде, необходимые для исчисления R-гнезд, предлагаются широкое и узкое определения гнезд-генотипов и соответствующее последнему исчисление R-гнезд, в котором учитывается лишь то, слова каких частей речи связаны отношениями производности. Вслед за этим в качестве иллюстрации предлагаемой методики описания исследуется интерпретируемость L-гнездами русского языка R-гнезд глубиной в три шага (считая за шаг и задание категории первообразного), а также иерархия соответствующих классов L-гнезд по включению.

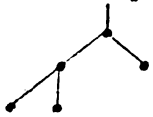
Предложенная автором транскрипция словообразовательных гнезд является одновременно и той моделью их системы, на которой удобно проверять гипотезы о природе гнезд и обсуждать некоторые спорные проблемы их теории, иными словами проводить лингвистические эксперименты, направленные на выявление системных свойств таких объектов. Сообщается о результатах нескольких таких экспериментов.

Один из них связан с выявлением тех гнезд, которые наиболее полно воплощают качества отношения производности как разновидности отношения маркированности. Речь идет о понятии регулярного гнезда, где – с точностью до деривационной структур членов гнезда – у каждого производного меньше производных, чем у его производящего, как в случае гнезда с акция ($R_2 0$) – акционер ($R_2 R_2 0$) – акционерный ($R_3 R_2 0$) – акционерский ($R_3 R_2 R_2 0$). Легко проверить, что любая система гнезд, наряду с регулярными, знает и нерегулярные гнезда, где у производного больше производных, чем у его производящего, как в случае гнезда со словом грязь: грязь ($R_2 0$) – грязнил, грязнел ($R_I R_2 0$) – грязнился, загрязнил/загрязнял ($R_I R_2 R_2 0$) – загрязнился/загрязнялся ($R_I R_I R_I R_2 0$) – грязища ($R_2 R_2 0$) – грязевой, грязный ($R_3 R_3 0$) – грязнуха ($R_2 R_3 R_2 0$) – грязно ($R_4 R_2 R_2 0$) – загрязнение ($R_2 R_I R_I R_2 0$). Каков смысл противопоставления регулярных и нерегулярных гнезд? Из определения следует, что каждое регулярное R-гнездо, как и любое словообразовательное гнездо, конечно по сложности (числу членов) и глубине (наибольшей деривационной истории у членов гнезда), и эти характеристики не могут быть больше некоторой величины, опеределяемой числом частей речи производных – от первообразного), а это значит, что регулярное гнездо наиболее полно моделирует свойства словообразовательных гнезд естественных языков, которые, как доказывает этот эксперимент в своей организации обязаны отношению производности. Более того, исчисление регулярных словообразовательных гнезд, предлагаемое автором, дает конечную совокупность R=гнезд конечной глубины и сложности, а это также факт естественных языков. Нерегулярные R=гнезда (хотя некоторые из них получают в естественном языке интерпретацию, а иногда и типичны) могут обладать любой конечной сложностью и глубиной и число их в

принципе ничем не ограничено. Можно предполагать, что их прообразы в естественном языке являются носителями переходных состояний от одной структуры к другой, претерпевают изменения. В работе предлагаются классификации нерегулярных R=гнезд, интерпретация регулярных и нерегулярных R=гнезд без производных прилагательных и наречий и анализ этих подсистем гнезд по указанной выше схеме, количественный и качественный анализ таких характеристик регулярных R=гнезд, как глубина, или сложность, обсуждение смысла конечности числа гнезд в системе гнезд, характеристика путей лингвистического эксперимента при исследовании словообразовательных гнезд и словообразовательной системы в целом, а также путей типологии словообразовательных гнезд.

В заключение приводятся решения некоторых типичных задач словообразовательного анализа, которые автор формулирует на основании замечаний акад. Я.Грота, сделанных при разборе словаря Вл.Даля по поводу распределения слов по гнездам и распределения слов в гнезде.

В работе С.С.Белокриницкой /6/ предлагается понятие типового и индивидуального гнезда. Выявляется зависимость между глубиной и сложностью словообразовательного гнезда с одной стороны и его моделирующей способностью - с другой. Различаются типовые графы - те, которые моделируют подавляющее большинство реальных гнезд - такие, например, как

R_1R_20 декретировал R_20 декрет R_3R_20 декретный

$R_1R_1R_20$ декретировался $R_2R_1R_20$ декретирование

и индивидуальные - те, которые соответствуют только одному гнезду (таковы, например, гнезда от существительных человек, дом, душа и др.); отмечаются и промежуточные случаи.

Излагаются некоторые наблюдения, касающиеся связи частеречного состава гнезда с моделирующей силой его графа: типовым графам чаще всего соответствуют гнезда, не имеющие производных глаголов, причем эта закономерность характерна для гнезд малой глубины; среди гнезд большой глубины и сложности, обладающих малой моделирующей силой, широко представлены производные всех четырех категорий.

В работе И.В.Альтман /2/ в дополнение к общепринятым характеристикам словообразовательных гнезд предлагаются и некоторые другие характеристики, касающиеся соответствия словообразовательных гнезд-генотипов тем реальным словообразовательным гнездам, отображениям которых они служат. Так, гнезда, соответствующие одному и тому же R=гнезду, могут иметь различную степень наполненности в зависимости от того, соответствует ли в нем одному и тому же компоненту R=гнезда только одно слово или более, чем одно.

Выдвигается понятие компактного и диффузного гнезда. Компактными считаются гнезда, в которых семантика производных отличается от семан-

тики производящего только словообразовательным значением (например, диктовал, подиктовал, продиктовал, диктант, диктовка). В любом ином случае гнездо считается диффузным; понятие диффузности включает весьма разнообразные случаи: это и неполное совпадение значений (при многозначном производящем), это и метафорические приращения смысла у производных типа надул 'обманул', накатил 'напоил допьяна' в гнездах от дул, катил.

Показано также, что используемый метаязык описания словообразовательных связей в гнезде позволяет выявить корреляции между особенностями частеречной структуры словообразовательного гнезда и некоторыми семантическими и лексическими особенностями слов, составляющих эти гнезда. Обосновывается гипотеза, в силу которой условную формульную запись и ее графический аналог можно в определенной степени считать и семантической записью. Так, характеристики графа (глубина, сложность, реляторный состав) служат указанием на некоторые свойства исходного непроизводного слова (например, на переходность производящего глагола), а также могут ограничивать варианты содержательной интерпретации для отдельных формул производных слов (например, указывать на одушевленность производного существительного).

В этих двух статьях описаны два важнейших класса словообразовательных гнезд современного русского языка, а именно - гнезда от непроизводных существительных (Белокриницкая) и глаголов (Альтман); описание выполнено на основе анализа всего лексического материала, который дает четырехтомный Словарь русского языка АН СССР (практически это основная русская лексика). Авторы приходят к некоторым выводам о специфике этих двух систем: отмечается, например, что наращение смысла у производных по отношению к смыслу производящих более характерно для гнезд от существительных, чем для гнезд от глаголов.

К этим работам примыкает и статья Г.А.Смирновой /29/.

Рассматривая словообразовательные гнезда от непроизводных прилагательных, автор предлагает одно из возможных типологических описаний. Это описание базируется на более универсальной типологии, предложенной в работе: Гинзбург Е.Л. Исследование гнезд сложных слов в русском языке на базе аппликативной модели. АКД. М., 1967. Все множество гнезд делится на два подмножества в зависимости от наличия или отсутствия в гнезде производного глагола, а затем каждое из этих подмножеств в свою очередь разбивается на группы в зависимости от наличия или отсутствия того или иного вида отадъективных производных. Полученные группы абстрактных аналогов гнезд (R-гнезд) соотносятся с реальными словообразовательными гнездами русского языка, определяется моделирующая сила каждого типа R-гнезда, выявляется степень разнообразия внутри каждого типа. Материал систематизирован при помощи таблиц и схем.

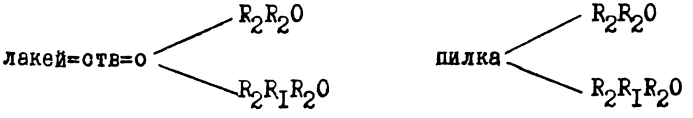
В работе П.А.Соболевой /31/ рассматриваются вопросы омонимии и полисемии производящих и производных.

Автор различает лексическую полисемию и полисемию словообразовательную. При лексической полисемии значения слова связаны между собой "лучеобразно" или "цепочечно", при словообразовательной полисемии значения слова (разумеется, производного) связаны между собой "параллельной" связью, т.е. не непосредственно, а опосредованно через одно или несколько значений производящего, например: снежок 'комок снега' (запустить снежком) и снежок 'мягкий снежный покров' связаны между собой через значения производящего снег; или молочник 'кувшин для молока' и молочник 'разносчик молока' связаны через значение производящего молоко. Случаи такого типа в словарях и специальных лексических исследованиях зачастую бывают отнесены к лексическим омонимам, что, по мнению И.А.Соболевой, неправомерно.

Развивая положения В.В.Виноградова и А.И.Смирницкого, автор предлагает новую типологию омонимов, построенную на комбинаторике лексических, грамматических и словообразовательных характеристик слова.

Вводится понятие словообразовательной омонимии, являющееся развитием идеи Г.О.Винокура об омонимии словообразовательных форм слова. Разграничивается омонимия лексическая и словообразовательная. Словообразовательная омонимия, в отличие от лексической, не нарушает тождества слова, поскольку словообразовательные омонимы, с точки зрения автора, представляют собой лексико-семантические варианты одного и того же слова, обладающие различной синхронической деривационной историей, и, соответственно, занимающие различные места в гнезде, например, лакейство 'сословие лакеев' - отыменное имя (R_2R_20) и лакейство 'угодничество' (лакей - лакействовать - лакейство $R_2R_IR_20$) или пилка 'маленькая пила' (R_2R_20) и пилка 'пиление' ($R_2R_IR_20$).

Если касаться соотношения словообразовательной структуры слова и его морфемного состава, то можно отметить, что словообразовательные омонимы, имея один и тот же морфемный состав, характеризуются различием словообразовательной структуры, например:

Словообразовательные омонимы соответствуют либо разным значениям одного и того же слова, либо разным оттенкам значений, например мод=ничать 'следовать моде', модн=ичать 'быть модным', и модни=ать 'уподобляться модному'. Последний пример иллюстрирует возможные различия в структуре формантов при словообразовательной омонимии.

В работе Е.Л.Гинзбурга /13/ показано, что словообразовательная полисемия и словообразовательная омонимия получают смысл в системе ряда языковых дихотомий, прежде всего таких, как многоименность (синонимия, вариативность и т.д.) vs одноименность (или, традиционно, равноименность), одноименность разнокоренных (=лексическая омонимия)

vs одноименность однокоренных. Предлагается гипотеза, в силу которой одноименность разнокоренных (=лексическая омонимия) - это отношение, характеристическое для слова во всем многообразии его значений и иных лексических форм, а одноименность однокоренных (в том числе полисемия) - это отношение лексико-семантических вариантов как одного слова, так и разных слов. Традиционное противопоставление "омонимия - полисемия" для автора является вырожденным случаем трихотомии "одноименность слов из разных гнезд - одноименность слов из одного гнезда - одноименность лексико-семантических вариантов одного и того же слова".

Словообразовательная омонимия доказывает, по мнению автора, I) несводимость предмета словообразования ни к производному слову, ни к словообразовательной паре; 2) реальность словообразовательного гнезда как упорядоченной совокупности словообразовательных связей, присущих однокоренным словам; 3) недопустимость подмены в определении словообразовательного гнезда совокупности отношений между словами совокупностью слов, организованных этими отношениями; 4) несводимость разнообразия словообразовательных связей в гнезде только к одному из них, хотя и кардинальному, а именно отношению (непосредственной) производности; 5) несовпадение понятий, а значит, и объема словообразовательного и лексического гнезд, а тем самым необходимость их изучения различными лингвистическими дисциплинами. В этой связи автор считает первоочередной задачей отграничить словообразовательную омонимию и от одноименности производящих, и от всех случаев одноименности производящих и производных, и от иных случаев одноименности производных, разновидностью которых является словообразовательная омонимия. Речь идет, с одной стороны, и о разнообразных видах полисемии, обусловленной многократными актами деривации от одного и того же производящего (см. И.А.Соболева[31]), типа забить или типа молочник, и о воспроизведении многозначности производящего типа отходить 'спасти', 'закончить ходить', или типа грунтовка 'грунтовая дорога'< грунтовой< грунт$_1$ и грунтовка< грунтовать< грунт$_2$, и об отраженной словообразовательной вариативности слова - типа зеленение от зеленеть и от зеленить и т.п., а с другой стороны, о ситуациях полиструктурности и полиформии одной и той же лексической единицы, т.е. о структурных вариантах лексико-семантического варианта типа переоценка от оценка и от переоценить или типа беглец< беглый и беглец< бежать или типа тяга от тянуть и от тянуться. На этой основе предлагаются: I) определение словообразовательной омонимии [с.88], 2) критерий реальности словообразовательной омонимии, состоящий в наличии мотивированных производных того же словообразовательного типа, 3) допускаемая определением классификация словообразовательных омонимов а) по идентичности/неидентичности членения на производящую основу и формант (resp.гомогенная - гетерогенная словообразовательная омонимия, ср. переоценка и обивка) и б) по идентичности/неидентичности части речи производящих (resp. одномерная - неодномерная слово-

образовательная омонимия, ср.: футуристский от футуризм и от футурист и пилка от пила и от пилить). Показывается, что подобно тому, как наличие разных деривационных историй не предопределяет принадлежности производных к разным лексическим единицам, просто принадлежность к словообразовательным омонимам не является гарантией ни отсутствия тождества слова, т.е. принадлежности словообразовательных омонимов к разным словам (А.Н.Тихонов), ни его наличия, т.е. принадлежности в качестве лексико-семантических вариантов к одному и тому же слову (П.А.Соболева), ср. традицию лексикографического описания единиц типа пилка< пилить и пилка< пила как разных слов, а единиц типа монашество< монах и монашество< монашеский как лексико-семантических вариантов одного и того же слова.

Автор считает, что подобно многоименности одноименность обладает структуро- и системообразующими функциями и носит тем самым закономерный, а не случайный характер - синонимия и вариативность фиксируют минимальные семантические отличия, необходимые для различимости лексических единиц из одного класса, содержанием же одноименности должны быть признаны категориальные основания противопоставления единиц как представителей лексических классов. Эта точка зрения определяет необходимость описания моделей одноименности, а следовательно, необходимость в метаязыке и методиках его использования. Автор предлагает решение этой задачи применительно к словообразовательной омонимии, а на его основе - описание системы моделей словообразовательных омонимов производных имен прилагательных современного русского литературного языка. Примечательно, что наиболее простые и распространенные модели словообразовательной омонимии соответствуют 1) типовым и 2) регулярным словообразовательным гнездам в том понимании этих терминов, которое предложено С.С.Белокриницкой и Е.Л.Гинзбургом. Автор указывает, что эти обстоятельства позволяют предполагать, что модели словообразовательной омонимии принадлежат, а возможно, и исчерпывают ядерные типы словообразовательных гнезд.

В заключение рассматривается, как в лексических гнездах словообразовательная омонимия взаимодействует с иными типами словообразовательных отношений, отличными от отношений производности, такими, как словообразовательная синонимия, вариантность, принудительные связи и т.п.

В статье Е.Л.Гинзбурга /14/ проверяется критерий "меньшей сферы использования" как критерий производности. По мнению автора, целесообразно "дополнить структурное представление гнезда частотными характеристиками членов гнезд, а для всех производных - указанием еще и на расстояние от производных или производящих. Подобные пометы фиксировали бы возможность ряда семантических интерпретаций для одного и того же производного и были бы материалом для обсуждения путей предпочтения одной из них". Из разбора ряда фактов делается предпо-

ложение о связи частотных характеристик с глубинным синтаксисом (а не с поверхностной морфологической реализацией словообразовательных форм).

Завершая обзор работ этого направления (см. также §10), следует заметить, что гнездовой подход к описанию словообразовательного уровня важен не только для изучения гнезда как такового, но используется и в качестве инструмента исследования; гнездовой подход оказывается эффективным способом наглядно представить некоторые результаты, касающиеся таких важных проблем, как тождество слова, а также таких насущных теоретических вопросов словообразования, как направление производности, вариативность формантов, продуктивность словообразовательных средств, соотношение словообразовательной и морфемной структур слова, множественность словообразовательной мотивации и др.

9. В ряде работ рассматриваются уровни представления гнезда однокоренных слов. С точки зрения внутренних системных связей рассматривается словообразовательное гнездо в работах М.Закарьян /16, 17/. Под словообразовательным гнездом она понимает "м и к р о с и с т е м у, состоящую из слов, имеющих один и тот же корень и связанных общим корневым значением" /16, с.32/.

"Гнездо состоит из единиц двух уровней: из слов и образующих эти слова морфем. И слова, и морфемы - единицы двуплановые (значение и звуковой состав). Соответственно этому и отношения между элементами гнезда лежат на двух уровнях: на уровне слов и на уровне морфем" /16, с.33/.

Отношения между элементами для каждого уровня специфичны:

1) "На уровне слов в гнезде действуют два типа отношений: а) ... парадигматические отношения - отношения тождества и различия между словами (в плане содержания по деривационному и лексическому значению, в плане выражения - по морфемному составу); б) причинно-следственные отношения между словами, находящимися в одной и той же деривационной цепи, но занимающими разные ее звенья" /16, с.33/.

2) "На уровне морфем (в плане выражения - между морфами, в плане содержания - между семами) также действуют два типа отношений: отношения парадигматические и синтагматические. Синтагматические, линейные отношения между морфемами возникают внутри производного слова между образующими его морфемами. На этих отношениях основаны закономерности сочетаемости морфем при образовании слова" /16, с.33/.

"Единицы разных уровней гнезда, - пишет М.Закарьян, - взаимосвязаны и влияют друг на друга: характер парадигматических отношений между словами в гнезде определяет собою характер синтагматических отношений между морфемами внутри отдельных слов. Верно и обратное: парадигматические отношения между словами в гнезде вытекают, определяются синтагматическими отношениями морфем, их сочетаемостью внутри слова". Все это определяет специфику словообразовательного гнезда как микросистемы, или подсистемы, словообразовательного уровня.

"Все эти виды отношений: парадигматические отношения между словами, причинно-следственные отношения между производящими и производными в одной словообразовательной цепи, синтагматические, линейные отношения между морфемами внутри слова, связанные с межсловесными отношениями внутри гнезда, и создают вполне реальную, а не теоретически мыслимую языковую систему, какой является словообразовательное гнездо. Гнездо - - это и парадигма, и иерархия" /16, с.34/.

Эта мысль М.Закарьян плодотворно развивается в другой ее работе /17/: "Слово, как известно, является единицей различных уровней языка: грамматики, словообразования, лексики. Для того, чтобы функционировать на том или ином уровне языка, слово должно обладать значением и формальными средствами, соответствующими этому уровню. Поэтому слово обладает несколькими "слоями" значения и разными средствами выражения этих значений. Семантика отдельного полнозначного (не служебного) производного слова состоит из трех "слоев": грамматического, словообразовательного и лексического. Эти три значения суть разные стороны одного и того же - значения слова" /17, с. 38/.

С каждым уровнем слово своеобразно связано и формально, и семантически:

1) "На уровне грамматики слово - член определенного класса слов, частей речи. Здесь в слове выступает его категориальное значение (значение предметности, процессуальности и пр.).

2) На деривационном уровне в производных словах на первый план выступает словообразовательное значение, которое получает свое выражение в словообразовательной структуре слова.

3) Наконец, на уровне лексики в слове выступает на первый план его лексическое значение" /17, с.40 /.

Далее автор приходит к обоснованным и весьма перспективным общетеоретическим выводам: "Это иерархическое строение слова в плане содержания (разные уровни значения) и в плане выражения (различные средства выражения) определяет собою и иерархическую структуру гнезда. Отношения между словами, членами гнезда, проходят на всех трех уровнях: грамматическом, деривационном и лексическом. И на каждом уровне - соответственно в двух планах - в плане содержания и в плане выражения.

Гнездо - часть словообразовательной системы языка. Поэтому именно словообразовательные отношения в гнезде являются для нас особенно важными: на их основе решается вопрос о принадлежности конкретного слова к данному гнезду, на их основе определяется место этого слова в словообразовательной цепи внутр.. гнезда. Словообразовательные отношения пронизывают гнездо сверху донизу. Поэтому изучение словообразовательного гнезда на разных уровнях - это изучение словообразования в трех разных аспектах, а не изучение грамматики, словообразования и лексики" /17, с. 40/.

Много внимания уделяют исследователи семантической структуре гнезда, смысловым взаимоотношениям однокоренных слов, типам мотивационных отношений, множественности мотивации в гнезде и многим другим актуальным проблемам словообразовательной семантики.

В статье Т.Ф.Ивановой применяется лексико-словообразовательный подход к анализу гнезда. В связи с этим она вводит понятие "лексемно--словообразовательного гнезда". "Под лексемно-словообразовательным гнездом (в дальнейшем - ЛСГ[1]) понимается иерархически упорядоченная в соответствии с деривационными закономерностями совокупность однокоренных слов-лексем" /22, с. 355/. Точка зрения Т.Ф.Ивановой близка к идеям М.Закарьян. Ср. также: "Поскольку элементарной единицей гнезда является слово-лексема, тем самым гнездо рассматривается как факт не только словообразовательной, но и лексико-семантической системы языка, и, как таковое, служит объектом двух видов анализа: словообразовательного и лексико-семантического" /22, с. 355-356/.

В качестве исходного положения в работе Т.Ф.Ивановой выдвинут следующий тезис: "Семантические мотивационные связи между исходным словом ЛСГ и его производными существуют и выявляются на уровне отдельных л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и х в а р и а н т о в с л о в . Таким образом, мотивационные отношения в ЛСГ правомерно анализировать именно на у р о в н е о т д е л ь н ы х Л С В исходного слова и его производных" /22, с. 357/.

В результате анализа "1800 лексемно-словообразовательных гнезд, в которые сведено 8786 лексем современного русского литературного языка (только нейтральная лексика)" ею выделено "девять типов мотивационных связей лексических значений исходного слова ЛСГ и его производных и построена их классификация".

"Все типы связей делятся на три группы по признаку: "вид базового (исходного) значения мотивирующего слова".

I. Базовым значением является лексическое значение мотивирующего слова (в целом):

1) все ЛСВ исходного слова (лексическое значение в целом) мотивируют все ЛСВ производного слова (лексическое значение производного в целом); 2) лексическое значение (в целом) мотивирует первичный ЛСВ производного слова; 3) лексическое значение исходного мотивирует вторичный (-ые) ЛСВ производного слова.

II. Базовым (исходным) значением является первичный ЛСВ мотивирующего слова:

1) первичный ЛСВ исходного слова мотивирует все ЛСВ производного слова (лексическое значение в целом); 2) первичный ЛСВ исходного слова

[1] Неудобство этого сокращения заключается в том, что оно омонимически совпадает с другим сокращением ЛСГ (лексико-семантическая группа), которое широко употребляется в исследованиях по семантике, лексике и прочно вошло в лингвистический обиход.

мотивирует первичный ЛСВ производного; 3) первичный ЛСВ исходного слова мотивирует вторичный (-ые) ЛСВ производного.

Ш. Базовым значением является вторичный (-ые) ЛСВ мотивирующего слова: 1) вторичный (-ые) ЛСВ исходного слова мотивирует все лексическое значение производного слова (в целом); 2) вторичный (-ые) ЛСВ исходного слова мотивирует первичный ЛСВ производного; 3) вторичный (-ые) ЛСВ исходного мотивирует вторичный (-ые) ЛСВ производного слова" /22, с. 356/.

Большой теоретический и практический интерес представляет вывод автора: "Анализ типов семантической мотивации производных слов в пределах ЛСГ, с одной стороны, служит построению типологии мотивационных отношений, с другой стороны, позволяет осмыслить гнездовое представление лексических единиц как универсальное проявление деривационных связей на лексико-семантическом уровне и на основании этого описать ядерную часть лексики синхронного среза в виде лексемно-словообразовательных гнезд, развернутых почти у каждого непроизводного слова" /22, с. 359-360/.

Лексико-семантический подход к анализу гнезда развивается в работах Л.И.Ширина /44, 45/. Словообразовательные гнезда она рассматривает как "один из видов языковых группировок (микросистем) слов на словообразовательном уровне". По ее мнению, "СГ представляют собой синхронные структурно-семантические микросистемы однокоренных слов, отношения между которыми сводятся к соотносительности" /45, с. 323/. В статье дан семантический анализ гнезда сладкий на уровне ЛСВ однокоренных производных слов. В гнезде выявлено два типа семантических отношений между вершиной сладкий и другими его компонентами: 1)отношение семантического тождества (ср. сладкий и сладость, сладостный, сласть и др.); 2) отношение семантического включения (ср. сладкий и сладковатый, сластить, сладить и др.).

Изучению метафорических связей однокоренных слов в гнезде посвящены статьи Б.А.Бродской /8, 9/. По ее наблюдениям, метафоризация охватывает большие массивы однокоренных слов в гнезде, производные слова перенимают метафорические значения своих производящих. С этой точки зрения ею проанализированы метафорические значения исходного существительного золото и производных от него слов (золотой, золотить, позолотить, позолота, вызолотить/вызолачивать и др.). Б.А.Бродская приходит к выводу, что "изучение вторичных семантических процессов на материале словарного гнезда позволяет воочию увидеть тесное взаимодействие различных частей речи на метафорическом уровне. Иными словами, то "цементирующее" влияние гнезда, которое обнаруживается в словах в их прямом значении, просматривается еще глубже в метафорических словах" /8, с. 27/.

В работах А.М.Зализняк /18-20/ лексико-семантические связи однокоренных слов изучаются на материале одного словообразовательного гнезда - бить. В СГ можно обнаружить многочисленные примеры внутри-

и внегнездовой синонимии и антонимии. Автор пишет: "Изучение лексико-семантических парадигм, как исходного слова гнезда, так и его производных на разных словообразовательных ступенях позволит получить картину вхождения СГ в лексико-семантическую систему языка ... Изучение вхождения СГ в лексико-семантическую систему языка может уточнить и дополнить представление о системном характере лексики" /20, с.383/.

Исследование семантической структуры отдельного гнезда осуществляется также в плане выявления в нем полимотивированных образований. В этом аспекте определенный интерес представляет статья К.Ш.Шарафутдинова /43/, в которой подробно описана множественность мотивации и ее виды в гнезде гнать. Как показывает исследование, явление словоо, образовательной полимотивации должно изучаться именно на фоне гнезда. Гнездовой подход здесь действительно является перспективным.

В статье В.И.Кейдана /24/ обследованы словообразовательные гнезда синонимов. Она посвящена "сравнительному изучению словообразовательных гнезд слов, являющихся членами одного синонимического ряда" /24, с. 49/. Анализу подвергнуты гнезда глаголов: желать, молчать, алкать, жаждать, вожделеть; хотеть, стремиться.

Внимание многих дериватологов привлекают вопросы структурной организации словообразовательного гнезда.

В статьях Г.М.Частовой /41, 42/ структура гнезда характеризуется как совокупность конкретных словообразовательных типов. При этом учитывается явление множественности словообразовательной структуры слова. В статье определяется также словообразовательная активность тех или иных типов гнезд. "Гнезда с исходными существительными на -метр (ия), - пишет Г.М.Частова, - в современном русском языке относятся к активным типам словообразовательных гнезд. Состав производных в них непрерывно пополняется, так как постоянно возникают новые названия различных отраслей наук, измерительных приборов, устройств, инструментов. Однако в целом существительные на -метр(ия) являются словообразовательно более пассивными, чем, например, существительные на -лог(ия)" /41, с. 322/.

В статье С.А.Емельяновой /15/ рассмотрены структурные особенности словообразовательных гнезд с исходным именем прилагательным со значением цвета. Установлен набор производных слов, характерных для этих гнезд. По наблюдениям С.А.Емельяновой, в современном русском языке 30 гнезд с именами прилагательными цвета. "Большинство гнезд содержит в своем составе довольно богатый набор производных: 1) прилагательные оценки меры и качества, представленные суффиксами -еньк- (-оньк-), -оват- (-еват-), -ёхоньк- (-охоньк-), -ёшеньк- (-ошеньк-), и другие имена прилагательные; 2) имена качества, образованные при помощи суффиксов -ость, -изн(а), -ин-а, -от-а, и другие группы существительных; 3) наречия; 4) глаголы на -е(ть) и -и(ть) со сложной и разнообразной системой производных; 5) сложные прилагательные" /15, с. 284/.

В работе А.Н.Тихонова и Э.М.Мухаммадиева /40/ охарактеризованы гнезда глаголов движения, определен их словообразовательный потенциал.

Ряд новых и интересных проблем выдвинут в статье Т.С.Яруллиной /41/. В ней на материале гнезд с исходными однослоговыми глаголами на -ить, -ыть рассматриваются понятия "словообразовательный потенциал гнезда", частеречная структура гнезда", "словообразовательная парадигма" (СП).

"В гнезде, - пишет Т.С.Яруллина, - вычленяется более мелкая единица - словообразовательная парадигма (СП). Парадигму составляет совокупность всех непосредственно производных от какого-либо слова" /38, с. 91/. В понимании словообразовательной парадигмы она следует за Е.А.Земской, А.Н.Тихоновым.

"Полнота и регулярность СП зависит от различных свойств производящего слова и близости его расположения к исходному слову. Самую большую СП имеют исходные глаголы; слова, замыкающие словообразовательную цепь, производных не образуют. Это имена существительные со значением отвлеченного действия на -ние, -тие, -ость, уменьшительные имена существительные (завитушка, наливочка), имена деятеля женского пола на щиц(а), -ниц(а); страдательные глаголы несовершенного вида на -ся; наречия (вперебивку, ливмя); имена прилагательные.

СП глаголов полнее, чем именные. Производные I, II и III ступени в большей части образованы от глаголов, IУ и У - от имен" /48, с. 93/.

По мнению Т.С.Яруллиной, "частеречная структура гнезда зависит от порождающей способности исходного слова. Имена во всех гнездах составляют их большую часть, и количество их между гнездами значительно различается (от 52 до 70%), но несмотря на это все имена обладают приблизительно одинаковой (от 21 до 31%), хотя и очень отличающейся от глаголов словопорождающей силой. Это говорит о том, что производные глаголы обладают значительно большим словообразовательным потенциалом, чем производные имена. Таким образом, словообразовательный потенциал зависит от принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду.

В изученных гнездах наблюдается большое сходство механизмов порождения слов: везде главной порождающей силой являются глаголы, независимо от их процентного содержания в составе гнезда. Они производят основную массу слов гнезда, которая расположена на I-III ступенях. Слова IУ и У ступеней образованы от имен. Имена обычно замыкают словообразовательную цепь независимо от количества слов, входящих в нее" /48, с. 95/.

10. Формируется новое направление: сопоставительное исследование словообразовательных гнезд в разных языках. Здесь следует остановиться на двух статьях - И.В.Альтман, П.А.Соболевой, В.Н.Шевчука /47/ и А.С.Шишкиной /46/. Обе статьи выполнены на русско-английском материале. Цель их - "выявить как общие, так и специфические черты в струк-

туре сравниваемых гнезд" /4/. В статье И.В.Альтман и др. сопоставляются отглагольные гнезда, а в работе А.С.Шишкиной – отыменные гнезда.

Анализ отглагольных гнезд позволил авторам заметить "различия в характере ограничений, которые два разных языка по-разному налагают на идеальный язык модели: в русском реализуется больше половины всех допустимых возможностей, хотя и с достаточными различиями в количественных характеристиках, в то время как для английского реализуется практически только одна возможность; другой случай представлен единичными примерами" /4, с. 319/. Они выявили одну закономерность – "тенденцию к равномерности в реализации различных словообразовательных потенций для русского и ярко выраженную тенденцию к поляризации для английского: возможные производные в гнездах этого типа реализуются исключительно от прилагательных" /4, с. 319/.

Исследование А.С.Шишкиной /46/, посвященное отыменным гнездам, показывает, что в каждом из сопоставляемых языков можно выявить типологические и универсальные явления, существенные черты своеобразия в организации словообразовательной системы."Такими чертами русской отыменной словообразовательной системы являются: I) зависимость структуры гнезда и характера производных от свойств исходного слова, проявляющаяся на исследованном уровне в том, что существительные, относящиеся к периферийным слоям лексики, становятся в основном вершинами гнезд глубиной в один деривационный шаг; 2) высокая словообразовательная активность русского отыменного глагола; 3) способность русских отыменных наречий и существительных иметь производные различных лексико-грамматических классов" /46, с. 144/.

Полезность такого типа работ не вызывает сомнений. В перспективе – развертывание работы по сопоставительному изучению словообразовательных гнезд в русском и других национальных языках.

Словообразовательная парадигма

II. Термин "словообразовательная парадигма" появился в рассматриваемый период в работах ряда деривато̀логов. Он отмечен в словарях американской и польской лингвистической терминологии (1968 г.), но применительно к описанию русского словообразования начал использоваться в 70-е годы. Самой ранней по времени публикацией на эту тему были тезисы доклада Р.С.Манучаряна "Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков)' (в кн.: Вопросы семантики. Тезисы докладов, М., 1971).

Словообразовательная парадигма определялась как "совокупность словообразовательных значений, реально или потенциально выражаемых на базе производящей основы по моделям мотивационных отношений, свойственных данному языку", "такую парадигму уместнее назвать словообразовательно-семантической". По мнению автора, "особую задачу составляет изучение гнездовых словообразовательных парадигм, включающих в себя и "субпарадигмы" – ответвления на базе основ, производных от данно|

так как эти основы обладают в значительной мере новыми семантическими качествами".

Ценность такого подхода автор видит в возможности "выявления типовых комплексов словообразовательных значений, возможных на базе некоторых классов основ с релевантными в данном отношении семантическими признаками". Наиболее общим релевантным признаком основ является принадлежность к той или иной части речи. С понятием парадигмы соотнесено также понятие словообразовательной категории.

В.В.Лопатин называет парадигмой "ряд мотивированных слов, имеющих общее мотивирующее" [55, с.58]. Близость к морфологической парадигме основывается на повторе семантических отношений "между мотивирующими словами определенной грамматической семантики и их мотивированными". Существование словообразовательной парадигмы может, по автору, служить аргументом в пользу использования понятия нулевого словообразовательного суффикса:

ставня
...
ставни
ставен - ∅, став-ей, дом-ов, ноч-ей
ставн-ям

Синий:
син-як
синь-∅, син-ева, красный - красн-ота, слабый- слаб-ость
син-еват(ый)
син-и(ть)

Подчеркивается, что само мотивирующее слово в парадигматические отношения с мотивированными им словами не вступает. (Очевидно, что это весьма существенное отличие устройства разбираемых рядов от устройства набора словоформ в словоизменении). В.В.Лопатин указывает на возможные отклонения от регулярной реализации соответствующих рядов: некоторые клетки остаются незаполненными, другие заполняются несколькими синонимами. Возмущающее действие может исходить от лексики, "однако лексическое влияние не может ослабить системно-грамматической основы словообразовательных отношений" [с.60].

Термин словообразовательная парадигма принят также В.Н.Мигиранным (1973 г.) и Г.П.Цыганенко. Ср. определение в работе [83] "понятие словообразовательной парадигмы, по нашему мнению, следует строить на понятии словообразовательного значения в предельной степени его абстракции - на уровне словообразовательной категории" [с.72].

Таким образом, в работах этого периода понятие парадигмы связывается с регулярными наборами значений производных, либо с регулярными наборами производных как двусторонних единиц, соотносимых с общим производящим. Объем парадигмы приравнивается гнезду или части гнезда, выделенной на базе радиальных отношений.

В 1974 г. вышла работа словацкой лингвистки К.Бузашьёвой, которая содержала конкретное описание наборов отглагольных производных, подводимых ею под понятие словообразовательной парадигмы. (Книга содержит подробное резюме на русском языке). "Словообразовательная парадигма отглагольных образований включает глаголы (?) с одинаковым "словообразовательным склонением", т.е. от которых образуются слова с одинаковым категориальным словообразовательным значением... У наших парадигм вид таблиц, в которых в горизонтальном направлении приводятся категориальные значения образований, в вертикальном направлении приводятся глаголы, к которым относятся соответствующие категориальные значения, а в месте пересечения глагола и соответствующего категориального значения находится образование, выражающее данное значение" [95].

"...Богатство словесных гнезд глаголов, а значит, их словообразовательных возможностей, в значительной степени обусловлено интенцией глагольного действия основной глагольной лексемы, самым абстрактным образом отражающей семантику глагола". Для 6 интенционных классов глаголов найдено 9 типов парадигм. Семантика классов задается либо в виде самых общих определений, например, "глаголы целенаправленной деятельности", либо списком семантических групп. Для построения описания на указанных принципах автору оказалось необходимым внести уточнение в понимание словообразовательного значения. "Словообразовательное значение мы понимаем как комплексную единицу, которую можно определить с помощью иерархически различных категориальных и сопровождающих отличительных признаков". Для отглагольных существительных "количество категориальных словообразовательных значений можно определить как сумму всех возможных участников действия... (слово "участник" мы понимаем здесь в самом абстрактном смысле этого слова, им может быть и качество)". С помощью сопровождающих признаков "дифференцируются отглагольные образования внутри одного категориального значения и одновременно ими же углубляется дифференциация отдельных категориальных значений". "Сопроводительными признаками являются бинарные признаки: активный/пассивный, интенсифицированный/неинтенсифицированный, лимитный/нелимитный, потенциальный/реальный, абстрагированные из действия, и конкретный/абстрактный, одушевленный/неодушевленный, собирательный/несобирательный, единичный/неединичный, абстрагированные из отглагольных существительных как из существительных" (автор ссылается на работу И.И. и О.Г.Ревзиных о дифференциальных признаках в словообразовании).

При построении парадигм автор ввел определенные ограничения в изучаемый набор производных. К.Бузашьёва обратила внимание на следующие отличия изучаемых ею рядов от морфологических парадигм: отсутствие строгой обязательности выражения значений словообразовательным способом, и отсюда наличие пустых мест, обилие вариантов. "Если эти вариантные образования различаются частично и семанти-

чески, различия между ними описываются с помощью сопроводительных признаков".

Введение в описание словообразования понятия парадигмы совпадает с общей тенденцией более широкого применения этого понятия на всех языковых уровнях. Однако в этот же период высказывается сомнение, не переносится ли это понятие в словообразование без сохранения его основного содержания, не есть ли это метафора, отмечающая определенную степень аналогии (И.С.Улуханов, 1977). Этот вопрос кажется целесообразным обсудить на материале конкретных описаний словообразования русского языка, в которых используется это понятие, однако они были опубликованы после 1977 г.

Словообразовательный тип

12. "Словообразовательный тип - наименьшая единица классификации системы, характеризующаяся совпадением семантических различий с формальными (более мелкие единицы - подтипы - выделяются, как правило, либо только по формальному признаку, либо только по семантическому)". /55, с.50/. Такое понимание, по-видимому, принадлежит к дискуссионным. В последние годы особенно большое внимание уделяется асимметриям в отношении формы и содержания, возможной множественности интерпретаций семантической и формальной структуры типа. Последовательное проведение семантического принципа классификации приводит у ряда авторов к изменению границ типа и даже к иной иерархии единиц описания. Многими авторами высказывается мысль, что целесообразно рассматривать внутри одного типа производные от производящих разных частей речи при тождестве "формантной" семантики. Можно назвать следующие обоснования:

1) незначимость для словообразовательной семантики того, является ли производящим "первичное" слово или его синтаксический дериват (О.П.Ермакова, см. раздел III, см. выше Н.А.Янко-Триницкая);

2) значимость общности семантики, не зависящей от частеречной распределенности производящих слов (ср. роль характеризующей семантики у производящих глаголов на -е(ть) - Р.С.Манучарян, М.Н.Янценецкая). Ю.Д.Апресян отмечает наличие глубинной связи с глаголами и в отыменных образования типа садовник, коровник: при отсутствии формальной производности от глагола эта связь обнаруживается в актантном содержании производящих основ /18, с.132/.

Предлагаются следующие классификационные деления, соотношение типов и подтипов. "При различной частеречной принадлежности производящих слов типы вычленяют словообразовательные модели, а внутри последних - в зависимости от лексико-грамматического разряда производящих слов, а также их стилистических, акцентных или структурных особенностей - подмодели. Наконец, различные морфонологические явления, сопровождающие соединение суффиксов с производящими основами, определяют словообразовательный образец" /Е.И.Максимов, 61, с.56/.

Аналогичную семантическую иерархию строит В.С.Гимпелевич /26, с.77,78/, деля тип на модели, а модели на образцы (образец характеризуется "семантической общностью производящих основ").

С другой стороны, преобладание семантического – в частности, ономасиологического подхода – вызывает построения, где менее значимым становится вес конкретного суффикса как дифференциатора словообразовательных единиц. Так, С.Д.Адливанкин считает, что "основой системности словообразования" служит "блок словообразовательных типов", объединенных общей словообразовательной формулой, отвлекающейся от использования тех или иных конкретных словообразовательных средств (а также от второстепенных, семантических, стилистических и т.п. особенностей),- архитипа" /15, с.54-55/. Автор подчеркивает, не синонимия, а единство типов "которое обнаруживается как явлениями нейтрализации частных особенностей типов, так и корреспондированием их структурно-семантических свойств" /с.54/. Единство блока доказывает определенный набор "детерминантов" – мотивирующих значений,(напр., для блока агентивных образований это действие, как в случае мойщик, объект действия – барабанщик, место действия – банщик), определенный набор конкретных лексических групп, групп наименований (напр., для образований с опорными компонентами -ход, -воз, -лет, -вод это названия людей, животных, машин лиц по их профессиям; самодвижущихся транспортных средств; приспособлений устройств, способствующих перемещению (транспортировке) разного рода предметов; а также процессов пространственного перемещения. "Отсюда следует, что конструктивным свойством объединяющего эти типы словообразовательного архитипа является определенная специально для него характерная семантическая парадигма" /с.52/.

Понимание типа как схемы строения производных слов вызывает необходимость строгой дифференциации понятий, относящихся к производящему и к структуре производного. По мнению В.В.Лопатина /55,с.49/ "безусловно, необходим единый общий термин для обозначения той исходной структуры, которая выступает в мотивированном слове, сочетаясь в нем с формантом. В качестве такого термина предлагаем использовать термин "производящая (мотивирующая) база". В частных случаях база эта может быть основой или словом. Для сложных, сложносокращенных слов, сращений, в соответствии с тем, что они мотивированы более чем одним словом, речь должна идти не об одной производящей (мотивирующей) базе, а о двух и более базах /с.49/.

"Производное слово может включать в себя, как известно, основу производящего. Слово, словосочетание или их части". "...Учитывая это обстоятельство, целесообразнее употреблять в качестве родового термина "производящая база" (в составе производного), а не производящая основа" (Манучарян, см. раздел второй, 35, с.21).

Обратим внимание на мысль (см. также: Н.А.Янко-Триницкая, 94) о том, что в качестве производящей может выступать конкретная слово-

форма производящего слова. М.А.Михайлов (см. раздел третий, 25) разбирает случаи, когда "семантика вторичного слова свидетельствует о том, что оно не безразлично к отдельным грамматическим формам слова первичного, и когда в языке устанавливается связь вторичного слова с определенными грамматическими формами слова первичного" /с.34/. На такую связь может указывать выбор формального варианта основы, ср. хороший - лучше - улучшить, маленький - меньше - уменьшить, где глагол ориентирован на форму сравнительной степени, людишки ← люди (на форму множ.числа), выселенец ← выселен (на форму причастия).

Автор ставит вопрос, верно ли, что для отношений вторичного и первичного слова значим только уровень обобщения всех парадигматических форм вторичного и первичного. Он полагает, что для словообразования важны и соотношения конкретных парадигматических форм: дам - пере-дам, дашь - пере-дашь и т.д.; темн-ый-ого - темн-оватый, -оватого. Членимость такого рода отражается, по мнению автора, в деривационных процессах и поэтому должна быть зафиксирована в терминологии. Части производного слова типа (пере)-дам автор предлагает называть производящей формой, части типа (темн)-оватый - суффиксальным формантом.

Ш. Словообразовательные отношения. Обратная соотнесенность и обратное словообразование

13. Цель приводимого ниже сопоставления существующих подходов к явлению "обратного словообразования" - показать все их разнообразие (и несогласованность), чтобы стимулировать выбор лучшего решения.

История изучения вопроса изложена в статье А.И.Моисеева /64/.

"Терминологическое обозначение рассматриваемого явления колеблется в очень широких пределах от "обратного словообразования" (условно-исходный термин), обратного разложения, усложнения основ до редеривации, реверсии (А.В.Мячина, АКД), регрессии, регрессивной деривации, рекомпозиции, декомпозиции, дезаффиксации" /с.25/. Автора привлекли два следующие определения: "Способ образования, когда в... словообразовательном квадрате появляется не четвертый член (ср. нога → ножка - конфета → конфетка), а третий (ср. нога → ножка - фляга ← фляжка" (Н.М.Шанский, В мире слов, М., 1971, с. 107) и "Редеривация (обратное словообразование). - Образование слова не в виде производного, а в виде производящего" (Д.Э.Розенталь и М.А.Теленкова, Справочник лингвистических терминов. М., 1972). Указывается, что некоторые лингвисты рассматривают обратное словообразование как "способ диахронического словообразования" (Е.А.Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с.8). Сам А.И.Моисеев полагает, что обратное словообразование "вообще не является словообразованием - ни синхронным, ни диахронным". Это своего рода "этимологизация", "восстановление производящего слова", причем оно может быть верным или "ошибочным", может стать или не стать фактом языка.

Одним из наиболее острых является вопрос об отношении соответствующего круга явлений к синхронии или диахронии. Поэтому прежде всего рассмотрим работы, соотносящие исторические и современные процессы.

Явление обратной соотнесенности (изменение исторического направления производности на обратное) подверглось тщательному синхронно-диахронному исследованию в работах Г.А.Николаева. Автор рассматривает возникновение обратных словообразовательных связей в плане общих тенденций развития русской словообразовательной системы, уделяя особое внимание исторической детерминированности этих связей. Автор стоит на позициях четкого разграничения диахронических словообразовательных процессов и синхронных словообразовательных отношений. Исторический факт образования одного слова от другого он называет "производностью", а синхронные структурно-семантические отношения между словами - "мотивированностью". Оба явления могут как поддерживать друг друга, так и противоречить друг другу.

Автор определяет ряд факторов, способствующих изменению направления производности на обратные. Это, во-первых, нейтрализация категории первичности-вторичности, при которой возникают отношения двусторонней мотивации; во-вторых, деэтимологизация исторически производящего слова, т.е. утрата им связи с первым звеном деривационного ряда - словом или словосочетанием, например, председать - председатель - председательство - председательствовать; благодеять - благодетель - благодетельство - благодетельствовать. Деэтимологизация производящего явилась причиной изменения отношений на обратные и в парах типа мошенник - мошенничать, проказник - проказничать, сотрудник - сотрудничать.

Третьим условием являлось развитие синонимических отношений между первым и одним из последующих звеньев деривационной цепи: председать - председательствовать, благодеять - благодеятельствовать, предводить - предводительствовать и под. Продуктивный и стилистически нейтральный тип на -ствова - вытеснил архаизированный первый член ряда, благодаря чему могли установиться прямые отношения между действием, с одной стороны, и именем деятеля и действия, с другой:

председательствовать < председатель
председательство

покровительствовать < покровитель
покровительство

Наиболее древний пласт слов, характеризующийся в современном языке обратной отнесенностью - это существительные типа ход, лов, род, отражающие наиболее ранние словообразовательные связи имени и глагола. Отношения между исторически производящими именами и производными глаголами переосмыслились на обратные под влиянием продуктивных образований от префиксальных глаголов типа приход, улов.

В дальнейшем разряд образований, характеризующихся обратной соотнесенностью, стал пополняться за счет других суффиксальных имен, которые, утратив связь с производящими словами, не перешли в группу нечленимых, а попали в семантическую зависимость от производного глагола, вычленяя нулевой суффикс: клевета - клеветать, лесть - льстить, месть - мстить, работа - работать, казнь - казнить.

В своих работах Г.А.Николаев ставит задачу определения той области современного русского словообразования, где тенденция изменения отношения производности на обратные выражена наиболее четко. Это, в основном, имена на -ствие, -ство, -ник и -тель. Работы, написанные за период с 1970 по 1978 гг. касаются именно этих словообразовательных моделей.

В работе "Имена существительные с суффиксом -ствие в современном русском языке" (в кн.: Именное словообразование русского языка, Казань, 1970) Г.А.Николаев пишет о двух категориях имен на -ствие: 1) соотносящиеся с глаголами типа взойти, прийти, последовать и др.: восшествие, нашествие, пришествие, последствие, следствие; 2) утратившие соотносительность с производящим словом: бездействие, благоденствие, взаимодействие и др. (всего 27 слов). Последние находятся в семантической зависимости от глаголов на -ствова-, исторически производных по отношению к этим существительным; молебствие - действие по глаголу молебствовать, отсутствие - состояние по глаголу отсутствовать. Доказательством обратной соотнесенности в синхронии автор считает словарные дефиниции, которые определяют слова на -ствие через слова на -ствовать, а не наоборот.

В статье "Явление обратной соотнесенности в именах на -ство в русском языке" (в кн.: Русский язык. Грамматика и лексикология. Казань, 1971) автор связывает причину изменения направления соотносительности между глаголами и существительными с общей тенденцией развития в русском языке глагольно-именных словообразовательных отношений. Одним из следствий этого развития стала и обратная соотнесенность имен на -ство с глаголами на -ствова-, известными русскому языку со времен первых письменных памятников. В парах на -ство/-ствова- автор усматривает две основные категории слов: а) сохранившие этимологические связи имя → глагол: вегетарианство → вегетарианствовать, монашество → монашествовать, хозяйство → хозяйствовать и др.; б) развившие зависимость имени от глагола: главенство ← главенствовать, господство ← господствовать, кощунство ← кощунствовать, свидетельство ← свидетельствовать и др. В ряде приведенных выше случаев имела место деэтимологизация существительного. В иных случаях, типа учить - учительство - учительствовать, образовывалиось более тесные связи между учительство в значении действия и глаголом учительствовать нежели глаголом учить (из-за его широкого значения) Последнее также способствовало образованию обратной связи между глаголом и именем.

Образования этого типа могут характеризоваться двоякой глагольной соотнесенностью: совмещать → совместительство и совместительствовать → совместительство. Кроме того они могут сохранять соотносительность с именами на -тель" покровитель → покровительство (действие покровителя) и покровительствовать → покровительство.

Фактором, поддерживающим развитие обратной соотнесенности в именах на -ство, явилась суффиксальная синонимия имен на -ство и -ствие: владычество - владычествие, господство - господствие и т.д. История же имен с суффиксом -ствие говорит о том, что как и другие слова с финалью -ие, ср -ние, -тие, они всегда были более глагольными.

В работах /66,67/ и в статье "Развитие обратной соотнесенности в именах существительных с суффиксом -тель в русском языке" (в кн.: Русский язык. Казань, 1978) Г.А.Николаев рассматривает становление этого явления в области конкретных агентивных наименований. Имена на -(н)ик в современном языке характеризуются двумя типами глагольной соотнесенности. I. Слова типа работник, заступник, защитник и т.п., соотнесенные с глаголами работать, заступаться, защищать. Глагольную соотнесенность в этих парах автор считает вторичной, о чем свидетельствует несоответствие в структуре коррелятивных форм. Критерием глагольной отнесенности автор считает семантические отношения между именами действия и агенса "...Поскольку в ходе развития глагольно-именных словообразовательных отношений все, что так или иначе связано с действием, попадает в сферу влияния глагола, отмеченные образования на -ник стали соотноситься с соответствующими глаголами" /с.174/.

2. Слова на -ник, соотнесенные с глаголами на -ничать: а) коррелятивные пары, где обратная соотнесенность отсутствует (колхозник → колхозничать, помощник → помощничать, лотошник → лотошничать); б) коррелятивные пары, в которых обратная соотнесенность является единственной возможной связью, удерживающей образования на -ник в сфере производных слов (мошенник ← мошенничать, наушник ← наушничать, низкопоклонник ← низкопоклонничать и др.).

Развитию обратной соотнесенности в словах первой группы мешает стилистическая разноплановость имени и глагола: вторые принадлежат к живой разговорной речи и характеризуются яркой стилистической окрашенностью. Во второй группе развитию обратной мотивированности способствовали I) полная утрата именами на -ник связи со своими производящими словами; 2) стилистическая однородность членов корреляции; 3) бóльшая семантическая сложность имени аналогично со случаями защитник (кто защищает), шутник (кто шутит). В связи с перечисленными причинами стало возможным говорить о развитии зависимости имени от глагола по типу нулевой аффиксации, в результате чего в словах мошенник, наушник и т.п., как и в словах пьянство, ходатайство и т.п., по мнению автора, выделяется нулевой аффикс как показатель нулевой мотивированности. Автор подчеркивает, что образования с

нулевой суффиксацией сыграли большую роль в развитии обратных словообразовательных связей в русском языке. В данном случае историческим фоном послужили агентивные отношения типа прислуживать → прислуга, помогать → подмога.

По сравнению с именами на -ство, -ствие и -ник имена на -тель меньше охвачены процессом изменения отношений мотивированности на обратные. Причина - в отсутствии непосредственно отыменных образований на -тель. Обратными словообразовательными отношениями охватываются здесь только те имена на -тель, на базе которых образованы имена существительные с суффиксом -ство, послужившие в свою очередь производящими основами для глаголов на -ствовать.

В заключение раздела об обратной соотнесенности следует подчеркнуть ряд теоретических положений, вытекающих из серии исследований Г.А.Николаева:

а) Развитие обратной соотнесенности в парах производящее - производное - медленный исторический процесс, обусловленный постепенной перестройкой глагольно-именных отношений в системе русского словообразования.

б) Процессу становления обратной соотнесенности способствовали процессы деэтимологизации первых членов словообразовательных цепей и возникновение синонимических отношений между их звеньями.

в) Процесс изменения направления производности может итти до этапа, на котором бывшее производное слово становится мотивирующим, а бывшее производящее - мотивированным: бездействие ← бездействовать, кощунство ← кощунствовать, мошенник ← мошенничать, свидетель ← свидетельствовать. Или процесс может завершаться неполностью, охватывая не все слово в целом, а его отдельные ЛСВ, например, профессор → профессорство (звание) - прямая соотнесенность и профессорствовать → профессорство (занятие) - обратная соотнесенность.

г) Процесс становления обратной соотносительности может сопровождаться возникновением множественной мотивации, например, озорной → озорник → озорничать и озорничать → озорник, умный → умник → умничать и умничать → умник.

Отношения множественной мотивации, которое автор, вслед за Г.О.Винокуром, называет омонимией словообразовательной формы, может носить характер полиформии, т.е. быть почти асемантическим, либо иметь семантический характер, т.е. сопровождаться семантическим размежеванием значений существительного.

д) Процесс изменения мотивации начинается (в ряде случаев) с деэтимологизации бывшего производного и завершается морфологическим переразложением бывшего производящего, в результате чего у мотивированного слова начинает вычленяться нулевой словообразовательный суффикс: бездельничать → бездельник ∅

7-I

е) Явление осцилляции (возникновение нового значения у производящего под влиянием одного из значений производного - термин О.Есперсена), до сих пор зафиксированное, в основном, на случаях существительное ⇄ прилагательное (хмель "растение" - хмельной "опьяненный" - хмель "состояние опьянения", химия "наука" - химический (завивка) - химия "завивка" и т.п.) нашло прочное место в области отношений существительное ⇄ глагол (профессорство ⇄ профессорствовать, умник ⇄ умничать),

Обратное словообразование, по мнению Г.А.Николаева [67] отличается от обратной соотнесенности, тем, что если при второй имеет место синхронная мотивация исторически производным словом исторически производящего, то при обратном словообразовании имеет место производство производящего непосредственно от производного, например, зонт ← зонтик, трусы ← трусики. В отличие от обратной соотнесенности, имеющей типовой характер, обратное словообразование, по мнению автора, хотя и носит аналогический характер, в известной степени индивидуально, специфично. Правда, отмечает автор, и здесь имеются некоторые модели, например, "восстановление" глагола по наличию в языке "приглагольного" имени (телепередать, трудоустроить - см. Янко-Триницкая, 1961), образование имен лиц мужского пола при образовании в языке параллельных наименований женского пола доярь; у В.В.Маяковского - нянь).

Автор противопоставляет обратную соотнесенность и редеривацию в таком же плане как "производность" (исторический факт) и "мотивированность" (факт синхронии). В основе редеривации, по мнению автора, лежат "прямые" (а не обратные) словообразовательные связи того типа слов, по аналогии к которым осуществляется обратное словообразование. Обратным здесь является характер самого процесса словопроизводства: производится "производящее". Обратные отношения в этом случае не является результатом длительного развития словообразовательной системы языка, как это имеет место при обратной соотнесенности.

Об обратном словообразовании в современном русском языке писал также в этот период И.С.Улуханов [80]. Обратным словообразованием (редеривацией) автор называет усечение аффиксов или групп фонем основы мотивирующего слова (производящего), являющееся основным средством словопроизводства, в результате этих процессов восстанавливается "пропущенное звено", свойственное "прямому" словообразованию. И.С.Улуханов подчеркивает, что редеривация (морфемное усечение) является самостоятельным способом словообразования только в том случае, если мотивирующее и мотивированные слова относятся к одной и той же части речи, к одному и тому же типу склонения или спряжения, выполняют тождественные синтаксические функции. В русском языке, по мнению автора, этим способом создаются главным образом окказионализмы.

С помощью отсечения суффикса (суффиксоида) образуются только существительные от существительных. Чаще всего отсекается -ка, не имеющее уменьшительно-ласкательного значения. В устной речи и в художест-

венной литературе (обычно в речи персонажей) встречаются такие формы как пуха, сыроега, которые осознаются как образованные от пушка, сыроежка в силу необычности, новизны, окказиональности, стилистической отмеченности. Некоторые из них выражают отрицательное отношение к обозначаемым предметам, некоторые имеют увеличительное значение Н.А.Янко-Триницкая, разбиравшая аналогичные факты [93] заметила, что если при обратном словообразовании происходит восстановление предыдущей ступени словообразования (сороконожка-сороконог), то при усечении слов, как показывает ряд примеров, ступень чередования с шипящим (мальчишка - мальчиш), по-видимому, сохраняется

Образование окказиональных глаголов, пишет И.С.Улуханов, может происходить путем отсечения постфикса -ся или приставок. В результате отсечения -ся образуются каузативные глаголы: разговорить 'заставить разговориться', разболтать 'заставить разболтаться', прохудить (лодку). Отсечение приставок используется для образования антонимов в именах, например, неуклюжий - уклюжий, нелады - лады, невдомек - вдомек, неприятности - приятности и под., и для образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида.

Наиболее интересны, с нашей точки зрения, случаи, когда "отсечение" префикса с видовым значением вызывает появление нового значения у бесприставочного слова. Префиксальное слово в этих случаях в одном из своих значений мотивируется одним из значений бесприставочного слова, а в другом - само является мотивирующим для бесприставочного во втором значении. Например:

вязать		связать
1) закручивая жгутом, веревкой, стягивать	→	1) закрутив жгутом, веревкой, стянуть;
2) окказ. лишать свободы действия	←	2) перен. лишить свободы действий
сыпать		засыпать
1) ронять или заставлять падать (сыпучее или какие-н. мелкие частицы)	→	1) покрыть слоем чего-нибудь сыпучего
2) окказ. задавать много вопросов с целью добиться чьего-либо провала на экзаменах	←	2) перен. задав много вопросов, добиться чьего-нибудь провала на экзаменах и под.

Примеры депрефиксации, описанные выше, т.е. сопровождающиеся обратным семантическим влиянием на беспрефиксальное слово, открывают еще одну область, где в русском словообразовании имеет место процесса осцилляции (Ср. выше примеры на $N \rightleftarrows A$ и $N \rightleftarrows V$).

Г.И.Рихтер [70] так же, как И.С.Улуханов, рассматривает разного рода явления, относимые им к обратному словообразованию. Применяя термин "развязывание производящих основ", он подчеркивает, что этому явлению способствует процесс именно морфемного усечения типа примитив, интим, демисезон, гуманитар (в отличие от неморфемного типа

плекс от плексиглас, транс от трансформатор и под.). морфемное усечение "на базе пропорциональной аналогии" – источник редеривации. Автор уделяет также внимание истории слов, возникших способом обратного словообразования, но изменивших в современном языке направление мотивации на обратные, типа фляга → фляжка, зонт → зонтик, терем → теремок, ехида → ехидна и др. Большую роль в образовании "производящих" автор отводит заимствованиям.

С моей точки зрения все рассмотренные выше явления имеют единую природу (подробнее см.: Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений – ПСЛ, 1979, М., 1981). Вместе с тем я допускаю возможность дифференциации их, учитывая следующие моменты: наличие/ отсутствие статуса производного слова у восстановленного звена во всех случаях (доярка → дояр Ø?); системный или окказиональный характер образования (интим, серьез, дояр *VS* сыроега), диахроническую законченность или синхронную значимость процесса (взмах, мошенник, зонтик *VS* трудоустроить, телепередать, дояр).

Словообразовательные подсистемы

14. Членение словообразовательной системы русского языка на подсистемы может быть проведено по разным основаниям: по частям речи, по способам словообразования и т.д. Для установления единства системы важен вопрос о степени различий разных функциональных сфер русского языка в области словообразования. Составляет ли терминологическое словообразование особую подсистему? Насколько специфично словообразование разговорной речи? Эти вопросы уже поставлены в 1974–1977 гг. Ниже будут изложены результаты двух работ, относящиеся к функциональному и собственно структурному основаниям выделения подсистем.

Вопросы терминологического словообразования рассматриваются В.П. Даниленко /32/ в главе "Терминообразование". В первом разделе этой главы дается общая характеристика особенностей терминообразования на фоне системы словообразования русского литературного языка в целом. Общий вывод автора, который, по-видимому, можно оценивать как основной теоретический постулат данного исследования сводится к следующему: терминология взяв за основу существующие в русском языке способы и модели словопроизводства, "отрабатывает свою словообразовательную подсистему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики"./32, с.90/.

Определяющим для методики описания процессов терминопроизводства признается особый статус термина с понятийной и функциональной точек зрения. Лингвистическое исследование особенностей процессов терминотворчества строится как анализ объекта, характеристиками которого служат: а) однозначность производного термина или, в терминах Г.О. Винокура, "осмысленность", внутренней формы; б) словообразовательная системность в пределах отдельных терминологических подсистем.

Собственно словообразовательные особенности терминов-дериватов выявляются при рассмотрении разных способов словопроизводства: семантического, синтаксического, морфологического. Оценивая соотношение способов терминообразования в исторической ретроспективе, автор отмечает, что в условиях современной науки и техники в число наиболее продуктивных выдвигается синтаксический способ. Количественные соотношения образованных этим способом дериватов в общелитературном языке и терминологии несоизмеримы /с.103,104/.

Семантический и морфологический способы терминообразования не обнаруживают столь существенных отличий от общелитературного языка, хотя применительно к аффиксальному словопроизводству отмечается, "что в терминообразовании в целом значительно шире и разнообразнее круг средств, используемых в качестве терминоэлементов" /с.107/.

Понятийная и функциональная характеристика терминологической лексики в целом обусловливает особенности выбора словесных ресурсов, используемых в качестве производящих основ и терминоэлементов в терминообразовании. Здесь особенно интересным представляется наблюдение автора, которое касается факта преодоления "предельности" словообразовательной потенции нарицательных существительных. Только в терминологии возможны производные гнойничковый, вилочковый, уголковый, мостиковый и т.п. от существительных с уменьшительными суффиксами.

Специфику морфологического способа терминообразования автор усматривает в наличии особых словообразовательных моделей (например, моделей производства прилагательных от существительных на -ота мерзлотный, долготный), а также в преобладании особых семантических реализаций некоторых моделей (например, в наличии характерных значений у прилагательных типа емкостный, яркостный, прочностный и т.п. и существительных типа озерность, пнистость, льдистость).

Содержание второго, третьего и четвертого разделов главы составляет описание источников формирования и способов образования терминов, расклассифицированных по понятийному признаку: термины для предметных понятий, для отвлеченных понятий признака, для отвлеченных понятий процессов (действия, состояния).

В теоретической позиции автора реферируемой книги особенно следует выделить, по нашему мнению, тезис о том, что именно словообразованию отводится решающая роль при решении спорной проблемы о месте терминологии в общелитературном языке. Оценивая терминологию как самостоятельную функциональную разновидность общелитературного языка, традиционно именуемую я з ы к о м н а у к и /с.8/, автор опирается прежде всего на словообразовательные характеристики. Прослеживая основные тенденции современного терминологического словообразования "на фоне и с учетом тенденций развития словообразования русского языка в целом", автор приходит к выводу, что более динамичное, более активное и вместе с тем управляемое терминологическое словообразование усиливает и углубляет реализацию основных тенденций русского словообразо-

вания. В качестве ведущих тенденций, характеризующих именно терминообразование как особую словообразовательную подсистему, выделяются следующие: I) усиленный рост собственно терминологического фонда словообразования (аффиксов и готовых частей сложения, готовых конструкций) 2) тенденция к гнездовому словообразованию, к созданию комплекса наименований, связанных общей производящей основой (глагол-отглагольное имя действия - прилагательное - имя лица); 3) усиление в определенных ситуациях взаимообусловленности продуктивности словообразовательной модели и употребительности наименований, созданных по этой модели /с.II4/.

Вместе с тем, по мнению автора, терминология "не располагает совершенно отличным словообразовательным аппаратом с присущими только ему приемами, способами и средствами создания терминов", в процессах терминотворчества "отрабатываются и отбираются приемы и ресурсы" общелитературного языка /с.II6/.

I5. По мнению Н.А.Янко-Триницкой к основной словообразовательной системе примыкают подсистемы аббревиации, усечения и окказионального словообразования. Такое выделение подсистем несамоочевидно: аббревиацию и усечение обычно рассматривают среди способов словообразования, а в окказионализмах видят реализации, выходящие за пределы типовых /см. 46,26,58,59/. Н.А.Янко-Триницкая /92,94/ связывает эти подсистемы с определенными языковыми средствами: "использованием не только морфем, как в основной системе, но и других отрезков слов в устной и письменной форме: аббревиатурных звеньев, финалей и инициалей слов, фонем, букв и других неморфологически выделенных частей слов". Подсистему окказионального словообразования, по ее определению, характеризуют собственные модели, по которым образуются только окказиональные слова: а) междусловные наложения (ширпотребность), б) повторы - отзвучия (штучки-дрючки), в) замена слова более длинным словом по внешнему созвучию (спина-спиноза), г) замена незначимой части значимой (аудиенция - уединенция), д) эманипация суффиксов -измы, -надцатый и т.д.

Система - ее границы, ее внутреннее членение, отношение центра и периферии - эти характеристики задаются регулярностью, продуктивностью моделей /ср.55, с.52/ и зависят в большой мере от понимания сущности и пределов с и н х р о н н о й системы словообразования (ср. высказывания на эту тему в работах: раздел первый - 2, с.I73-I80; 6I, 63, 82, 86; раздел третий - 23).

Раздел второй
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА. СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

I. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974 (гл. II, III).
2. Быкова Л.А. К вопросу о синтагматической и парадигматической фразеологизации слова. - АПРС I, Ташкент, 1975.
3. Волоцкая З.М. К сопоставительному описанию славянских языков. - ВЯ, 1975, № 5.
4. Волоцкая З.М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов. - Советское славяноведение, 1976, № 6.
5. Гловинская М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации. - Развитие современного русского языка 1972. М., 1975.
6. Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков. - Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, вып.7, 1977.
7. Губанова В.А. К вопросу о модели словопроизводственного процесса. - Научные труды Курского пединститута, т.62, 1976. Проблемы ономасиологии № 3 (Глагол. Типы семантической соотносительности между группами производных и производящих).
8. Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. АДД. М., 1977.
9. Ермакова О.П. Расхождения формальной и семантической производности. - АПРС II, Ташкент, 1976.
10. Ермакова О.П. О корнях с деривационно связанным значением. - Развитие современного русского языка 1972. М., 1975.
11. Ермакова О.П. Соотнесение формальной и смысловой членимости у некоторых типов производных слов, имеющих только переносное значение. - Там же.
12. Ермакова О.П. Семантическое усечение. - Там же.
13. Ермакова О.П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур. - АПРС I, Ташкент, 1975.
14. Ермакова О.П. Идиоматичность семантики и членимость слова. - АПРС, II. Ташкент, 1976.
15. Земская Е.А. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования. - Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
16. Земская Е.А. Производные слова в толковых словарях русского языка. - Современная русская лексикография 1976. Л., 1977.

17. Иванникова Е.А. О производных словах как объекте лексикографии. - Современная русская лексикография. Л., 1975.
18. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.
19. Ким Л.Л. О понятии "тождество лексических значений" в синхронном словообразовании. - АПРС I, Ташкент, 1975.
20. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
21. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова. - АПРС II, Ташкент, 1976.
22. Кубрякова Е.С. Производное как особая единица системы языка. - Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
23. Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. - Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
24. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. АДД. М., 1976.
25. Лопатин В.В. О значении словообразовательного аффикса. - Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
26. Лопатин В.В. К вопросу о типологии словообразовательного значения. - Тезисы межвузовской конференции "Оптимальные методы преподавания языка и теория русского языка", П. М., 1974.
27. Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания. - Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
28. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании. - АПРС I, Ташкент, 1975.
29. Лопатин В.В. Множественность мотивации и ее отражение в отглагольном именном словообразовании. - РЯШ, 1976, № 2.
30. Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975.
31. Манучарян Р.С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения. АДД. Ереван, 1975.
32. Манучарян Р.С. К типологии словообразовательных значений. - Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. том XXXШ, 6, 1974.
33. Манучарян Р.С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий. - Проблемы семантики. М., 1974.
34. Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и словообразовательные категории. - Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1974, № 2.
35. Манучарян Р.С. Словообразовательное значение в различных аспектах. - Русский язык. Вопросы теории и методики. Ереван, 1976.
36. Марков В.М., Николаев Г.А. Некоторые вопросы теории русского словообразования. - Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.

37. Мигирина Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке (на материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка). Кишинев, 1977.
38. Милославский И.Г. План содержания у русских суффиксов. - Вестник МГУ, № 4, 1974.
39. Милославский И.Г. Семантическая структура русских производных существительных со значением предмета (к постановке вопроса). - Филологические науки, 1975, № 6.
40. Милославский И.Г. О регулярном приращении значения при словообразовании. - ВЯ, 1975, № 6.
41. Милославский И.Г. Многоморфемное слово, его лексическая парадигма и семантическая структура. - АПРС I, Ташкент, 1975.
42. Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производного слова. - ВЯ, 1977, № 5.
43. Немченко В.Н. Словообразовательная структура отсубстантивных суффиксальных имен прилагательных в современном русском языке. АДД. М., 1976.
44. Немченко В.Н. О понятиях словообразовательного значения и словообразовательного типа. - Лексика, терминология, стили. Межвузовский научный сборник, вып. 3, Горький, 1974.
45. Никитевич В.М. О деривационном аналитизме. - АПРС I, Ташкент, 1975.
46. Никитевич В.М. О глубинной структуре деривационного ряда. - АПРС II, Ташкент, 1976.
47. Никитевич В.М. О деривационной системности и предмете деривационной грамматики. - ВЯ, 1976, № 2.
48. Пышкало К.К. Некоторые особенности семантики конфикса (на мат. дистантных конфиксов имен сущ.). - Вестник Белорусского ун-та. Филология, журналистика, психология. Минск, 1977, № 2.
49. Радзиховская В.К. К вопросу о форме и содержании в словообразовании. - Современный русский язык. Актуальные вопросы лексикологии и грамматики. М., 1975.
50. Соколов О.М. Некоторые аспекты взаимообусловленности мотивационно-словообразовательной и лексической систем языка. - АПРС I, Ташкент, 1975.
51. Соколов О.М. Мотивационные отношения глаголов в связи с проблемой морфемной валентности. - Грамматические классы слов. Тамбов, 1976.
52. Соколов О.М. Место семантики в мотивационно-словообразовательной типологии. - Научные труды Курского пединститута, 1977, т. 175. Проблемы ономасиологии № 4.
53. Тимофеев К.А. Смысловая структура слова и его словообразовательное значение (заметки и наблюдения). - Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 4. Новосибирск, 1975.
54. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

55. Улуханов И.С. Компоненты значения членимых слов. - ВЯ, 1974, № 2.
56. Улуханов И.С. Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов. - Филологические науки, 1974, № 4.
57. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматиках славянских языков. - Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
58. Улуханов И.С. О некоторых принципах толкования значений мотивированных слов в толковых словарях. - АПРС I, Ташкент, 1975.
59. Улуханов И.С. О семантической классификации мотивированных слов. - АПРС I, Ташкент, 1975.
60. Улуханов И.С. О соотношении синонимичных словообразовательных морфем (на материале глагольных суффиксов). - "Studia Rossica Posnaniensia ", вып. УI. Poznań , 1975.
61. Улуханов И.С. Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия. - ВЯ, 1975, № 4.
62. Улуханов И.С. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами). - Изв. АН СССР, серия лит. и яз., 1975, № I.
63. Хохлачева В.Н. Словообразование существительных в русском языке (опыт системного описания). АДД. М., 1976.
64. Хохлачева В.Н. Проблема словообразовательного значения. - Грамматика и норма. М., 1977.
65. Черепанов М.В. Глагольное словообразование в современном русском языке (учебное пособие). Саратов, 1975.
66. Черепанов М.В. К методике исследования словообразовательной сочетаемости. - Научные труды Куйбышевского пединститута, 1975, т. 167 (сочетаемость беспрификсных глаголов с префиксами и конфиксами).
67. Шкляров В.Т. О семантической соотносительности членов словообразовательного ряда. - Изв. Воронежского пединститута, 1975, т.143.
68. Янценецкая М.Н. Словообразующие возможности существительных. - Труды Самаркандского ун-та, 1977, вып. 332. Исследования по русскому и славянскому языкознанию, № 9.
69. Янценецкая М.Н. Смысловая структура слова с лексикологической и словообразовательной точек зрения. - Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 6. Новосибирск, 1977.
70. Янценецкая М.Н. Префиксация как средство выражения деривационных значений. - Вопросы русского языка и его говоров, вып. 4, Томск, 1977.
71. Янценецкая М.Н. О семантической соотносительности деривационно связанных слов (части речи и словообразовательные отношения). - Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, вып. 7, Томск, 1977.
72. Янценецкая М.Н. О связи между деривационным типом и лексической полисемией, - Лексикологический сборник. Барнаул, 1977.

Дополнение. Семантика префиксальных глаголов.

Головин Б.Н. Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке. - Лексика. Терминология. Стили. Горький, вып.3, 1974; вып.5, 1976.

Кулюкин А.М. Лексико-семантические особенности глаголов с приставкой за- в современном русском языке. АКД. М., 1974.

Карунц Р.Т. Семантическая структура глаголов звучания с приставкой от-. -АПРС I, 1975.

Пономарева С.Н. Словообразовательные поля и их функции в качестве морфемных структур (на материале глаголов с приставкой от-).АКД, М., 1974.

Черепанов М.В. Типология префиксальных и конфиксальных структур русского глагола. АДД, М., 1974.

Секанинова Э. Значения приставок о- и об- в русском и словацком языках - Slavica Slovaca , roč. 10, 1975, № 3.

I. 1974-1977 гг. характеризуются особенно активной разработкой проблем словообразовательной семантики и смежных с ними вопросов лексической семантики производных слов. Интенсивное изучение словообразовательной семантики, проводившееся в последние два десятилетия, подготовило почву для монографических исследований, специально посвященных теоретическим проблемам этого раздела лингвистики /54,с.31/. Большое место занимают вопросы словообразовательной семантики в ряде других обобщающих работ, докторских диссертаций /8,20,30,43,63/. Плодотворное изучение плана содержания словообразования невозможно без обращения к плану выражения, и в принципе разграничение проблематики работ может основываться лишь на том, какой план находится в центре внимания исследователя, признается им исходным или ведущим.

В рассматриваемый период продолжается разработка таких проблем, как критерии отнесения слов к одной словообразовательной паре и одному гнезду, семантическое соотношение производных и их производящих, соотношение словообразовательных и лексических значений, общих и частных словообразовательных значений, фразеологизация (идиоматизация) семантики производных слов, значение словообразовательного аффикса и значение словообразовательной модели парадигматические и синтагматические связи словообразовательных морфем. Впервые ставится в полном объеме и подвергается систематическому анализу ряд новых или, во всяком случае, нетрадиционных вопросов широкого плана: метаязык словообразовательной семантики, принципы и приемы толкований слов, ориентированные на словообразование, применение компонентного анализа в словообразовании, принципы семантической классификации производных слов, методика описания отдельных словообразовательных подсистем. Особо следует отметить обоснование и применение в работах этого периода таких комплексных единиц описания, как словообразовательная кате-

гория и словообразовательная парадигма. Наконец, специальное исследование самого понятия словообразовательного значения, его соотношения с другими типами языковых значений - лексическим и грамматическим - сопровождается аспектацией этого соотношения и, с другой стороны, опытами создания типологии словообразовательных значений, как и словообразовательных аффиксов.

Основные работы данного периода, взятые в целом, позволяют выделить наиболее общие характерные черты и тенденции в исследовании словообразовательной семантики.

I) Выдвижение многих идей и понятий объективно подсказывается представлением об изоморфизме разных уровней и планов языка, хотя эта связь не всегда осознается или декларируется.

2) Поиски решения многих проблем ведутся на пересечении словообразования с другими областями лингвистики; в связи с этим расширяются и углубляются, конкретизируются и материализуются не только "старые" связи с морфологией, лексикологией, синтаксисом, но и раскрываются новые связи с теорией номинации, семасиологией, а также новые аспекты "старых" связей.

3) Наряду с качественными оценками шире, чем прежде, применяются количественные.

4) Наряду с проблемами словообразовательно-семантического анализа, в явной форме и последовательно ставятся и проблемы словообразовательно-семантического синтеза.

5) Наряду с семасиологическим, широко реализуется ономасиологический принцип описания.

6) Накопление материала и усовершенствование методов анализа приводят на этом этапе к обнаружению закономерностей и системных связей в пределах более крупных объединений производных слов.

7) Решение общих проблем все теснее связывается с конкретными задачами описания; в свою очередь последние все шире ориентируются на возможные практические приложения (в лексикографии, лингводидактике и др.).

Последующее изложение, как и в предыдущих выпусках, организовано по темам. Монографические описания словообразовательной семантики рассматриваются в конце, так как в определенных отношениях они носят обобщающий характер.

1. Семантические соотношения производных и производящих. Принципы и приемы толкования производных слов

2. Естественным введением к обзору работ рассматриваемого периода могут служить тезисы доклада Е.А.Земской "О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования" /15/. В них отмечается, что в теории русского словообразования наиболее разработана проблематика, связанная с изучением словообразовательных пар и типов. "Пристальное внимание к изучению формально-смысловых отношений между

двумя основами привело к выработке некоторых новых понятий и уточнению ряда уже известных... Разграничение понятий членимости и производности уяснило то обстоятельство, что лишь отношение производности имеет направленность, для понятия членимость она не релевантна. Было установлено, что между производящей и производной основами существует не один, а несколько видов соотношений, причем направление формальных и смысловых соотношений может не совпадать. Это порождает массу трудностей при анализе, вследствие чего критерии, позволяющие непротиворечиво установить направление отношений производности, еще полностью не выявлены ... Не разработано до конца также определение словообразовательного типа: является ли принадлежность производящих основ к одной части речи необходимым признаком типа. Обычно производные с одним и тем же словообразовательным значением и формальным элементом относят к разным типам, если их производящие основы относятся к разным частям речи. Однако при этом нередко "режут по живому", разделяют единые явления по разным рубрикам" /15, с.77/.

Наряду с указанием некоторых других общих проблем, требующих дальнейшего изучения (и относящихся в основном к плану выражения), здесь рассматривается важнейший вопрос о критериях отнесения "основ" к словообразовательной паре и включения "основ" в одно гнездо. "До сих пор не выяснено, какая необходимая (т.е. минимальная) близость в значении слов и какие допустимые (т.е. максимальные) расхождения в их значении позволяют признать одно слово производным от другого или включить анализируемое слово в гнездо" /с. 79-80/. Автор полагает, что необходима и достаточна "общность хотя бы в одном элементе значения". Заметим, что "общность хотя бы в одном элементе значения", постулируемая здесь, как и в некоторых других работах (по разному поводу), требует уточнения и конкретизации: о значении какого типа (лексического, грамматического, словообразовательного) идет речь, имеются ли в виду минимальные, далее неделимые элементы значения (семы)?

В связи с затронутой проблемой автор поднимает следующий существенный вопрос: на какие данные о семантике слова должен опираться исследователь? Справедливо указывается, что не следует полагаться на лексикологические (словарные) толкования, которые не ориентированы на словообразование, а необходимо строить определения, вскрывающие актуальную для синхронной системы языка внутреннюю форму слова, живые для системы языка отношения между словами. Ср. подосиновик - "съедобный гриб с красной или коричнево-красной шапкой" и "гриб, который часто растет под осиной". Этот же вопрос затрагивается М.Я.Гловинской /5, с.29/. По замечанию Е.А.Земской, выработка словообразовательно ориентированных определений производных слов важна и для обучения языку, составления специальных словарей.

К упомянутому докладу Е.А.Земской примыкает ее статья, специально посвященная производным словам в толковых словарях /16/.

Напоминая о насущной задаче описания всех возможных типов семантической соотносительности производящих и производных, автор подчеркивает необходимость последовательного применения аналогичных приемов толкований по отношению к словам одних и тех же словообразовательных типов. Вместе с тем приемы толкований слов разных словообразовательных типов, по Е.А.Земской, не могут быть одинаковыми. Это, конечно, не следует понимать буквально. Объединяя в один класс отсубстантивные прилагательные на -н-, -ов-, -ск-, автор намечает пути выделения их типовых значений и применения типизированных формулировок на основе: использования трансформационного анализа; учета наиболее частотных сочетаний с существительными; учета семантического класса производящих существительных. Забегая вперед, отметим, что именно такая методика была использована В.Н.Немченко в его докторской диссертации /43/. Общая мысль, проходящая через работу Е.А.Земской: производные слова более системны в семантическом отношении, чем непроизводные, и необходимо выявлять и отражать в словарях системные отношения в лексике, обусловленные словообразованием.

Лексикографический аспект описания семантики производных слов рассматривается и в некоторых других работах, и прежде всего в монографии И.С.Улуханова /54/. Пожелания и рекомендации дериватологов, по-видимому, вполне обоснованны, но могут ли они быть учтены в полной мере в толковом словаре общего назначения?

"Вопрос об отражении словообразовательных связей в словаре - это вопрос о том, обязательно ли перед толковым словарем должна стоять задача показа словообразовательных закономерностей и в какой мере он должен стремиться к регистрации словообразовательных отношений". Статья Е.А.Иванниковой /17/ является по существу откликом на "вторжение" дериватологов в область общей лексикографии. Показывая, что семантическая структура производных слов адекватно отражается лишь с помощью мотивирующего способа толкования, отмечая преимущества последовательного применения типовых определений, признавая, что определение слова не должно затемнять словообразовательную структуру слова, если значение этого слова основывается на ней или уточняется ею, автор в то же время подчеркивает: "даже при ориентации на семантику словообразовательных связей описание значения производных слов в словообразовании и лексикографии не может быть тождественным" /с.68/. "Взгляд на словообразовательные связи как на связи, тождественные семантическим отношениям производных слов, не находит подтверждения в функционировании производных слов ... Семантика производного слова определяется не только значением производящего слова, но и совокупностью его собственных грамматико-смысловых отношений" /с.70/.

Автору удалось в общем показать, что словообразовательные отношения могут найти отражение в толковом словаре общего типа лишь в той мере и в том случае, если они отражают семантические особенности производных слов как единиц л е к с и ч е с к о й системы.

3. При исследовании семантических отношений членов словообразовательной пары – и прежде всего в связи с различением (по Е.Куриловичу) деривации лексической и деривации синтаксической – нередко опираются на понятие тождества лексических значений. Однако при этом некоторые явления получают двоякое истолкование. Попытка уточнения понятия "тождество лексических значений" в синхронном словообразовании предпринята Л.Л.Кимом /19/. Обращая внимание на отсутствие четкого определения данного понятия и неоднозначное употребление соответствующего термина, он формулирует некоторые положения, которые должны способствовать единообразному пониманию "тождества лексических значений" производящего и производного. Оно сводится к тождеству отдельных лексико-семантических вариантов ("базовых"); оно есть не что иное, как тождество денотативных значений (автомобиль – автомобильный) при нетождественности целых семантических структур членов словообразовательной пары; оно может быть эксплицировано общей лексической сочетаемостью и правилами перифразирования (шум леса – лесной шум). Представляется, что в уточнении нуждается не только трактовка "тождества лексических значений", но и самая формулировка (о чем ниже).

Синтаксические дериваты обладают спецификой не только как производные, но и как производящие слова. "...Если синтаксический дериват оказывается производящим, он может быть только структурно мотивирующим для своего производного, отдавая семантическую мотивацию своему производящему", – отмечает О.П.Ермакова /8, с.10/. Это обосновывается тем, что производящее не может быть семантически мотивирующим, если оно не обладает самостоятельным, отличным от своего мотивирующего "лексическим значением". Автор подробно рассматривает "поведение" синтаксических дериватов в роли мотивирующих на материале основных словообразовательных типов внутри разных частей речи. На основе отмеченного явления предлагается в один словообразовательный тип относить производные, мотивированные непосредственно существительными и их синтаксическими дериватами (относительными прилагательными), непосредственно глаголами и соответствующими им именами действия и т.д. (см.также 9).

4. Углубление изучения семантической соотносительности производных и производящих привело к установлению и описанию своеобразного явления – "метафорической мотивации" (термин В.В.Лопатина). Ей посвящены опубликованные почти одновременно статьи В.В.Лопатина /28/ и О.П.Ермаковой /11/, которые, при небольших расхождения в характеристике этого явления, отчасти дополняют друг друга. Рассмотрение таких производных, как лизоблюд, головорез ... приводит к выводу, что "определенные типы производных слов, будучи мотивированы прямыми значениями производящих, могут иметь лишь переносное значение. Это одна из семантических особенностей производных слов" /11, с.206/. "Только при метафорической мотивации возникновение переносного смысла связано с образованием производного слова" /28, с.57/.

В работе В.В.Лопатина особое внимание уделено отграничению метафорической мотивации от других случаев – мотивации устойчивым сочетанием, уже обладающим метафорическим смыслом, мотивации переносным значением мотивирующего (ср. столбенеть – звереть – советь, из которых только последнее относится к метафорической мотивации).

В работе О.П.Ермаковой привлекает внимание попытка выделить некоторые структурные типы аффиксальных и сложных слов, в которых более или менее регулярно встречаются производные, имеющие только переносное значение. Остается, однако, вопросом, существуют ли структурно-семантические типы или подтипы, представленные, если не исключительно, то преимущественно метафорически мотивированными словами.

5. Интересная попытка распространить понятие усечения, часто сопутствующего русскому словообразованию, на план содержания содержится в статье О.П.Ермаковой "Семантическое усечение" /12/. Автор отмечает, что к двум видам усечений – чисто формальному (усечение словообразовательно незначимых частей слова) и формально-семантическому (усечение морфов, имеющих словообразовательное значение) – можно добавить и третий: "Под семантическим усечением понимается невключение в значение производного определенной части значения производящего, выраженной словообразовательным аффиксом, когда сам аффикс материально присутствует в составе производного" /12, с.207/. Ср. москвич – москвичка; грубиян – грубиянка. Подобные факты интерпретируются и иначе – как нейтрализация семантики предшествующего аффикса присоединением конечного (М.В.Панов).

Автор указывает, что "явление семантического усечения можно понимать и шире – как всякое усечение элементов смысла – и выраженных словообразовательно, и невыраженных" /12, с.210/. Обратное этому явление – смысловое добавление (аффиксально не выраженное) к семантике производного – изучается широко и под разным углом зрения (см.ниже).

В какой-то мере схоластическими, однако, выглядят поднимаемые автором вопросы усечения при так называемом нулевом суффиксе: семантическое ли усечение в случаях типа пустозвон (с "нулевым суффиксом" лица муж.пола) – пустозвонка или здесь также и усечение "словообразовательного нуля", сколько словообразовательных нулей вообще может быть в составе производного и т.п. Не случайно все рассуждения автора pro et contra заканчиваются выводом о невозможности определенного решения. Несмотря на все логические ухищрения ряда лингвистов, невозможно обойти тот факт, что "нулевая морфема" – это хотя и значимое, но о т с у т с т в и е морфемы.

6. К центральным принадлежат в рассматриваемый период проблемы фразеологичности и мотивированности семантики производных слов, тесно связанные с рядом общих вопросов словообразовательной семантики.

В содержательной статье М.Я.Гловинской /5/ предлагается различать фразеологизацию синтагматическую и парадигматическую. Первое имеет место при нерегулярном наращении смысла при объединении морфем

в слово, второе – при невозможности сформулировать правила выбора разных значений словообразовательного аффикса в зависимости от типизированного характера сочетающейся основы. Автор различает далее разные типы синтагматической фразеологизации в зависимости от того, находятся ли производящая и производная основы в отношениях включения или пересечения и является ли нерегулярное наращение смысла в производном уникальным или повторяющимся. Наибольший интерес представляет, пожалуй, возможность неединственного решения вопроса о степени фразеологизации и отмечаемая автором связь его со следующим вопросом, неоднократно обсуждавшимся: что считать значением словообразовательного суффикса? "Чем конкретнее приписываемые многозначному суффиксу значения, и, следовательно, чем больше их число, тем меньшей оказывается фразеологичность производного слова, и наоборот, чем абстрактнее эти значения и чем меньше их число, тем больше фразеологичность слова" /5, с.84/. Однако с точки зрения предложенного автором же различения видов фразеологичности результатом разного подхода к многозначности суффикса может быть просто перераспределение фразеологичности синтагматической и парадигматической.

Оставляя пока в стороне самый метод установления количества значений (у суффикса -ник), избранный автором, отметим, что выделенный им ограниченный набор значений данного суффикса служит ему точкой отсчета при определении фразеологичности соответствующих производных: фразеологизованным наращением считается все, что превышает значение суффикса плюс значение производящей основы.

Что касается интересующей автора зависимости членимости слова от степени его фразеологизации семантики, то, как показывает статья О.П.Ермаковой /14/, такая зависимость вызывает сомнение. По О.П.Ермаковой, все производные слова находятся на первой ступени членимости.

Другим откликом на работу М.Я.Гловинской было выступление Л.А.Быковой /2/. Она полагает, что за термином "фразеологизированное словообразовательное значение" (заметим, что этот термин отсутствует в статье М.Я.Гловинской и других лингвистов, с которыми полемизирует Л.А.Быкова, что по существу речь должна идти о фразеологизации не словообразовательного, а лексического значения производного слова – Р.М.) стоят разные явления, нуждающиеся в дифференцированном изучении, и самый термин "фразеологизация" не безупречен в применении к этим явлениям. Автор отмечает такие факты, которые требуют, по его мнению, иной интерпретации: некоторые производные соотносятся лишь с одним значением производящих (отправить – отправитель); в пределах соотнесенности по одному значению производное слово может соотноситься лишь с частью сочетаемостных употреблений производящего (отправитель отправляет посылку, деньги, но не поезд, машину); вместо "парадигматической фразеологизации" уместнее говорить о "нерегулярности"

значения аффикса; нецелесообразно говорить о "парадигматической фразеологизации" применительно к совокупности разных словообразовательных типов с одним аффиксом, так как в пределах каждого типа устанавливается свой набор значений. Эти соображения заслуживают внимания.

Фразеологичность семантики производных слов и смежные с нею вопросы заняли центральное место в докторской диссертации О.П.Ермаковой /8/ и ряде ее статей. Охват материала всех знаменательных частей речи, системный подход к изучению такого "антисистемного" явления, как фразеологичность производных слов, позволили автору обнаружить ряд закономерностей, сделать важные обобщения.

"Наличие или отсутствие идиоматичности в семантике - признак, определяющий очень многие различия в жизни производных слов: различия в организации многозначности, в семантической структуре многозначных слов, в порождающей способности, в синтаксическом поведении и другие различия" /8, с.11/. О.П.Ермакова исследует фразеологичность семантики у производных разных частей речи и различных словообразовательных структур, типы семантических приращений в значении производного с идиоматичной семантикой, влияние фразеологичности семантики на порождающую способность производных и др.

Теоретически и методически важно разграничение изучения фразеологичности с точки зрения синтеза значения производного (ср. работы И.Г.Милославского, рассматриваемые ниже) и с точки зрения анализа. Как отмечает О.П.Ермакова, во втором случае исследователь оперирует известным значением известного слова, и фразеологичность семантики понимается как невыраженность некоторой части значения производного формально выделяемыми в нем частями, а не как невозможность определить значение целого по значению его составляющих. Первое не обязательно предполагает второе (ср., напр. фальшивомонетчик). При изучении фразеологичности с точки зрения анализа не исследуется предсказуемость выбора значения многозначного производящего слова или аффикса. По автору, невыраженность части значения целого является обычно характерной особенностью словообразовательных типов, в то время как невозможность синтезировать значение целого из значения составляющих связана с конкретной семантикой мотивирующих - отдельных слов или групп внутри типа - и широтой их лексической сочетаемости. У производных одной словообразовательной структуры предсказуемость значения может быть различной (ср. бессмертник и бесстыдник).

В работах О.П.Ермаковой /8, 13/ устанавливаются некоторые общие закономерности в распределении производных с идиоматичностью и неидиоматичностью семантики. Неидиоматичны производные, относящиеся к модификационным типам и синтаксической деривации. Более всего фразеологичность семантики присуща субстантивным и отсубстантивным образованиям. В целом фразеологичность семантики свойственна разным типам производных слов в разной степени; в разных типах слов влияние характера мотивирующего слова на фразеологичность различно. Установ-

ленные автором закономерности связываются им в определенной мере с различием общих семасиологических свойств слов: лишены фразеологичности производные, мотивированные односемными, семантически элементарными словами. К таковым относят прежде всего качественные прилагательные; названия лиц, мотивированные ими, обычно неидиоматичны, мотивированные же относительными прилагательными отличаются идиоматичностью. С другой стороны, названия неодушевленных предметов идиоматичны и при мотивированности качественными прилагательными, так как предметные обозначения не бывают односемными, их значение не может быть сведено к указанию на один внешний признак (ср. синяк и хитрец).

Автор устанавливает различие идиоматичных производных по типу семантического приращения: если в таких образованиях, как безрезультатный (= не дающий н у ж н о г о результата) имеет место приращение лексического типа, то в случаях типа барабанщик (= тот, кто б ь е т в барабан) приращение характеризуется как синтаксическое. Последнее наблюдается только при субстантивной мотивации и в основном у существительных. По мнению автора, среди производных названий лиц есть только два типа значений - производитель действия (учитель и т.п.) и носитель признака (старик), при мотивации названий лиц предметными словами какого-либо третьего типа не возникает - здесь налицо названия действователя (барабанщик).

Большой интерес представляют наблюдения и обобщения О.П.Ермаковой, касающиеся влияния идиоматичности семантики производного на его семантическую структуру, организацию многозначности. Перечислим основные выводы автора: 1) С усложнением словообразовательной структуры слов, как правило, упрощается их семантическая парадигма (совокупность лексико-семантических вариантов). 2) Идиоматичные по семантике производные представляют собой открытые семантические структуры: они вмещают в себя неограниченное количество номинативных значений как результат неоднократного использования сочетания данной производящей основы в одном и том же значении с одним и тем же аффиксом (белок, медянка и т.п.); производные же, лишенные идиоматичности, представляют собой закрытые семантические структуры: на основе одного значения производящего они допускают одно прямое значение как результат однократного действия словообразовательной модели (учительница, мучитель и др.). 3) Производные с неидиоматичной семантикой не склонны к развитию собственных метафорических значений; идиоматичные производные не усваивают переносных значений своих производящих, они имеют собственные переносные значения. Метонимические же значения, как правило, не наследуются производными. 4) Регулярные метонимические значения синтаксических дериватов обнаруживают зависимость от семантических валентностей производящего и отражают, в частности, связи действия с условиями его реализации. 5) Лексическая многозначность производных слов в целом носит более системный, упорядоченный характер, чем многозначность непроизводных; производные с

однотипной словообразовательной структурой нередко обладают однотипной семантической структурой, одинаковой семантической парадигмой /см.8/.

Проблемам семантического соотношения производных и производящих, фразеологичности семантики производных посвящен и ряд работ И.Г.Милославского. Эти проблемы интересуют автора в плане решения задачи "синтеза значения многоморфемного слова по значению составляющих его морфем" /41, с.21/. Эта проблема представляет как теоретический интерес (при выяснении того, какая часть информации, содержащейся в слове, представлена в форме морфем, а какая часть возникает как результат отношений между словами, морфемами, денотатами), так и практический - при обучении русскому языку как неродному, при автоматической обработке текста. Автор стремится выявить и охарактеризовать влияние на синтезируемое значение производного слова таких факторов, как семантика производящей основы, лексическая парадигматика производного слова, парадигматика дериваторов, а также экстралингвистические факторы (обстоятельства объективной действительности).

В статье /38/, И.Г.Милославокий правомерно связывает установление фразеологизованной части значения производного с вопросом об объеме значения суффикса (аффикса). Для вынесения за пределы суффикса конкретного дополнительного элемента значения необходимо найти инвариант значения суффикса, рассматривая, по автору, весь ряд производных с этим суффиксом. Обращаясь к возможности предсказания характера семантического приращения в производном, автор отмечает, что опора на реалии, обозначенные в языке, позволяет в ряде случаев делать "разумные предположения" о дополнительных конкретных значениях (ср. бегун - говорун - плясун). Разного рода "пропуски", которые домысливаются говорящими, существуют, по замечанию И.Г.Милославского, не только на словообразовательном уровне, но и на морфологическом, лексико-синтаксическом. Вывод - "при анализе содержательной стороны суффиксов (? - речь должна идти о производном слове в целом - Р.М.) можно плодотворно использовать понятие пресуппозиции - фонда общих знаний собеседников, их предварительного договора" /38, с.41/.

В статье под характерным названием "О регулярном приращении значения при словообразовании" /40/ автор рассматривает проблему фразеологичности производных на основе анализа существительных с основными суффиксами лица. Здесь делается попытка описать и представить разнообразные семантические соотношения производных и производящих, включающие в себя "приращение значения при словообразовании", в виде ограниченного набора (около 10) семантических определений. Устанавливается, что суффиксы лица различаются наборами семантических приращений, которые они "могут актуализировать". В своих выводах автор отмечает, что характер непосредственно составляющих, а также социальные условия могут предопределять - в определенной степени - выбор того или иного семантического приращения. Попытка установить некоторую предсказуемость и регулярность фразеологизующих приращений заслужива-

ет внимания, хотя очевидно – и это, в сущности, оговаривается самим автором – что ограниченность набора семантических приращений достигнута за счет схематизации и огрубления: опущены уникальные семантические приращения, а также некоторые дополнительные семантические элементы в составе выделенных приращений, элиминирована детализация по характеру отношения обозначаемого лица к мотивирующему признаку.

Анализируя под тем же углом зрения семантическую структуру производных существительных со значением предмета /39/, И.Г.Милославский выделяет и классифицирует возможные мотивировочные признаки. Предмет, названный производным словом, может быть охарактеризован, по автору, с четырех разных сторон: по обычному местонахождению (подснежник); по внешним особенностям (рыжик); по функциональному назначению (пробойник, кофейник); по существенным свойствам (творожник, плевок). Следовательно, в производных могут фигурировать пять элементов: общее родовое понятие предмета типа "гриб", "вещество", "инструмент" и один из остальных четырех элементов. Возможно такое толкование производного, которое исчерпывает сущность значения, ограничиваясь лишь двумя характеристиками, включая родовую. В принципе же семантика существительного со значением предмета оказывается результатом сложения с участием пяти неизвестных. Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев значительная часть семантики производного не может быть "получена" на основе лингвистических и экстралингвистических закономерностей. Синтезированное значение, однако, может быть приближено во многих случаях к реальному значению с той или иной степенью точности. Все это подтверждает, по автору, известное положение о фразеологичности слова, хотя не обязательно, что такое же подтверждение дадут и другие семантические группы производных. По этому поводу можно заметить, что, как это подтверждается исследованиями О.П.Ермаковой и других лингвистов, производные существительные со значением предмета как раз наиболее фразеологичны. В целом же вопрос о синтезе значения производного слова должен изучаться также и с учетом внешнего его контекста, т.е. в обычных условиях функционирования слова.

Важным и перспективным представляется исследование проблем синтеза значения производного слова с выходом за пределы словообразования – в рамках теории номинации. Об этом свидетельствует другая работа И.Г.Милославского, посвященная сравнению проблем, связанных с синтезом производного слова и синтезом словосочетания. Здесь отмечаются некоторые основные сходства и различия между словообразовательным и синтаксическим способами обозначения как в плане содержания, так и в плане выражения /42/. Семантическое сопоставление приводит автора к следующим выводам: I) семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований могут совпадать (запеть – начать петь); 2) структура производного может быть менее информативной (ср. генеральша и жена генерала) и представлять собой

аналог фразеологического единства; 3) структура производного может представлять собой комплекс выраженного и предсказуемого значений аналогично тем словосочетаниям, значение которых шире буквального (ср. горбун и ходить в школу); 4) словообразовательная структура выражает значение более узкое, чем семантическое содержание производного, чему также находится соответствие в словосочетании.

7. В работах Е.С.Кубряковой /21,22/ выдвигаются новые аспекты исследования семантики производных и предлагается понятие степеней мотивированности производного слова. "Если по своим конечным итогам словообразование связано с созданием знаков-названий, по характеру своего протекания и по своим истокам оно неизбежно выходит в область знаков-сообщений, т.е. в область синтаксиса /22, с.82/. С этой точки зрения производное определяется автором как такая единица номинации, "которая, формируясь, проходит путь от суждения о предмете к его обозначению, от знака-сообщения к знаку-названию" /21, с.287/. В производном домик содержится имплицитно утверждение "этот дом - маленький", слово школьник - преобразованное сообщение "он учится в школе". В этом ракурсе словообразовательная модель - это "результат свертывания и семантической компрессии определенных идентифицирующих высказываний, в которых есть своя "тема" и своя "рема" /21, с.287/. "Словообразовательные модели можно поэтому трактовать как принимаемые коллективом говорящих формы перекодирования сообщений в наименования" /22, с.82/. Предлагается различать непосредственно мотивирующее слово или словосочетание - что и было предметом словообразовательного анализа до настоящего времени - и мотивирующее суждение, в котором мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию. Последняя же оказывает влияние на степень семантической связанности производного с производящим. На этой основе и вводится понятие степеней мотивированности производного. Автор высказывает некоторые соображения о возможных подходах к изучению указанного явления. Степень мотивированности производного может определяться степенью и характером соответствия его индивидуального значения значению мотивирующего суждения. Выдвигается следующая гипотеза, подлежащая дальнейшей проверке: степень мотивированности слова тем выше, чем ближе расположено непосредственно мотивирующее слово к подлежащему или же сказуемому мотивирующего суждения; полная мотивированность достигается тогда, когда в структуре мотивирующего высказывания непосредственно мотивирующее слово выступает в виде подлежащего или предиката (ср. он заикается - он заика и , с другой стороны, он работает в швейной промышленности - он швейник).

"Предлагаемый подход позволит, видимо, установить не только разные степени мотивированности одного образования другими, но и объяснить принципиальное отличие отглагольного словообразования от отыменного" /21, с.290/. Обязательный предикат мотивирующего суждения представлен в виде основы отглагольного производного, в отыменных

же производных аналоги предикатов не представлены и они должны быть восстановлены в каждом конкретном случае (ср. школьник, школяр и т.п.). Это в конечном счете предопределяет большую трудность истолкования отыменных производных и, вероятно, меньшую степень их мотивированности, как считает автор. В этом плане показательно также, что образование отглагольных производных семантически более регулярно и скорее поддается исчислению.

II. Проблемы словообразовательного значения. Соотношение словообразовательных и лексических значений производных слов

8. Большое место в работах рассматриваемого периода занимают проблемы словообразовательного значения – его специфика, сущность, объем, виды и типы, уровни абстракции, соотношение общих и частных значений, словообразовательных и лексических значений производных слов, формальная выраженность и др. Выяснение этих вопросов, естественно, требовало разработки принципов и методов описания словообразовательной семантики, ее метаязыка, приемов анализа /54,31/. Многие из указанных проблем не получили общепризнанного решения, что объясняется прежде всего особой сложностью и многогранностью словообразовательно-семантических отношений, но существенные достижения в их исследовании несомненны.

Значения, называемые разными исследователями словообразовательными, не вполне однородны и объединяются прежде всего тем, что представляют некоторое – различное по степени и направлению – обобщение элементов значений производных слов, обладающих одинаковым словообразовательным аффиксом или, шире, формантом, а также аффиксами одного семантического класса. Основное различие между многими определениями (или толкованиями) словообразовательного значения сводится к тому, что оно трактуется как повторяющаяся семантическая "сумма" (или, точнее, "произведение") производящего слова (базы) и словообразовательного аффикса или же как повторяющаяся семантическая "разность" производного и производящего. Можно различать, условно говоря, постулирование словообразовательного значения двухкомпонентного (суммативного) и однокомпонентного (разностного). С указанными различиями отчасти связаны расхождения в характеристике формального выразителя (или носителя) словообразовательного значения.

По В.В.Лопатину, словообразовательное значение есть "обобщенное значение, выявляемое в рамках словообразовательного типа и отличающее все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих (напр., значение "единичность" в образованиях типа снег – снежинка)" /24, с.12/. Здесь постулируется, таким образом, словообразовательное значение в объеме семантической разности. Следует выделить и другой параметр: "Степень обобщенности словообразовательного значения определяется рамками типа" (там же). В этом случае как будто снимается вопрос о выделении и различении общих и частных словообразовательных

значений, который и важен, и сложен (см. ниже). В соответствии с "разностным" словообразовательным значением его носителем автор считает формант (в частном случае - аффикс). Формулы типа "производитель действия" В.В.Лопатин интерпретирует как определение "бинарной семантической структуры мотивированных слов в той степени ее обобщения, которая определяется рамками словообразовательного типа" /25, с.99/, значение же аффикса является одним из компонентов этой структуры: действие + агентивность → производитель действия (см. там же).

Нельзя не заметить, однако, что словообразовательный тип (в трактовке, принятой и автором), констатируется как формантом, так и мотивирующей основой, и значение такой формально-семантической схемы производных, т.е. значение типа не может не иметь бинарной структуры.

В.Н.Немченко под словообразовательным значением понимает "общее, категориальное значение синхронически производных слов определенной формальной структуры (определенной словообразовательной модели), устанавливаемое на основании семантического соотношения данных производных слов с соответствующими производящими" /43, с.11/. Как это определение, так и формулировки конкретных словообразовательных значений ("состоящий из чего-либо" и т.п.) свидетельствуют о выделении "суммативного" значения. Но выразителем словообразовательного значения признается формант (см. с.4). В то же время, переходя к конкретному анализу семантической структуры отсубстантивных прилагательных, автор отмечает, что словообразовательные форманты здесь "в большинстве случаев не являются средством дифференциации словообразовательных значений прилагательных" /с.17/, последние зависят как от семантики производящих существительных, так и от семантики существительных, сочетающихся с данными прилагательными.

Признавая объективную возможность и принципиальную необходимость разграничить значение аффикса и значение модели, Е.С.Кубрякова и З.А.Харитончик считают, что "оба типа значения можно именовать словообразовательными, деривационными": вместе с тем, характеризуя производные типа столик как выражающие словообразовательное значение "уменьшительность того, что обозначено производящего основой", они допускают, что носителем данного словообразовательного значения может считаться и суффикс /23, с.229/.

Можно заметить, что в разных работах /см. также 5, с.33-34/ соотношение между объемом словообразовательного значения и его носителем остается не вполне определенным.

Для выяснения сущности словообразовательного значения, соотносительного вклада непосредственно составляющих производного слова необходимо дальнейшее изучение их взаимодействия. В статье "О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа" /23/ Е.С.Кубрякова и З.А.Харитончик формулируют свою исходную позицию следующим образом: "Суффикс и основа, будучи равноправными партнерами словообразовательной модели, оказываются

компонентами взаимообусловленными и взаимозависимыми. Без полного описания форм и проявлений этой зависимости нет, да и не может быть, адекватного описания модели суффиксального производного. Нет без этого и адекватного описания самого суффикса" /23, с.203/.

Анализируя закономерности сочетаемости суффиксов и основ на разных уровнях системы языка, авторы особое внимание уделяют рассмотрению соотношения грамматических, а затем и лексических свойств этих компонентов модели. Эти соотношения принимают характер как известных ограничений в сочетаемости основ и суффиксов, так и семантических взаимодействий. Отмечается, что в словообразовательный процесс вообще не вовлекаются отдельные лексические классы и подклассы; наблюдается, далее, неучастие семантических подклассов слов в образовании определенных частей речи, а также несовместимость основ с теми или иными конкретными суффиксами. С другой стороны, описание семантического взаимодействия должно идти, по словам авторов, как по линии уточнения, конкретизации семантики производящих основ, так и по линии уточнения семантики суффикса. "Значение модели, или смысловая структура производной единицы, есть прежде всего результат воздействия категориального и индивидуальных значений суффикса (форманта) на категориальное и лексическое значение исходной основы" /23, с.225/.

В смысловой структуре аффикса, подчеркивают авторы, грамматические и неграмматические значения образуют неразрывное единство. Компонентами этой структуры являются: 1) общеграмматическое значение части речи, 2) частное грамматическое значение (вид, род и т.п.), 3) общее словообразовательное значение, конкретизирующее значение части речи, 4) частное словообразовательное значение, подчиненное общему. Второй и четвертый компоненты переменны и не обязательны. Если понятийный класс производных описывается в таких терминах, как "предметность", "процессуальность" и пр., то соответствующий суффикс, включающий основу в тот или иной понятийный класс, также наделяется одним общекатегориальным значением; если же понятийный класс описывается в терминах, конкретизирующих далее эту "предметность", "признак" и т.п., то суффикс "следует считать наделенным конкретным индивидуальным значением. Эти индивидуальные, конкретные значения, которые реализуют в языке категории предметности и прочие категории частей речи и которые, вместе с тем, не совпадают с обязательными для данного языка грамматическими категориями, и являются для нас словообразовательными значениями аффикса" /23, с.226/.

Поддерживая, как видим, концепцию общего (инвариантного) значения в словообразовании, авторы считают, что это значение обеспечивает единство словообразовательного ряда; невозможность же выделения общего значения у словообразовательного ряда, объединенного одним аффиксом, означает использование омонимичных суффиксов. Заметим, что в применении к префиксам такой подход вызовет трудности.

Частные словообразовательные значения, отмечают авторы, могут быть связаны отношениями последовательной субординации или рядоположены. Забегая вперед, можно отметить, что открытым остается при этом вопрос о степени детализации и возможном количестве выделяемых частных значений, их семантических рубежах.

Авторы справедливо подчеркивают, что "семантический аспект науки о словообразовании связан с тем, чтобы описать моделируемую часть смысловой структуры производного" /23, с.230/. Она должна быть описана "в виде общей формулы", констатирующей: 1) принадлежность модели к части речи, 2) принадлежность основы данной модели к части речи, 3) выражение моделью более частных грамматических значений; 4) принадлежность модели семантическому разряду слов, 5) принадлежность модели к определенному функциональному стилю. Такая широкая характеристика смысловой структуры модели производного, т.е. вся информация, которую модель может передавать, именуется "словообразовательным значением модели" /с.230/. Однако "общая формула" такого объема не имеет выхода к конкретным формулировкам значений моделей, применяемым, в частности, и авторами в этой работе (ср. "тот, кто выполняет действие, обозначенное производящей основой" и т.п., с.227).

Своеобразная концепция словообразовательной семантики представлена в работах Е.Н.Хохлачевой /63, 64/, обобщающих ряд ее прежних публикаций. Автор исключает из задач словообразования изучение лексических значений производных, считая, что оно не относится к собственно словообразовательной проблематике, в этой связи исключается из правил анализа также прием сопоставлений пары слов. Исключается, далее, возможность каких-либо определений словообразовательных единиц через определение значения аффиксальной морфемы; последняя является средством передачи отношений производности, она "лишена собственных значений, и ее роль заключается в функции, обусловливающей единство словообразовательного типа" /63, с.37/. В приложении к отношениям производности "семантический" определяется автором как "категориальный", т.е. свойственный части речи во всем объеме присущих ей внутрикатегориальных значений. В соответствии с этим словообразовательное значение определяется как "значение, обусловленное семантическим (категориальным) взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но единое с точки зрения общих принципов своей обусловленности" /63, с.36/. Фактором, определяющим единство структуры и семантики словообразовательного типа (модели) и тем самым - словообразования в целом, автор считает соотношение категориальных значений производящих и производных единиц. В этой концепции, естественно, центральное место отводится "словообразовательной структуре" - объединению словообразовательных моделей с "однотипным соотношением основ", обусловленным принадлежностью производящих к одной части речи при условии принадлежности производных к одной и той же категории - существи-

www.ruslang.ru

тельному. Каждая структура, по автору, имеет свой конкретный тип соотношений взаимодействующих единиц. Каждый словообразовательный тип представляет собой один из вариантов категориальных взаимодействий. Автор исходит из того, что все семантические различия производных обусловлены и предопределены указанными соотношениями основ. С другой стороны, он формулирует требование регулярной и полной обусловленности, предопределенности словообразовательного значения семантикой производящих основ, оформляемое как "полная выводимость из структуры производного слова", и при отсутствии строгой регулярности в соотношении значений производных и производящих констатирует отсутствие у производных словообразовательного значения вообще. Так, по мнению автора, существительным типа естественник, искусственник свойственны частные и дробные лексические значения, полностью не выводимые из их структуры, деривационное же значение, выводимое из их структуры, должно было бы звучать так: "существительное, обозначающее лицо по отношению к признаку, названному производящей основой"; однако существительных с таким значением, считает автор, в языке не существует /64, с.24/.

Отправляясь от последней установки автора, следует отметить, что абстрагирование от разнотипности и нерегулярности соотношений лексических значений производных и их производящих позволяет обнаружить за ними типизированное и общее семантическое соотношение на уровне обобщенных значений этих пар. Только при таком подходе словообразовательное значение оказывается неотъемлемым содержанием словообразовательных форм (структур), т.е. занимает то место, какое оно и должно занимать по своей сущности. На той же основе автор описывает исторические процессы, в частности, последовательную тенденцию "подавления, "утраты глагольности" в именном отглагольном словообразовании.

В концепции В.Н.Хохлачевой заслуживает внимания последовательный и глубокий учет такого фактора, как соотношение категориальных (частеречных) значений производящих и производных. Однако эта концепция представляется недостаточной для объяснения и адекватного описания многих словообразовательно-семантических различий и закономерностей, так как последние обнаруживают зависимость и от более конкретных, лексических, семантических признаков. Нельзя согласиться и с элиминированием семантического вклада словообразовательных морфем. По нашему мнению, обоснованным надо признать взгляд, согласно которому изучение словообразовательных значений нельзя полностью отделить от изучения лексических значений производных слов. Уместно здесь же подчеркнуть что "лексическое" в данном контексте включает в себя все семантическое содержание слова в цел[illegible] (а не основы).

9. Особую проблему составляет установление уровней абстракции словообразовательной семантики, степени обобщенности словообразовательных значений, соотношения общих и частных словообразовательных значений, степени детализации и возможного количества частных словообразовательных значений, о чем попутно говорилось и выше.

В работе М.Я.Гловинской /5/ на материале существительных с суффиксом -ник обсуждается неоднократно дискутировавшийся вопрос: что считать значением словообразовательного суффикса? Нецелесообразно, по автору, как выделение весьма многочисленных конкретных значений у суффикса (основанное на простом "вычитании" значения производящего из значения производного), так и установление одного самого общего значения (предметности), так как в последнем случае "различия между многозначными суффиксами останутся не вскрытыми" /5, с.55/. Здесь, по существу, вопрос ставится в альтернативной форме, так как автор не обращается к теории общего значения, предполагающей установление как инвариантного, так и основных вариантных (частных) значений языковой единицы /ср.54, 51/.(По-видимому, автора не удовлетворяет определение инвариантного значения как "предметного"; изучая конкретные значения, автор оставляет открытым вопрос о возможности установления общего значения - Ред.). Тем не менее, решение, принимаемое им, представляет интерес и в рамках этой теории. "Вопрос сводится к тому, где ввести границу между словообразовательным и лексическим значением. Естественно считать словообразовательными (не лексическими!) как минимум такие значения, которые выражаются в языке другими грамматическими средствами - словоизменительными или синтаксическими" /5,с.55/. Опираясь на соображения Ю.Д.Апресяна о существенности актантных значений для всех значимых уровней языка и наличии типовых средств выражения этих значений на разных уровнях, в том числе в словообразовании /см. 1, с.131-132/, М.Я.Гловинская находит для "многозначного суффикса -ник следующие значения: 1) субъект действия, состояния, свойства, названного основой, 2) объект действия, названного основой, 3) место действия или место для того, что обозначено основой, 4) инструмент действия, 5) совокупность предметов, 6) действие, так или иначе характеризующееся тем, что названо основой. С этой точки зрения многообразные конкретные значения существительных с суффиксом -ник оказываются лексическими наращениями сверх указанных значений.

Методы выделения общих и частных словообразовательных значений варьируются в зависимости от специфики изучаемого объекта, хотя они должны объединяться общими принципами.

Семантическая специфика отсубстантивных имен прилагательных в общем достаточно известна. Чрезвычайное многообразие их контекстных употреблений и значений дало основание считать, что эти прилагательные сами по себе обозначают лишь "общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету" (Е.А.Земская). По мнению Ю.Д.Апресяна,"принципиально возможен список всех словарных значений относительных прилагательных, и есть основания полагать, что он будет не слишком велик" /1, с.212/. При этом он исходит из того, что во многих случаях прилагательным в сочетаниях с существительными неправомерно приписываются значения, входящие в семантическую структуру существительного /1, с.211-212/. В работах В.Н.Немченко, обобщенных в докторской

диссертации /43/ предпринята попытка охватить все словообразовательные модели и словообразовательные значения отсубстантивных суффиксальных прилагательных.

Контекстная зависимость суффиксов этих прилагательных побуждает автора к специальному рассмотрению вопросов методики семантического анализа. В.Н.Немченко приходит к выводу /ср.16/, что определить словообразовательные значения подобных прилагательных можно по совокупности трех признаков: 1) принадлежности производящих существительных к определенной семантической группе, 2) семантики определяемых прилагательными существительных, 3) семантической соотносительности данных прилагательных с определенной трансформационной конструкцией выражающей взаимоотношение между семантикой производящего существительного и определяемого существительного (бельевой шкаф - шкаф для белья). По первым двум признакам у прилагательных различаются "частные словообразовательные значения и их оттенки", на основании третьего признака частные словообразовательные значения объединяются в "более общие, основные словообразовательные значения" /43, с.22/.

Результатом анализа является весьма дробная классификация, охватывающая 31 общее словообразовательное значение, в рамках которых различаются многочисленные частные "значения" и "оттенки"; на основе общих значений различается 141 словообразовательный тип, на основании же частных значений - 253 подтипа. Заслуживает внимания то, что качественный анализ здесь в широком масштабе дополняется количественным (статистическим). Последний позволяет выявить основное словообразовательное значение в рамках модели, удельный вес каждого словообразовательного значения, место каждого словообразовательного типа особенности функционирования данных прилагательных в разных видах речи и др.По-видимому, работы подобного характера дают какое-то представление о масштабах семантического варьирования, хотя они вряд ли должны рассматриваться как доказательство возможности исчерпывающего исчисления всех семантических модификаций производных такого типа. Было бы интересно, на наш взгляд, попытаться построить на этом же материале более компактное и общее описание (ср. вышеупомянутые соображения Ю.Д.Апресяна).

Из общих классификаций словообразовательных значений отметим здесь типологию словообразовательных значений, предложенную В.В.Лопатиным /24, с.31,54/. Автором выделяются следующие типы: 1) значения референционные ("лексическая деривация"), внутри которых различаются две разновидности - мутационные и модификационные (термины М.Докулила). В соответствии с тем, что словообразовательное значение интерпретируется автором как известная "семантическая разность", различие названных подтипов усматривается в том, что компонентом мутационного словообразовательного значения является грамматическое значение части речи; модификационные же значения не включают в свой состав подоб-

ного компонента (ср. "агентивность" и, с другой стороны, "женскость").

2) Транспозиционные значения ("синтаксическая деривация"), сущность которых здесь определяется более точно, чем это обычно делается при характеристике "синтаксической деривации" (по Е.Куриловичу): мотивированное слово в этом типе наделяется общекатегориальной грамматической семантикой, отличной от общекатегориальной семантики мотивирующего, без изменения других компонентов его значения. В отличие от референционных, транспозиционные словообразовательные значения отражают внеязыковую действительность косвенно, через посредство частеречного моделирования действительности.

3) Два указанных типа противопоставляются третьему - синтаксическому по своей сущности - типу значения, называемому автором синтагматическим. Речь идет о соединительном значении, присущем всем словам со сложной мотивирующей базой.

4) К словообразовательному значению приравнивается автором "стилистическая модификация", являющаяся одной из функций словообразовательного аффикса, эквивалентной его семантической функции (колено - коленка).

Эта типология позволяет, по-видимому, внести коррективы в представление о том, что словообразовательное значение, в противоположность грамматическому, всегда является несинтаксическим, референционным, отражающим внеязыковую действительность. Впрочем, решение этого вопроса зависит как от признания морфемного статуса соединительных элементов, так и от трактовки "синтаксических значений".

IO. По линии связей, устанавливаемых между словообразованием и теорией номинации, намечается дифференциация понятий словообразовательного и деривационного значений, которые обычно отождествлялись. "До тех пор, пока деривационное значение мы выделяем в наиболее типичной деривационной форме, т.е. в производном слове, мы, видимо, получаем несколько ограниченное о нем представление, что уже отражено в самом термине - "словообразовательное значение", - пишет В.М. Никитевич /45, с.348/. Наряду с морфологическими сочетаниями (аналитическими грамматическими формами), лексическими сочетаниями (фразеологизмами), существуют деривационные сочетания, в которых один из компонентов регулярно соотносится с формантом производного слова (намереваться - иметь намерение). Такой компонент, по автору, является служебным деривационным словом. При словообразовательной недостаточности деривационные сочетания оказываются единственными модельными номинациями (ср. молодой - молодеть, но пожилой - становиться пожилым). Автор считает, что "необходимо понимание деривационного значения (по аналогии с грамматическим), освобожденное от обязательного способа аффиксации или других способов его выражения в цельнооформленном слове" /45, с.348/.

II. Работы Р.С.Манучаряна /31-36/ посвящены исследованию природы словообразовательного значения, проблеме выбора его наиболее адекватной дефиниции, а также типологии словообразовательных значений. В этом смысле интересным является рассуждение автора о двух аспектах мотивационной базы производного слова. В плане выражения базой производного слова служит производящая основа (при чистой префиксации - целое слово), между тем как в плане содержания его базой является производящее слово (в ряде случаев - устойчивое словосочетание) как оформленная единица номинации.

При описании семантической структуры производных, автор также различает два аспекта: мотивационный и номинационный. Для мотивационного аспекта значения релевантна часть речи производящего: ср. пильня, печатня, бойня, но колокольня, сырня, кумирня. Для номинационного существенна номинационная общность, в данном случае "помещение". Эти аспекты соответствуют разным ступеням обобщения значения производных.

Отвечая на вопрос: "Является ли словообразовательное значение повторяющейся семантической разностью между значениями мотивированного и мотивирующего слов или оно складывается из повторяющихся семантических признаков мотивирующих основ в сочетании со значением аффикса?", Р.С.Манучарян подчеркивает, что то и другое решение правомерно. Однако о постулировании "двухкомпонентного" словообразовательного значения (в объеме "семантической суммы") следует говорить на низших ступенях абстракции, а о постулировании "однокомпонентного" значения (в объеме "семантической разности") - на высших ступенях.

"... словообразовательное значение - это общая для ряда слов семантическая реляция (отношение) их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и их производящих" /35, с.31/.

Автор уделяет внимание сопоставлению словообразовательного и других типов лингвистических значений, в частности, грамматического. От грамматического значения словообразовательное отличается прежде всего тем, что является необязательным для всех слов одной части речи. Вместе с тем одно словообразовательное значение может принадлежать группе слов из разных частей речи (ср., например, значение усилительности, противоположности, выраженное с помощью префиксов как в именах прилагательных, так и именах существительных).

Автор рассматривает различные принципы, которые могут быть положены в основу типологии словообразовательных значений. По мнению автора, существенным принципом противопоставления словообразовательных значений, основным носителем которых является дериватор (аффикс), служит принцип контекстной обусловленности. Последняя подразделяется на внутрисловную и внесловную. Внутрисловный контекст, в свою очередь, делится на мотиваторный и флексийно-парадигматический (форматорный). Наименее зависимое от контекста значение дериватора есть наиболее общий его семантический инвариант.

Если дериваты составляют узкий семантический класс при фиксированном семантическом разряде мотиватора и фиксированном форматорном окружении, имеет место **инвариантное** словообразовательное значение, например, змееныш, ужоныш, "детеныш животного" или зубастый, глазастый "интенсивный внешний признак". Если контекст дериватора не ограничивается одной семантической группой дериватов, а включает несколько групп, объединяемых общим семантическим признаком, то его значение является вариантным. Например, телятник, курятник, птичник-"помещение для домашних животных" и чайник, салатник, кофейник - "посуда, вместилище."

Если при некотором внутрисловном контекстном окружении значения дериватора соотносятся только с изменением внешнего контекста, то они являются нормативно-лексически обусловленными. Ср. трав-ян-ой: сделанный, приготовленный из травы - травяная настойка; живущий в траве - - травяная лягушка; покрытый травой - травяные луга; свойственные траве - травяной запах. При этих вариациях суффикс -ан- сохраняет общее значение "относящийся к тому, что названо мотиватором". Это значение нормативно-лексически независимое.

Мена мотиваторного окружения может быть внутрикатегориальной и категориальной. Категориальная мена может привести к изменению словообразовательного значения: слаб-оватый, черн-оватый и сух-оватый и может не привести: хвастать - хвастливый, ворчать - ворчливый и сон- - сонливый, расчет - расчетливый - "склонный к действию, названному мотиватором"; бунтовать - бунтовщик, танцевать - танцовщик и прием - приемщик, набор - наборщик - "производитель действия, названного мотиватором." Значение "приобретать признак" может выражаться глагольным дериватором -е- в сочетании как с адъективными мотиваторами, так и субстантивными, если последние заключают в себе качественную характеристику. Ср. бледный - бледнеть, влажный - влажнеть и сирота - сиротеть, хам - хаметь.

Такие факты заставляют предполагать, что значимость мотивирующего слова и представляющего его мотиватора в механизме словообразования определяется не столько отнесенностью к той или иной части речи, сколько его обобщенной лексической семантикой (действие, признак, предмет). Частеречная категоризация, когда она вступает в противоречие с лексическим значением (например, при опредмечивании действия или качества) во многих случаях отступает на второй план.

Внутрикатегориальная мена мотиваторного окружения обуславливает три вида зависимостей семантики дериватора. Здесь выделяются значения **системно-лексически обусловленные** (ср. значение образца). Противопоставляются частные и общее значение. Например, с помощью -анин, -чанин при мотиваторе со значение страны, местности обозначаются жители или уроженцы (англичанин, парижанин); при мотиваторе со значением: коллектива - его члены (заводчанин, прихожанин); при мотиваторе со значением лица - последователи направле-

ния, течения (христианин, магометанин).Это частные значения. Общее значение - лицо, характеризующееся отнесенностью к предмету - местности, коллективу и т.д. Словообразовательное значение, независимое от внутрикатегориальной мены мотиваторного окружения дериватора, но обусловленное категориальной однородностью такого окружения, автор называет гомогенным общим значением.

Значение форманта является *грамматико-лексически* обусловленным, когда релевантной оказывается принадлежность мотиваторов словам разных частных лексико-грамматических разрядов.Так, глагольный суффикс нича- при общем значении "действия, имеющего отношение к предмету", характеризуется двумя грамматико-лексически обусловленными значениями: при мотиваторе с лексико-грамматическим значением одушевленного предмета он обозначает действие, свойственное лицу или животному (лентяйничать, попугайничать); при мотиваторе с лексикограмматическим значением отвлеченного понятия он имеет значение "проявлять свойство" (азартничать, малодушничать).

Словообразовательное значение является *структурно-лексически* обусловленным, когда релевантной оказывается принадлежность мотиваторов словам, мотивированным, в свою очередь, производящими разных частей речи. Например, плановость, облачность $R_2R_3R_2O$ и утомляемость, мылкость $R_2R_3R_1O$. В первом случае это признак, определяемый наличием названного предмета. Во втором - склонность, способность.

Общее значение дериватора - "отвлеченный признак". Этот тип значения автор называет общим гомогенным.

Значение дериватора, независимое от категориальной мены мотиваторного окружения, автор называет гетерогенным общим значением. Это значение до известной степени конкретизуется в категориально обусловленных гомогенных значениях, которые в этой связи выступают как частные (ср., например, гомогенные значения суффикса -щик, сводящиеся к охарактеризованности лица, реже орудия, действием, признаком или предметом и конкретизирующиеся в нормативно-лексически обусловленных частных значениях).

Мена флексийно-парадигматического окружения, как и мотиваторного, может быть *внутрикатегориальной*, ограниченной парадигматикой одной части речи, и *категориальной*.

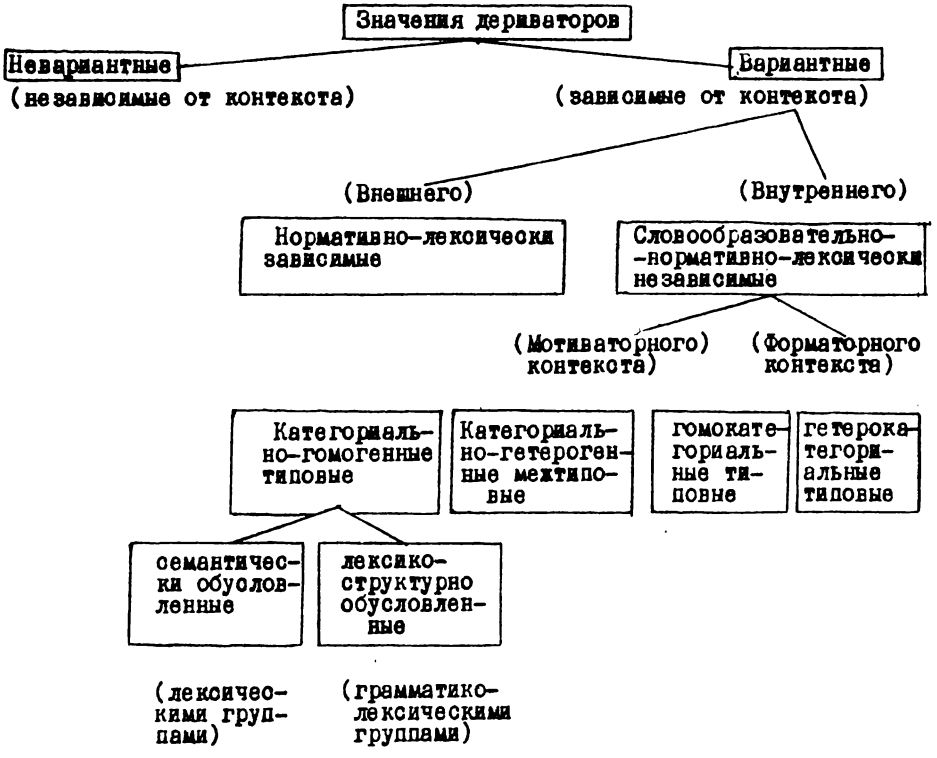
Значения дериватора, которые могут быть поставлены в соответствие внутрикатегориальной мене парадигматического окружения, называются морфологически обусловленными. Так дериватор -тель в сопровождении системы флексий одушевлен х/неодушевленных существительных выражает соответственно морфологически обусловленные значения агентивное либо инструментальное (ср. парадигмы строитель и выключатель). Словообразовательное значение, независимое от внутрикатегориальной мены парадигматического окружения дериватора, но обусловленное категориальной однородностью такого окружения называется гомокатегориальным общим

значением. Так, дериватор -ниj- (растение, рисование) обладает гомокатегориальным общим значением "суботанция, имеющая отношение к действию".

Значение дериватора, независимое от категориальной мены парадигматического окружения автор называет гетерокатегориальным общим значением. Например, значение "охарактеризованность означаемого предметом" (в случаях типа: луковой и луковый, ламповой и ламповый при субстантивном мотиваторе и субстантивном комплексе флексий адъективного типа склонения обозначает лицо, профессионально связанное с определенным предметом, а при субстантивном мотиваторе и адъективном комплексе флексий обозначает "признак, связанный с определенным предметом").

Все охарактеризованные выше значения могут быть объединены под двумя общими рубриками: общие и частные. Существенно противопоставление между внутритиповыми значениями и межтиповыми.

Для удобства обозрения предлагаемые Р.С.Маначуряном основные оппозиции словообразовательных значений и их зависимость от контекстов разного порядка мы предлагаем упорядочить в виде классификационного дерева. См. следующий рисунок:

I2. На материале русского языка словообразовательная семантика и принципы ее описания впервые получают широкое комплексное освещение в монографии И.С.Улуханова /54/. В книге ставятся следующие конкретные задачи: описание видов мотивационных отношений слов в словообразовательном гнезде (глава I); определение компонентов значения мотивированных слов, выявление ряда семантических свойств словообразовательных формантов (глава II); рассмотрение принципов семантической классификации мотивированных слов и описание семантики суффиксальных неотглагольных глаголов, т.е. глаголов, мотивированных именами и междометиями (глава III); исследование видов парадигматической и синтагматической связи в словообразовательной семантике (глава IУ).

Во "Введении" И.С.Улуханов прежде всего останавливается на исходных понятиях словообразовательной мотивации, форманта, словообразовательного значения и типа, стремясь последовательно вывести одно из другого. Понятие словообразовательного форманта, как и мотивации, определяется с учетом "гнездового" подхода к системе словообразования. "Словообразовательный формант - это наименьшее в формальном и семантическом отношениях словообразовательное средство (средства) из числа тех средств, которыми какое-либо слово отличается от слов, находящихся с ним в отношениях мотивации" /с.8/. Это определение операционно нацелено на установление главной мотивации слова, которая в дальнейшем характеризуется как "непосредственная".

Глава первая содержит анализ и обобщение отношений слов, входящих в словообразовательное гнездо. Эти отношения прежде всего могут быть как мотивационными, так и немотивационными; последнее имеет место при пересечении значений однокоренных слов. Автор устанавливает такие типы мотиваций, как непосредственные/опосредствованные, исходные/неисходные, единственные/неединственные, регулярные/нерегулярные. При описании словообразования как системы типов обычно учитываются, по замечанию автора, лишь непосредственные и регулярные мотивации, между тем для полного описания системы существен учет всех видов отношений в гнездах. В книге показано, что разнотипные связи слов в гнезде являются источником и моделью разнообразных словообразовательных процессов, идущих как в прямом, так и обратном направлении. В этой связи представляет интерес подробное рассмотрение так называемой заменительной префиксации, а также депрефиксации. Автору удалось показать также, что учет многообразных внутригнездовых отношений помогает выявить связи, существующие между словами разных способов словообразования, и отражение в синхронической системе языка диахронических процессов возникновения новых аффиксов и способов словообразования.

Во второй главе членение лексического значения мотивированного слова подчинено словообразовательным целям: выделяются такие компоненты значения, которые релевантны для словообразовательной семантики. Выделяются формантная и мотивирующая части - обязательные

компоненты значения мотивированного слова. Семантика последнего может исчерпываться этими частями. Однако, во многих словах после выделения этих частей остаются дополнительные семантические компоненты. Так, мотивирующие и формантные части значений у слов певец и певун тождественны ("лицо, которое поет"); семантическое различие этих слов создается только за счет дополнительных компонентов значений: певец - "лицо, которое умеет петь", певун - "лицо, которое не будучи профессионалом, охотно и много поет". Наличие дополнительных семантических компонентов делает мотивированное слово идиоматичным.

Компонентный анализ значения мотивированных слов приводит к новому освещению известной проблемы идиоматичности/неидиоматичности. Автор выявляет разные источники идиоматичности мотивированных слов, формулирует условия их неидиоматичности и подразделяет аффиксы по их употреблению только в идиоматичных словах, только в неидиоматичных словах, как в идиоматичных, так и неидиоматичных словах.

Вся глава демонстрирует реализацию принципа - "значение аффикса устанавливается тем же путем, что и значение слова - от контекстных значений к значению в системе" /с.104/. Анализ приводит к выявлению словообразовательных аффиксов двух типов - неинвариантных и инвариантных; значение первых составляют тождественные компоненты немотивирующей части лексического значения мотивированного слова, значение вторых - различные компоненты этой части значения, сводимые к общему (инвариантному) значению (ср. суффикс -е- в отадъективных глаголах и суффикс -и- в отсубстантивных). Последующее изложение показывает, что данное деление релевантно в разных отношениях.

Значительное внимание уделено малоисследованной проблеме "значение словообразовательного аффикса и часть речи мотивирующего слова". Описываются такие свойства словообразовательных аффиксов, как их общекатегориальность или частнокатегориальность (значение первых сводится к указанию того, что слово означает действие или признак, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом), а также зависимость или независимость их значения от внешнего контекста (с этой точки зрения аффиксы делятся на контекстно-независимые и контекстно-зависимые).

В заключительном параграфе, посвященном организации аффиксальных подсистем разных частей речи, автор показывает, что по семантическим и сочетаемостным свойствам суффиксов подсистемы глаголов и прилагательных близки, между тем как суффиксальная подсистема существительных коренным образом отличается по характеру своей организации от тех и других.

Третья глава демонстрирует методы и способы классификации производных на материале суффиксальных неотглагольных глаголов русского языка. В пределах данного способа словообразования здесь реализуется ономасиологический принцип описания, что нельзя не одобрить, так как в существующих работах по словообразованию господствует одностороннее

обратное направление исследования – от формы к значению. И.С.Улуханов строит многоступенчатое описание с последовательным делением глаголов на все более мелкие единицы классификации, выявляющее особенности организации семантики этой подсистемы; ставит и рассматривает вопрос о том, как отражаются в значении мотивированного слова различные компоненты значения мотивирующего, отмечает такие компоненты семантики мотивированного слова, которые влияют на его синтаксическую сочетаемость.

В заключительной главе книги показываются виды парадигматических семантических связей между аффиксами и синтагматических семантических связей между формантами и мотивирующими основами. Автор анализирует синонимию и частичную синонимию аффиксов и устанавливает, что характер семантического взаимодействия аффиксов во многом определяется их инвариантностью или неинвариантностью.

Заслуживает внимания обнаружение семантически промежуточных словообразовательных типов и подтипов.

Описывая синтагматические связи, автор стремится выявить семантические свойства глаголов, которые позволяют им служить мотивирующими словами при глаголах определенных типов. Семантические закономерности сочетаемости аффиксов состоят в том, что тот или иной формант сочетается лишь с теми словами (или их основами), которые обладают каким-либо общим семантическим свойством. Эти закономерности можно разделить на два вида – системные и нормативные.

Системные семантические закономерности определяют возможность сочетания форманта со всеми теми основами, значение которых семантически совместимо со значением форманта. Так, категория качественности прилагательных, несомненно, способствует образованию от них глаголов со значением становления признака (белеть и т.п.), так как только у качественных прилагательных может меняться степень признака. Значение излишней интенсивности действия (перезреть, перенасытить) не совмещается со значением исчезновения, уничтожения. Поэтому невозможно образование глаголов с приставкой пере- в значении излишней интенсивности действия от таких глаголов, как гаснуть, терять, губить, морить и т.п.

Нормативные семантические закономерности вносят дополнительные лексически закрепленные ограничения в сочетаемость форманта. Так, приставки о- и об- в значении чрезмерности действия сочетаются только с каузативными глаголами, означающими еду и питье (обкормить, опоить), хотя значение этих приставок никак не предопределяет такое ограничение (сравните гораздо более широкую сочетаемость синонимичной в данном значении приставки пере-).

Решения, предложенные автором, стимулировали дальнейшее обсуждение таких проблем, как типы и направление мотивации, соотношение лек-

сического и словообразовательного значения, соотношение значения аффикса, форманта, модели[I].

I. Говоря о том, что в словообразовательном гнезде есть отношения как мотивационные, так и немотивационные, к последним автор относит отношения типа домик – домище /с.10/. Вместе с тем сложные отношения слов в гнезде требуют учета и таких отношений, которые справедливо назвать равномотивационными (как разновидность опосредствованной мотивации). В разделе, специально посвященном типам мотивации в гнезде, автор вскользь упоминает о равномотивационных отношениях, следовательно, ощущает необходимость их выделения. Действительно, при изучении структуры гнезд важно учитывать не только радиальные отношения производных, но и кольцевые. Кольцевые отношения особенно существенны для изучения словообразовательной омонимии типа комсомолка (девушка) и комсомолка (газета), лакейство (сословие) от лакей, лакейство (угодничество) от лакействовать. О существовании кольцевых связей можно судить по примерам автора, показывающим, как связи слов в гнезде отражаются в речи. Все примеры (откровенничать – откровенность, либеральничать – либерализм) являются случаями кольцевых связей.

2. В связи с выделением большого числа словообразовательных подкатегорий возникает вопрос о границе между лексическим и словообразовательным при классификации слов. Так, например, различие в значении подкатегорий "объединяя, создавать что-л." (картелировать, синдицировать, группировать, тиковать) и "разделять на что-л." (районировать, дозировать, эшелонировать, букетировать, квантовать, атомизировать) обусловлено только различием в лексических значениях мотивирующих слов. Может быть, к словообразованию относится только объединяющая категория "действие, создающее что-л.", а способ создания уже касается лексики? Вместе с тем и различие между категориями "действие, создающее что-л." и "действие, придающее что-л." (финансировать, авансировать и т.д.) также обусловлено лексически, либо даже экстралингвистически, т.е. типовым назначением объекта в жизни общества. Может быть, для словообразования достаточно более абстрактных рубрикаций, типа "действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом"? Во всяком случае, выделение очень мелких групп типа "выделять, испускать, излучать что-л." (чадить, коптить), "оставлять, разбрасывать что-л. "(мусорить, сеять) вызывает сомнение с точки зрения их релевантности для словообразования.

3. Описание семантики словообразования, построенное автором по словообразовательным (семантическим) категориям (в отличие от Гр.-70, где описание строится по словообразовательным типам) с большой убеди-

---

[I] Параграф о книге И.С.Улуханова написан Р.С.Манучаряном и включает отрывки из его рецензии (ВЯ, 1979, №2), текст п.1-3 принадлежит П.А.Соболевой, после чего -п.4,5- следуют отрывки из рецензии Р.С.Манучаряна.

тельностью показывает, что между словообразовательными типами и словообразовательными категориями (значениями) существуют много- многозначные отношения. Очевидно, что для описания синхронной системы словообразования одинаково важны эти обе единицы словообразовательного уровня. Хотелось бы, поэтому, чтобы во введении к работе, где приводятся определения основных понятий, которыми пользуется автор, словообразовательной категории уделялось бы не меньше внимания, чем словообразовательному типу или словообразовательному форманту.

4. При ономасиологическом направлении описания на первый план выступает такая единица классификации, как словообразовательная категория. Однако определение и использование этого понятия здесь представляется спорным. "Слова с разными формантами, но с тождественными формантными частями значений, мотивированные словами одной и той же части речи, образуют словообразовательные категории, например, категории глаголов со значением "становиться каким или более каким", "становиться кем-чем"..." /с.129-130/. Из такого определения далее следует, что словообразовательные категории могут быть не только "характеризованными", т.е. имеющими "формальную поддержку" - неинвариантные форманты, но и "нехарактеризованными", не имеющими "формальной поддержки", - их форманты имеют более общее, инвариантное значение /с.130/. Более целесообразным кажется, в соответствии с общим применением понятия категории в грамматике, считать критерий формальной дифференцированности обязательным, и семантические группировки производных, не имеющие формальной поддержки, считать "подкатегориями" (этот термин используется автором иначе). В пользу такого подхода говорит и то, что в этом случае можно установить единое иерархическое отношение между словообразовательным типом и словообразовательной категорией; в книге же их соотношение раздваивается: характеризованная категория объединяет равнозначные словообразовательные типы, между тем как нехарактеризованная категория объединяет равнозначные словообразовательные подтипы.

5. Автор ограничивается краткой общетеоретической характеристикой словообразовательного значения в его отличии от грамматического и лексического значений (в основном в соответствии с Гр.-70). Однако обращает на себя внимание более узкая (в смысле объема значения) трактовка этого понятия. В книге применяется по существу "разностная" трактовка, что прежде всего вызвано, по-видимому, стремлением к более точному (чем в Гр.-70) покомпонентному установлению соответствия между объемом словообразовательного значения и его носителем. Последним, как и в Гр.-70, признается формант (или, уже, аффикс). Действительно, на долю, например, префикса за- (запеть, заговорить) приходится значение начинательности, суффикса -ик- - значение уменьшительности и т.д. Такой подход как будто соответствует и общей модели описания, использованной автором: минимальной

семантически самостоятельной единицей словообразования считается формант, а словообразовательный тип (модель) рассматривается как его контекст. И все же более оправданным представляется иной путь установления указанного соответствия, а именно: трактовать словообразовательный аффикс как основной (при участии и мотивирующей основы), ядерный носитель словообразовательного значения как семантической "суммы".

Дело в том, что "разностное" словообразовательное значение аффикса недостаточно для его дифференциальной характеристики. Семантическая разность, приходящаяся, например, на долю аффиксов -льщик и -ист, строго говоря, одинакова, - "тот, кто" (ср. носильщик - носить и журналист - журнал), однако существенно, что первый модифицирует (преобразует) значение действия, а второй - значение предмета. По-видимому, учитывая это, И.С.Улуханов, говоря о словообразовательном значении, добавляет, что оно "помимо компонентов, входящих в его состав, всегда содержит указание на отношение мотивированного слова к мотивирующему, ср. белеть, прочнеть - "становиться (каким)" /с.II/. Последовательнее было бы, на наш взгляд, считать, что данное отношение выражается не "помимо", а посредством компонентов, входящих в состав словообразовательного значения, и тем самым признать словообразовательным значением всю бинарную ("суммативную") семантическую структуру ряда мотивированных слов, т.е. значение типа (модели).

Раздел третий

МОРФОНОЛОГИЯ. МОРФЕМИКА

I. Булыгина Т.В. Замечания к понятию регулярности морфонологических явлений в сфере словообразования. - АПРС I, 1975.

2. Булыгина Т.В. Проблемы теории и практики морфонологического описания. - Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1975, № 4.

3. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.,1977(гл.У)

4. Ворт Д.С. О роли абстрактных единиц в русской морфонологии. - Развитие современного русского языка, 1972. М., 1975.

5. Горпинич В.А. Сочетаемость морфем и проблемы словообразования. - АПРС I, 1975.

6. Дементьев А.А. О так называемых "интерфиксах" в русском языке. - ВЯ, 1974, № 4.

7. Земская Е.А. О явлениях морфемного шва в русском словообразовании. - Исследования по славянской филологии. М., 1974.

8. Земская Е.А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций. - Развитие современного русского языка 1972.М.,1975.

9. Земская Е.А. О понятии "позиция" в словообразовании. - Там же.

10. Илютович К.С. О соотношении морфемного и словообразовательного анализа. - РЯШ, 1974, № 2.

11. Им С.Б. Морфонологические альтернации существительных. - Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка. М., 1976.

12. Им С.Б. Морфологические альтернации в именном словообразовании. АКД, 1977.

13. Клобуков Е.В. Морфонология как парадигматическая морфемика. - Вопросы русского языкознания, вып. I М., 1976.

14. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.

15. Кузнецова А.И., Лавренова О.А. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке. (Приложение. Частотный словарь суффиксальных и префиксальных морфов современного русского языка). - Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.

16. Кузнецова А.И. Морфемный анализ и проблемы диахронии. - Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

17. Кулешова Л.В. Некоторые статистические характеристики корней современного русского языка. - Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.

8288

18. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Несколько спорных вопросов русской словообразовательной морфонологии. - ВЯ, 1974, № 3.
19. Лопатин В.В. О двух этапах морфемного членения слова. - Развитие современного русского языка, 1972. М., 1975.
20. Лопатин В.В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке. - ВЯ, 1975, № 4.
21. Лопатин В.В. Проблемы нулевого словообразовательного аффикса. - АПРС I, 1975.
22. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
23. Максимов В.И. Структура и членение слова. Л., 1977.
24. Михайлов М. Дезаффиксация и выделимость морфем. - **Slavica Wratislaviensia** , IУ, 1974.
25. Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа слов (выделимость основ и формантов). Горький, 1974.
26. Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа (Проявление выделимости морфем в деривационных процессах) **Warszawa - Wrocław**, 1976.
27. Оливериус Зденек Ф. Морфемы русского языка. Частотный словарь. **Praha**, 1976.
28. Панов М.В. О степенях членимости слова. - Развитие современного русского языка 1972. М., 1975.
29. Пастушенков Г.А. Некоторые проблемы структуры слова (Единицы структурно-семантического плана). Калинин, ч. I, 1977, ч.II, 1978.
30. Пастушенков Г.А. Так называемые "сложные" суффиксы в современном русском языке. - Филол.науки, 1974, № I.
31. Поливанова А.К. Субстантивные основы на -к(а) современного русского языка. - Языковая практика и теория языка. М., 1974.
32. Поливанова А.К. Классификация именных основ современного русского языка. - Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
33. Поливанова А.К. Принципы морфологического анализа производных основ. - Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
34. Поливанова А.К. Исчисление правильных морфологических структур русского языка. - Семиотика и информатика, вып. 6. Грамматические и семантические проблемы. М., 1975.
35. Поливанова А.К. Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД. М., 1976.
36. Реформатский А.А. О типах позиций. - Теория и история языкознания. Вып.Ш. Проблемы фонологии и морфонологии. Рефераты. Обзоры. М., 1974.
37. Реформатский А.А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах. - Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975.
38. Смиренский В.Б. О некоторых основных положениях морфонологии. - Слово и словосочетание в языках различных типов.М.,1973.

39. Смиренский В.Б. О роли морфонологических средств в языке. - Изв. АН СССР, сер.лит. и яз., т. 34, № 2, 1975.
40. Смиренский В.Б. Варьирование морфемы в свете морфонологического анализа (К проблеме алломорфии). - Филол.науки, 1975, № 1.
41. Тихонов А.Н. Основные аспекты проблемы сочетаемости словообразовательных морфем. - АПРС, 2. 1976.
42. Толстая С.М. Морфонологические корреляции согласных в русском языке. - ВЯ, 1975, № 1.
43. Улуханов И.С. О соотношении синонимичных словообразовательных морфем (на материале глагольных суффиксов). - Studia Rossica Poznaniensia, 1974, N 6.
44. Улуханов И.С. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании. - Развитие современного русского языка 1972. М., 1975.
45. Устинова Е.Г. К вопросу об ударении относительных прилагательных с суф. -ов(-ев) в современном русском языке. - Языковая практика и теория языка, вып. 1, М., 1974.
46. Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Кишинев, 1975.
47. Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
48. Янко-Триницкая Н.А. Межморфемные чередования в современном русском языке. - Развитие современного русского языка, 1972. М., 1975.

I. Предмет морфонологии

Четырехлетие 1974-1977 гг. отличается обилием и значительностью исследований в области морфонологии, заметной даже на фоне устойчивого интереса к этой дисциплине, характерного для славистики в последние десятилетия. Однако главная трудность, стоящая перед специалистом, желающим осмыслить направление этих исследований и суммировать их основные результаты, заключается в том, что предмет и границы морфонологии, задачи и статус этого раздела языкознания до сих пор продолжают дискутироваться и обнаруживают довольно большие расхождения в позициях разных авторов. Хотя декларативно большинство из них придерживается того известного определения задач морфонологии, которое было дано Н.С.Трубецким (Некоторые соображения относительно морфонологии. В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967), практически предмет морфонологии, с одной стороны, расширился за счет нескольких не названных Трубецким разделов, с другой стороны - не вся проблематика, намеченная им, разрабатывалась с одинаковой интенсивностью.

Выделенные Трубецким разделы морфонологии - 1) теория фонологической структуры морфем, 2) теория комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, 3) теория звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию, -

соответствующие естественной последовательности лингвистического анализа и как бы продолжающие друг друга (структура морфем → допустимые и возможные модификации этой структуры → основные регулярные механизмы этой модификации) сохраняют в то же время известную автономность, и каждый из них допускает свое особое развитие в сторону удаления от той общей линии, которая их связывает.

Так, описание фонологической структуры морфем (теперь было бы привычней говорить о морфонологической структуре, ибо само ограничение морфемными рамками противоречит "всеобщей", независимой от грамматики природе фонологии) предполагает выделенными сами морфемы, подлежащие описанию, между тем проблема морфемного членения слова (или текста) представляет собой самостоятельную область, непосредственно предшествующую морфонологии в смысле Трубецкого и вполне вписывающуюся в логику его определения. Именно такое расширение границ морфонологии, даже если оно осуществляется в рамках традиционного морфологического или словообразовательного исследования, закономерно появляется в новых работах /ср. I4,35,22/.

Столь же естественно включение в морфонологию проблематики отождествления (идентификации) морфем, являющейся оборотной стороной выделенного Трубецким вопроса о модификации морфем: у Трубецкого ставится задача выявления всех контекстных вариантов одной морфемы (сама морфема считается заданной), здесь, наоборот, ставится задача отождествления выделенных на предыдущих этапах исследования контекстных вариантов в качестве представителей одной морфемы /I4, гл.3/.

Наконец, и третий раздел морфонологии, по Трубецкому, становится основой целой развитой области, включающей не только предусмотренную Трубецким характеристику чередований в зависимости от условий и по их грамматическим функциям, но и такие ответвления этой проблемы, как структура альтернационных рядов в словоизменении и словообразовании, морфонологическая структура именных и глагольных парадигм, система морфонологических единиц (морфонем), морфонологические корреляции согласных и т.п.

Вместе с тем, морфонологическая концепция Н.С.Трубецкого не является единственным идейным импульсом современной морфонологии. Другим мощным импульсом, быть может, интуитивно значимым и для Трубецкого, стала эксплицированная в наше время потребность в единстве (непротиворечивости, согласованности) описания языка на всех его уровнях, особенно последовательно выраженная в некоторых направлениях современной лингвистики (в частности, в направлениях генеративного толка). В рамках такого рода представлений морфонология оказывается необходимой ступенью перехода от фонологического уровня к морфологическому (при анализе) и от морфемного представления к фонемному (при синтезе). Такое понимание морфонологии характерно, например, для Т.Б.Булыгиной: "Необходимость и целесообразность системного описания морфонологии (т.е. включение морфонологического компонента в описание соответствий

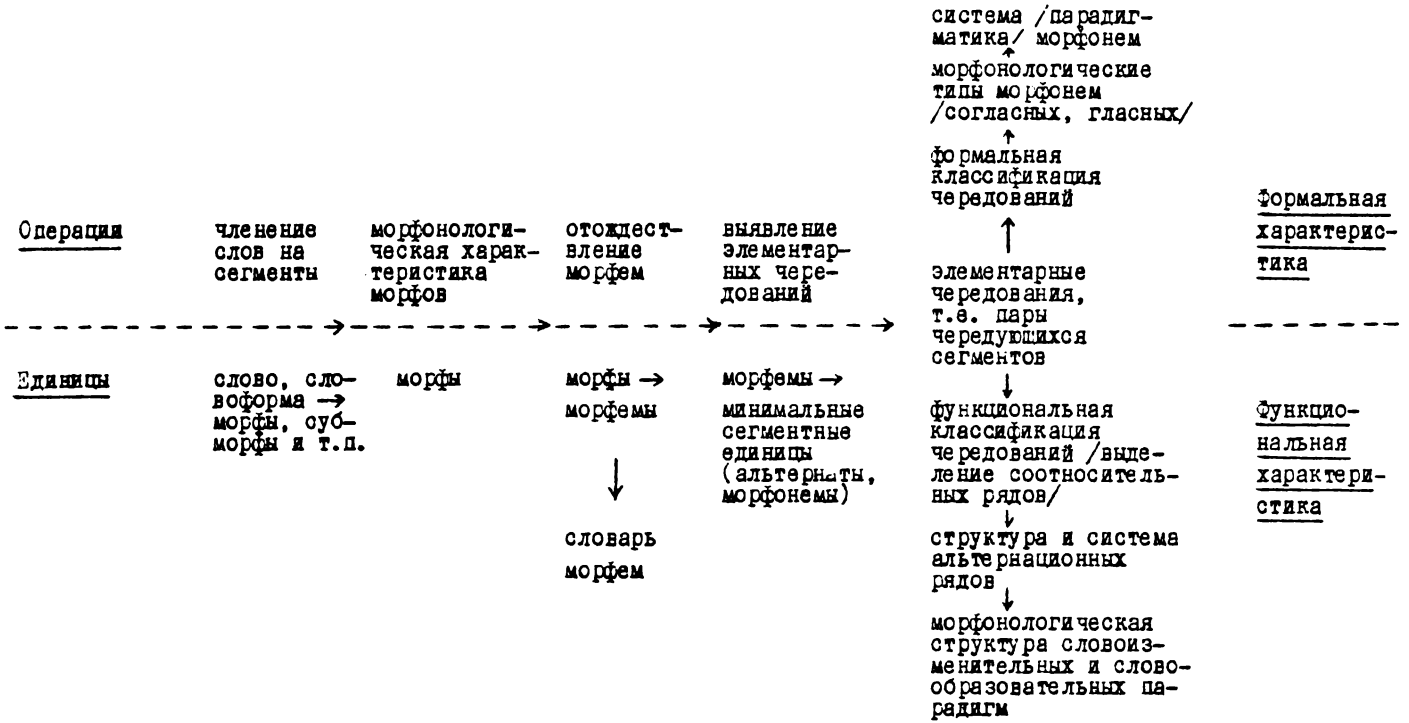
между морфолексемным представлением словоформ и их фонетической репрезентацией) связана с двумя обстоятельствами: I) с хорошо известным фактом звукового варьирования морфем (отсюда недостаточность установления словаря морфем, в котором каждая была бы представлена единственной фонетической конфигурацией), и 2) с наличием определенных закономерностей этого варьирования (делающих излишним представление каждой морфемы в виде совокупности различных "алломорфов")." /3,с.209/.

Взгляд на морфонологию сквозь призму соответствий между фонологическим и "морфолексемным" представлением слов (словоформ) порождает потребность в таком определении ее границ, которое не оставляло бы "зияний" при переходе от одного уровня к другому. Отсюда и проистекает широкое понимание морфонологии, включающее, кроме определенных Трубецким вопросов, и вопросы членимости слова, его морфемной структуры, и правила выбора морфов (при синтезе словоформ или основ) или их распределения (при анализе), т.е. вопросы, которые традиционно относились к морфологии (и словообразованию). Можно, вероятно, сказать, что к морфонологии, понимаемой столь широко, относится исследование организации всего плана выражения словоизменения и словообразования. Ср. "Целью формального аспекта морфологического исследования (который здесь условно называется "морфонологическим") можно считать разграничение всего того, что заслуживает быть разграниченным, - в первую очередь функционально значимых и "незначимых" чередований, а также регулярных и нерегулярных явлений морфемного варьирования, различных типов их обусловленности и т.п." /3, с.207/.

Расширение области морфонологии на весь формальный план морфологии и словообразования делает понятным тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что чем более самостоятельной становится морфонология как особая лингвистическая дисциплина, чем более автономный статус она приобретает, тем более очевидной становится зависимость морфонологии от результатов морфологического и словообразовательного анализа, тем более "морфологический" или "словообразовательный" вид принимают некоторые претендующие на полноту морфонологические описания "аналитического" направления (ср. "Глагольное словоизменение в болгарском языке" Т.В.Поповой, М., 1975 и еще раньше книгу Г.Аронсона "Морфонология болгарского словоизменения" М., 1974 или "Русскую словообразовательную морфемику" Б.В.Лопатина). Напротив, морфонологические работы, ориентированные на "синтез", остаются относительно независимыми от описания двусторонних морфологических и словообразовательных единиц (подробнее об этом ниже).

Итак, структура морфонологии, как она понимается современными исследователями-теоретиками и практиками, значительно сложнее и шире того круга вопросов и явлений, которые включал в морфонологию Н.С.Трубецкой. Приблизительный состав и последовательность звеньев этой структуры можно передать с помощью схемы.

Внутренняя структура морфонологии ("аналитический" вариант)

2. Роль морфонологических средств в языке и статус морфонологии

Специально вопросу о статусе морфонологии посвящена статья А.А.Реформатского /37/. Из трех возможных решений, предусмотренных уже Н.С.Трубецким, а именно - 1) морфонология - часть фонологии слова, 2) морфонология - раздел грамматики и 3) морфонология - связующее звено между морфологией и фонологией - А.А.Реформатский предпочитает последнее. Признавая важность изучения пограничных между фонологией и грамматикой явлений, он отказывает морфонологии в статусе самостоятельного уровня языка на том основании, что она не имеет собственной единицы: "Как "небазисный" уровень морфонология /в тексте ошибочно дано: морфология/ не имеет своей единицы, а опирается, с одной стороны, на "базисный" уровень (точнее: ярус) - фонологию, с другой стороны, на "базисный" уровень (точнее: ярус) - морфологию, оперируя единицами этих уровней (точнее: ярусов) - фонемой и морфемой. Никакой "морфонемы" нет и быть не может". /с.116/. Решительное отрицание А.А.Реформатским морфонемы (по крайней мере морфонемы в смысле Улашина) естественно вытекает из фонологической концепции МФШ, к которой принадлежал А.А.Реформатский. Другие точки зрения на этот вопрос будут разобраны ниже.

Вместе с тем, А.А.Реформатский настойчиво отстаивает автономность морфонологии по отношению к фонологии и морфологии: "морфонология - и не фонология, и не морфология, а "мостик" между ними!" /с.109/. В статье содержится несколько более частных, но существенных для понимания природы морфонологии соображений. Так, указывается на "аллоэмический" характер морфонологии: "Если различать аллоэмию, когда одна единица (в данном случае - морфема) по дивергенции предстает в некотором многообразии алло-элементов, и изоэмию, когда две (или более) единицы по конвергенции выполняют ту же функцию (в данном случае являются показателями тех же флексий или иных аффиксов), то морфонология относится всецело к аллоэмии. Поэтому такие явления, как супплетивизм (типичный случай изоэмии), к морфонологии отношения не имеют". /с.116/. Морфонологические закономерности, по мнению А.А.Реформатского, относятся не к системе языка, а к норме: "Морфонология, поскольку это факты языка, конечно не чужда системы и системности, но из всех языковых фактов - факты морфонологии больше касаются нормы, а не системы; морфонология не глобальна, а "штучна"" /с.118/.

Эта точка зрения, однако, не является общепринятой. Ей противостоит мнение о достаточно высокой регулярности морфонологии и стремление разграничить в пределах морфонологии явления разной степени регулярности. Так, Т.В.Булыгина считает, что "регулярность явлений формального варьирования морфем представляет собой необходимое условие системного описания морфологии" /8,с.213/. "Одна из задач морфонологии, - пишет Т.В.Булыгина, - состоит, по нашему мнению, в том, чтобы

описать явления морфемного варьирования более рациональным (или – если угодно – более экономным) образом, чем просто путем перечисления всех алломорфов каждой морфемы в отдельности, и – опять-таки индивидуальных для каждого алломорфа – указаний относительно условий его употребления... Ясно, что названная задача выполнима постольку, поскольку законы морфемных модификаций относятся не к индивидуальным единицам, а к целым классам единиц, т.е. поскольку речь идет о повторяемости, об одинаковости морфонологического поведения единиц одного класса в однотипных позициях. Обнаружение регулярности такого рода – достаточно сложная задача, если, конечно, не сводить ее к чисто констатирующему составлению списков альтернантов" /с.210/. Далее Т.В.Булыгина замечает, что наряду с действительно нерегулярным, "традиционным" варьированием звукового облика морфемы, как в русск. сосед – соседи, ухо – уши, друг – друзья, существуют явления, регулярность которых приближается к регулярности фонетических правил. Более того, утверждает Т.В.Булыгина, "именно эти регулярные, подчиняющиеся вполне определенным правилам явления, очевидно, и составляют центральный объект морфонологии, обеспечивая ее относительную самостоятельность внутри морфологии. Если бы никаких морфонологических закономерностей не было, морфонология перестала бы существовать в качестве особого раздела лингвистики – как не существует, например, "супплетивология"" /с.213/.

Степень регулярности чередований зависит от характера его обусловленности. От регулярности (обязательности при данных условиях) следует отличать сферу действия чередования, его лексический объем, измеряемый числом морфем (основ), подверженных чередованию. Абсолютно регулярные чередования могут отличаться малой сферой действия из-за ограниченности круга основ, удовлетворяющих условиям чередования, или малой мощности соответствующих аффиксов.

Регулярность морфонологических чередований может быть оценена с помощью нескольких формальных критериев. Первое условие, без которого морфонологическая система вообще не может считаться регулярной (т.е. собственно говоря – системой): морфы одной и той же формальной структуры (напр., морфы с одинаковыми консонантными исходами при общности грамматических характеристик) в одних и тех же морфонологических позициях должны иметь тождественный тип модификации (напр., одну и ту же ступень чередования). Например, все основы с исходом -t' должны иметь один и тот же вид в любом альтернационном ряду. В русском языке это условие соблюдается в абсолютном большинстве случаев. Консонантные чередования в русском языке удовлетворяют и более сильному условию: в любой морфонологической позиции все согласные одного морфонологического класса (напр., все губные или все заднеязычные согласные) должны выступать на одной и той же ступени чередования. И, наконец, систему чередований, в которой все согласные всех классов в одной и той же позиции имеют одну и ту же ступень чередования,

можно признать наиболее строго организованной, или регулярной. Исследователи русской морфонологии имплицитно исходят именно из такой, полностью упорядоченной системы. Действительно, русская морфонологическая система, будучи продуктом некогда регулярных фонетических изменений, отличается высокой степенью регулярности. Но она неоднородна в этом отношении. В ней есть фрагменты более регулярные (именное и глагольное словоизменение) и менее регулярные (многие словообразовательные типы) /см.42, с.104-105/.

Проблеме регулярности морфонологических явлений в сфере словообразования посвящена специальная статья Т.В.Булыгиной /1/, в которой автор возражает против распространенного представления, идущего от младограмматиков, о том, что регулярность - свойство лишь фонологических явлений. "Хотя попытки экспликации понятия регулярности довольно разнообразны, оценка степени регулярности/нерегулярности тех или иных явлений обычно совпадает у разных исследователей (и, очевидно, отражает соответствующие представления говорящих). Наиболее существенным компонентом содержания "регулярности" является представление о повторяемости определенных явлений, об общем характере соответствующих правил, не подчинящихся идиосинкратическим словарным ограничениям, т.е. относящихся не к индивидуальным единицам, а к целым классам единиц" /с.443/. В качестве критерия регулярности чередований в словообразовании Т.В.Булыгина предлагает использовать признак "соотносительности" чередований, т.е. пропорциональности изменений, испытываемых разными классами согласных. Так, например, различный характер соотносительности заставляет видеть в формально тождественных примерах смягчения согласных три разных функциональных типа смягчения: 1) замена заднеязычных шипящими, соотносительная с заменой остальных согласных соответствующими мягкими, 2) смягчение всех морфонологически твердых согласных и 3) чисто фонологическое смягчение задненебных, соотносительное с "нулевым чередованием" для остальных согласных (ср. аналогичный подход в: 42).

Вопрос о формальном статусе морфонологии (раздел фонологии, раздел грамматики, самостоятельный уровень, промежуточный уровень и т.п.) в последнее время явно утратил свою остроту, что связано, по всей вероятности, с общим усилением грамматического или вообще функционального подхода, который явно преобладает и в исследованиях по морфонологии, причем некоторые условно говоря "фонологические" аспекты морфонологии, интересовавшие Трубецкого, почти не разрабатываются в последние годы (в частности, отошла на второй план и теория чередований в смысле Трубецкого).

"Место морфонологических данных в общем описании языка еще недостаточно ясно, - указывает Е.С.Кубрякова, - Не вызывает, однако, сомнения, что сведения морфонологического характера играют гораздо бо́льшую роль, чем им до сих пор отводилось. Это стало особенно очевидным с развитием теории порождающих грамматик, выдвинувшей задачу

8288

ориентировать морфологическое описание не на готовые словоформы, а на процесс их построения в языке". /14/.

Т.В.Булыгина справедливо предостерегает против отождествления морфонологической концепции исследователей и принятой в рамках той или иной традиции терминологии: "Мнение о необходимости включения морфонологических явлений в компетенцию грамматики придерживаются многие лингвисты... независимо от того, как они называют соответствующий раздел лингвистики: морфонология, морфология, как Мартине, "системная фонология" или просто фонология, как трансформационалисты" /3, с.206/.

Интересный и до сих пор теоретически не обсуждавшийся аспект морфонологии отметил В.Б.Смиренский /39/. По мнению автора, одна из важнейших функций морфонологических средств в словоизменении (кроме выражения грамматических значений) состоит в том, что они "классифицируют парадигмы, маркируя определенные словоизменительные типы". Существуют, благодаря полиморфемности (или синонимии) флексий, различным типам чередований и акцентных кривых, различные образцы склонения и спряжения, по принадлежности к которым вся именная и глагольная лексика распределяется по нескольким классам (или типам склонения, типам спряжения, типам "основ" и т.п.), представляющим собой не что иное как морфонологические классы. "Слова с одинаковыми морфонологическими условиями образования парадигмы, характеризуются наличием единого морфонологического класса основ" /с. 169/. То же самое в полной мере (но с меньшей регулярностью) характерно и для словообразования: "Если в словоизменении морфонологические средства разнообразят и классифицируют образцы парадигм, то в словообразовании они играют аналогичную роль в оформлении словообразовательных моделей внутри одного и того же словообразовательного типа, отличающегося, как известно, единым (но допускающим в свою очередь алломорфное варьирование) формантом с единым общим значением" /39, с. 172/.

В.Б.Смиренский обосновывает также понятие продуктивности и непродуктивности применительно к морфонологическим закономерностям и правилам, считая сосуществование в синхронии языка продуктивных и непродуктивных закономерностей одной из важных особенностей морфонологического уровня. Ср. практические описания, лежащие в русле такого подхода и стремящиеся выделить и классифицировать морфонологические типы парадигм и определить круг "основ", принадлежащих каждому типу: Толстая С.М. Морфонологические типы субстантивных парадигм в польском языке. В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976; она же. Морфонологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке. В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.

3. Морфонология и фонология

Несомненно, что существует прямая связь между названными двумя областями в обоих возможных пониманиях, т.е. между морфонологическими и фонологическими фактами языка (единицами, правилами и т.д.), с одной стороны, и между соответствующими дисциплинами, с другой.

В первом случае, т.е. когда речь идет о фактах языка (а не метаязыка), вопрос сводится к установлению границы между областью фонологических явлений и областью морфонологических явлений. Не раз уже указывалось на то, что эта граница, естественно, проводится в зависимости от принимаемой исследователем концепции фонемы. Так, в частности, эта граница будет по-разному проходить у представителей МФШ и представителей ЛФШ, так как фонема московского толка явно переходит границы фонологии других версий и вторгается в зону морфонологии. На это обстоятельство еще раз указывает З.Оливериус: "Закономерным последствием разных подходов к определению фонемы, разных приемов идентификации звуковых сегментов как аллофонов определенной фонемы и т.д. является также значительное колебание в инвентаре фонемных альтернаций. Так, например, если смотреть с точки зрения фонологических школ одного типа, то в словах сад – са́да, сло́во – слова́ мы найдем чередование, а в словах книга – книге, дух – духе никакого чередования не обнаружим; но если придерживаться взглядов других фонологов, то дело обстоит совсем наоборот" /27, с. 56/.

Для определения указанной границы решающим является вопрос о так называемых автоматических (т.е. фонологически обусловленных) чередованиях. Одни исследователи, прежде всего сторонники МФШ, безоговорочно исключают эти чередования из морфонологии, относя их в ведение фонологии, другие – безоговорочно включают их в морфонологию. Ср. "...то, что для морфологии существенны не только так называемые грамматические, или морфологические, чередования (типа англ. goose ~ geese, evident ~ evidence), принадлежность которых к морфологии, кажется, никто не оспаривает, но и так называемые автоматические чередования (типа русск. нога ~ но [к], ра[п] ~ раба или стена ~ сте[н'] е), сомнению, по-видимому, не подлежит" /3, с. 205/.

Такая точка зрения, не являющаяся тривиальной, встречается и в работах других авторов, стремящихся к строгому разграничению фонологической и грамматической обусловленности звуковых изменений. Так, В.Г.Чурганова предлагает считать морфонологическим (т.е. не фонетическим) закон оглушения звонких согласных в конце слова, традиционно трактуемый как фонологический, так как "оглушение согласных на конце слова не связано с какими- либо фонологическими позициями, а соотносится непосредственно с концом слова, т.е. морфологической границей" /47, с.31-32/.

Т.В.Булыгина, которая считает такое решение неудовлетворительным,

соглашается, однако, что оно закономерно вытекает из критерия "необходимости морфологической информации", применяемого при квалификации чередований как фонологически или морфологически обусловленных /3, с. 220/.

Совсем иначе следует понимать объединение автоматических и неавтоматических чередований в работах генеративного направления, для которого характерно стремление охватить фонологической терминологией (и, в частности, "признаковой" записью) любые преобразования исходных репрезентаций по направлению к поверхностному, фонетическому представлению.

Резкое разграничение "обусловленных" (т.е. фонологических) и "необусловленных" (т.е.морфонологических) чередований, характерное, например, для А.Мартине, проводят исследователи русского и других славянских языков, ориентирующиеся на концепцию МФШ: "Необходимой предпосылкой морфонологического описания представляется нам строгое отграничение морфонологических явлений от фонолого-фонетических как явлений другого языкового уровня. С нашей точки зрения, нельзя считать позиционные видоизменения одной и той же фонемы объектом морфонологического анализа" /22, с.124/.

Однако непримиримость столь полярно сформулированных точек зрения, по нашему мнению, в значительной мере кажущаяся. Так называемые автоматические чередования, будучи рассмотрены по отношению к морфеме, ее звуковому составу, должны принадлежать морфонологии, а лежащие в их основе закономерности фонологической системы, формулируемые в терминах синтагматических ограничений, сильных и слабых фонем и т.п., останутся в ведении фонологии. В таком раздвоении объекта нет ничего удивительного, как неудивительно то, что слово является объектом и морфологии, и словообразования, и синтаксиса.

Наконец, не всегда удается однозначно определить то или иное чередование как фонологическое или морфонологическое. Так, например, в чередовании твердых и мягких согласных в исходе глагольной основы перед суффиксами -ну, -ник, -чик, -щик, -ств(о), -ск- и т.п. В.В.Лопатин видит чисто фонологическое чередование сильных и слабых фонем ("во всех этих позициях фонетически возможна только парно-твердая или парно-мягкая согласная") и на этом основании исключает его из морфонологического описания /22, с.125-126/. Между тем привлечение соотносительных чередований, имеющих место в тех же позициях, и, в частности, чередований шипящих с заднеязычными, приводит к выводу, что, например, позиция перед -ну не может быть исключена из числа морфонологически значимых позиций, поскольку в ней представлено регулярное чередование типа кричать - крикнуть, дрожать - дрогнуть, которое никак не может быть объяснено фонологически. Таким образом, квалификация данной позиции как морфонологической (вызывающей нейтрализацию морфонологической палатальности) позволяет единообразно объяснить большее количество фактов (и чередования переднеязычных,

и чередования шипящих), тогда как фонологическая интерпретация действительна лишь для переднеязычных (и губных, которые здесь не рассматривались), а для шипящих требует особого правила. Это еще один пример того, что одни и те же факты (чередования переднеязычных) могут иметь и фонологическую, и морфонологическую интерпретацию, поэтому нет оснований исключать их из морфонологического описания - они должны быть учтены в их морфонологическом статусе и объяснении, при том что фонологическая их трактовка остается бесспорной и актуальной в другом контексте.

Кажется совершенно очевидным, что морфонология представляет собой некоторую "надстройку" над фонологией и если не следующий, верхний по отношению к ней уровень, то во всяком случае "прослойку" ("мостик", по А.А.Реформатскому) между фонологией и морфологией, откуда следует, что единицы морфонологии должны составлять по отношению к фонологическим единицам следующую, более высокую ступень абстракции. Между тем в нескольких работах рассматриваемого периода появились замечания о возможности морфонологической интерпретации (соответственно о морфонологическом статусе) единиц, не достигающих статуса фонем. Так, Т.В.Булыгина /3/ обращает внимание на целесообразность трактовать аллофоны ы и и, которые в рамках МФШ относятся к одной фонеме, как две самостоятельные морфонемы, причем такая трактовка позволяет единообразно и экономно описать несколько различных явлений: поведение конечных согласных субстантивной основы перед флексией ы/и род. падежа ед. числа и им. пад. мн. числа; суффиксами -иха(а), -ин(а), -иц(а), -ищ(е), -ин(ый), -инк(а) -ив, -им и др. Аналогично этому в интересах более строгого и экономного описания консонантных чередований в русском языке мягкие аллофоны заднеязычных (к', г',х'), не имеющие, согласно принятой фонологической интерпретации, фонемного статуса, следовало бы трактовать как самостоятельные морфонологические единицы (ступени так называемого непереходного смягчения), ибо "они выступают в некоторых альтернационных рядах параллельно с другими, полноценными морфонемами, ср. веду - веди, несу - неси = пеку - пеки, берегу - береги или мама - мамин, папа - папин = тетка - теткин, Ольга - Ольгин и т.п." /42, 102/. В противном случае в подобных примерах пришлось бы признать отсутствие чередований в заднеязычной серии и трактовать к' г'х' вместе с к г х как единицы нулевой ступени чередования. Можно возразить, что в данном случае речь идет не столько о фактах языка, сколько о способе их интерпретации, и что предлагаемый способ условен. Однако, как справедливо замечает Т.В.Булыгина, он условен "не в большей степени, чем отождествление [и] и [ы] на (автономно-)фонологическом уровне репрезентации" /13, с. 226/.

Принято считать, что морфонологические закономерности действуют в тех сферах языка, которые не охватываются фонетическими (фонологическими) законами, т.е. что морфонология и теоретически и практически

начинается после того, как кончится (будет полностью описана) фонология, и строится на базе фонологии или даже в известной мере в отталкивании от нее. Так, для отграничения морфонологических модификаций морфем от фонологических мы постоянно сверяем их с законами позиционного фонологического варьирования, с инвентарем допустимых в языке сочетаний звуков, с правилами дистрибуции фонем и т.п. Это, однако, касается прежде всего метода описания и не отрицает наличия таких фактов, которые могут быть объектом как фонологии, так и морфонологии. По всей вероятности, чем больше будет выявлено и проанализировано пограничных между фонологией и морфонологией явлений, допускающих альтернативную трактовку, тем более разрешимой окажется задача строгого разграничения этих двух областей.

Если в отношении самого объекта изучения морфонология и фонология не всегда четко и однозначно разграничены, то и в отношении методов и метаязыка зависимость морфонологии от фонологии оказывается очень сильной. Особенно сильно влияние фонологических понятий и фонологической терминологии в теории морфонологических чередований. Так, в ней используются понятия морфонологической позиции (впрочем, "позиция" фигурирует и в грамматике, и в словообразовании), разграничиваются сильные и слабые позиции по аналогии с сильной и слабой позицией фонем, вводится понятие нейтрализации, морфонемного ряда (по аналогии с фонемным рядом), гиперморфонемы (по аналогии с гиперфонемой), используется фонологический термин "палатализация" (или смягчение) и др. Наконец, само понятие морфонемы, как бы оно ни определялось, обнаруживает прямую зависимость от определения фонологических единиц, причем, как будет показано ниже, в большинстве случаев разные понимания морфонологических единиц и отношений между ними являются прямым продолжением различных фонологических позиций исследователей.

Однако, как верно отметил В.Б.Смиренский /40/, понятиями фонологического толка, такими, как позиция, позиционное варьирование, нейтрализация, могут быть охвачены не все закономерности морфонологического уровня, а лишь те, которые носят характер регрессивных правил сочетаемости морфем. За их пределами остаются в морфонологии правила в ы б о р а , зависящие от характера предшествующих морфем и не имеющие прямой аналогии в фонологических закономерностях.

4. Морфонология и грамматика (словообразование)

Вопрос об отношении морфонологии к грамматике связан не только с альтернативой "фонология или грамматика?" (уже не раз отмечалось, что после Трубецкого морфонология развивалась в сторону большей грамматичности), но и с трактовкой самого характера этого отношения, с определением степени зависимости морфонологии от грамматики. В общем, теоретическом смысле решение этого вопроса предопределяет понимание морфонологии либо как самостоятельного уровня языка, либо как буфер-

ного механизма, регулирующего фонологическое оформление морфологического (морфемного) представления языка и устраняющего неоднозначности и неувязки на стыках морфем. Однако это отнюдь не только абстрактно-теоретическая проблема – от нее зависит конкретное понимание морфонологических явлений и способ их описания. По крайней мере три кардинальных для морфонологии проблемы могут иметь альтернативные в указанном смысле истолкования: I) морфемное *членение* может пониматься либо как формальная процедура, независимая от "смыслового" членения текста, либо как процедура, зависящая от установления отношений морфологической или словообразовательной производности (корреляции) между выделяемыми единицами; 2) соответственно этому морфонологические *единицы* могут пониматься либо как "двусторонние" (удовлетворяющие и формальному и семантическому критерию) либо как односторонние (удовлетворяющие только формальному критерию) в семиотическом смысле; 3) и, наконец, *чередования* как один из главных объектов морфонологии могут выделяться и анализироваться либо в пределах грамматических или словообразовательных корреляций, либо в определенном смысле независимо от них. В теоретических и практических работах по морфонологии 1974-1977 гг. отчетливо прослеживаются две противоположно направленные линии, соответствующие двум указанным пониманиям зависимости морфонологических явлений от грамматических (словоизменительных и словообразовательных) отношений.

Нужно сказать, что первая линия (условно – "двусторонняя"), признающая примат грамматики в большей степени связана с русской грамматической традицией. Однако уже в рамках этой традиции было обращено внимание на ряд фактов, не поддающихся "двусторонней" интерпретации, что, естественно, привело к принципиальному разделению так называемого морфемного и словообразовательного анализа. На это указывает в своей диссертации А.К.Поливанова: "Необходимость рассмотрения такой особой (т.е. в известном смысле независимой от собственно морфологической) сегментации признается всеми специалистами по словообразованию. В работах Е.А.Земской, В.В.Лопатина и др. [см., в частности, 9, 19], обсуждается статус соответствующих единиц (интерфиксы, унификсы) и намечаются принципы такой сегментации. Следует, однако, иметь в виду, что во всех этих работах обсуждение интересующего нас вопроса подчинено нуждам словообразовательного анализа и, соответственно, ограничивается рассмотрением сравнительно узкого класса случаев, являющих несоответствие членимости формальной и семантической" /35, с.7/.

Хотя, по мнению В.В.Лопатина, "констатация принципиального различия двух видов анализа слова – морфемного (или "морфологического") и словообразовательного анализа – стала в отечественной лингвистике последних двух десятилетий общим местом работ по словообразованию и морфемике" /22, с. 25/, это не значит, что все исследователи одинаково понимают соотношение этих двух видов анализа и одинаково использу-

от их в конкретных описаниях. Очень схематично можно наметить три разных позиции: 1) отношение к обоим видам анализа как к независимым, параллельным, имеющим разные применения и разные задачи, 2) признание словообразовательного (грамматического) анализа зависимым от морфемного, 3) признание морфемного анализа зависимым от словообразовательного (грамматического). Для исследований рассматриваемого периода характерно противопоставление последних двух позиций.

В.В.Лопатин, первоначально придерживавшийся мнения, что "словообразовательный анализ занимается упорядочением фактов, полученных в результате морфемного анализа" /22, с. 25-26/, в книге "Русская словообразовательная морфемика" обосновывает противоположную точку зрения: "морфемный анализ вторичен по отношению к анализу словообразовательному" /с. 29/. И далее специально о морфонологии: "Несомненно, что и морфонология (в том числе словообразовательная) во всем объеме задач этого уровня изучения языка невозможна без прочного фундамента в виде уже выделенного инвентаря морфов с установленной семантикой каждого из них" /с. 31/.

П р и м е ч а н и е . Понимание данных вопросов в изложении разных авторов затруднено использованием ими неоднозначной и подчас противоречивой терминологии. Так, нередко морфологический в противопоставлении словообразовательному означает 'формальный', тогда как в противопоставлении морфонологическому - означает, наоборот, 'содержательный' (точнее - 'формально-семантический'), а морфонологический в таком случае понимается как 'формальный'. Оба значения термина морфологический встречаются, например, в работах А.К.Поливановой (см. 35, с. 7, сноска 12, где морфологическая сегментация противопоставляется формальной, и 33, с. 148, сноска 15, где морфологический означает 'формальный', т.е. "относящийся к плану выражения и только к плану выражения", последнее значение, правда, специально оговорено). Такое словоупотребление, практически неудобное, имеет, однако, объективную основу в том, что при необходимости противопоставить формальное членение или формальные единицы (как результат формального членения) "двустороннему" (т.е. формально-содержательному) членению и двусторонним единицам морфология (точнее - морфемика или морфемный уровень) действительно оказывается в известном смысле "формой" по отношению, например, к словообразованию и "содержанием" по отношению к морфонологии (тогда "морфология" включает и словообразование). Говоря о разграничении словообразовательного и морфемного анализа, следует иметь в виду, что никто из сторонников этого разграничения или даже сторонников автономности этих подходов не понимает морфемный анализ в чисто дистрибутивно-формальном смысле вне какой бы то ни было ориентации на смысловые отношения. По существу в обоих случаях речь идет об анализе или о подходе формально-семантическом, т.е. "двустороннем", а различие между "формальным" и "неформальным" направлением сводится к тому, следует ли при морфемном анализе каждого отдельного слова

выделять только те морфы, которые подтверждаются словообразовательными связями д а н н о г о с л о в а , или же членить слово на предельные значимые единицы, выделяемые путем словообразовательного анализа не обязательно данного слова, но и других подобных слов. Аналогичная проблема и аналогичная альтернатива имеет место в фонологии - в частности, при идентификации фонем по различительным признакам (релевантен ли признак "звонкость/глухость" для русской фонемы /х/, если он для других согласных непосредственно релевантен, т.е. смыслоразличителен). Речь идет, таким образом, об общем принципе различения между релевантностью относительно индивидуальных единиц и релевантностью относительно системы в целом.

Исходя из непосредственных словообразовательных связей слов типа огурец или буженина, т.е. в рамках словообразовательного анализа, невозможно обосновать их членимость, но исходя из словообразовательной системы в целом, включающей большую серию слов, для которых суффиксы -ец и -ина выделяются "непосредственно", т.е. именно на основании сопоставления мотивирующего и мотивируемого слова, системная схема членимости может быть наложена, экстраполирована на непосредственно не членимые единицы (в пределах допустимых семантических расхождений).

Отказ от критерия непосредственной словообразовательной членимости в пользу критерия групповой, или системной (морфемной) членимости влечет за собой вполне определенные, легко предсказуемые и вытекающие из этого принципа отличия результатов морфемной сегментации от словообразовательной. Они касаются 1) числа членимых слов, которых при морфемном анализе больше, чем при словообразовательном; 2) числа слов, включающих в свой состав ту или иную морфему - при морфемном анализе таких слов больше за счет слов со словообразовательно не подтвержденным членением, а сами морфемы тем самым оказываются лексически более "мощными"; 3) состава и структуры морфем - при морфемном анализе, например, меньше аффиксов за счет сведения исторически сложных аффиксов к составляющим их простым. З.Оливерус показывает, что, например, из четырех русских суффиксов -н-, -ик, -ник, -еник, выделяемых словообразовательным анализом, на уровне морфемного анализа остаются лишь два: -н- и -ик, причем правила сочетаемости существенно упростятся и будут охватывать несравнимо большее число случаев. Его вывод: морфемный анализ "резко сокращает количество элементов и упрощает правила сочетаемости, но - с другой стороны - страдает чрезмерной абстрактностью семантических характеристик данных элементов" /27, с. 27/.

До тех пор, пока проблема членимости языковых единиц (слов, основ) обсуждалась и решалась в рамках собственно морфологии (включая словообразование), в качестве критериев членимости выступали критерии дистрибутивного порядка - критерии формальной и семантической повторяемости их составных частей в других словах или, что то же

самое, встречаемости в других контекстах. Применительно к этому пониманию членимости Е.С.Кубряковой были определены степени членимости: безусловная (живая), условная, дефектная членимость, нечленимость /14, с. 40/.

Под схему Кубряковой могут быть в принципе подведены все известные в русской грамматической литературе подходы к проблеме членимости, за исключением того подхода, который предлагается в работах В.Г.Чургановой и А.К.Поливановой и который связан с введением нового – морфонологического – уровня членимости и новых – морфонологических – критериев членимости. Морфонологический анализ позволяет выделить в составе слова, помимо единиц словообразовательной и морфемной структуры и соответствующих границ, еще и единицы, "отдельность", вычленимость которых подтверждается их морфонологическим поведением, т.е. в первую очередь их усекаемостью, подверженностью определенным стандартным чередованиям, влиянием на выбор и морфонологический вид окружения и т.п.

В работах А.К.Поливановой морфемный анализ распространяется и на словообразовательно и даже "морфемно" непроизводные основы. Он называется морфонологическим и противопоставляется словообразовательному как более экономный, сокращающий число исходных единиц, упрощающий аппарат описания и позволяющий в ряде случаев "представить языковые факты в более наглядном виде, не искаженном стремлением установить обязательный параллелизм в организации плана выражения и плана содержания" /35, с. 5-6/.

Хотя морфонологический анализ в смысле Поливановой тоже в определенной степени ориентируется на двустороннюю (словообразовательную членимость (ср. "При любом из рассматриваемых подходов в качестве основной гипотезы принимается допущение о наличии двусторонней или двойной членимости по крайней мере для некоторой зоны словаря" – 33, с. 143), результаты этого анализа сильно отличаются от результатов морфемного анализа в работах В.В.Лопатина или З.Оливериуса в сторону еще большей формальности и независимости от словообразования: членимыми признаются не только аорист, акафист (по аналогии с идеалист, турист), цадик, таджик (по образцу химик, логик), но и гиг-и--сна, кенг-уру, дех-ур-(ный) и т.д.

Независимость морфонологической структуры от членимости с точки зрения плана содержания постулируется и в книге В.Г.Чургановой /с.11/, что с необходимостью приводит к выделению особой единицы, не соотнесенной непосредственно с планом содержания – субморфа (у Поливановой такая единица называется форматив – об этом см. ниже). Значимость такого членения и таких единиц с точки зрения не исторической, а современной системы и современных системных отношений подтверждается их подобием полноценным (двусторонним) морфемам – в правилах распределения, сочетаемости, усечения, чередования и т.д., т.е. тем, что ""реликты" прежней морфологической организации слова выступают как совершенно живые позиции современной организации слова" /47, с. 12/.

Таким образом, в свете новых морфонологических разысканий, углубивших понятие членимости, к словообразовательной и морфемной членимости добавляется м о р ф о н о л о г и ч е с к а я ч л е н и м о с т ь слова, и соответственно структура слова предстает в более сложном, трехуровневом виде: I) с л о в о о б р а з о в а т е л ь н а я структура (или при учете словоизменения - вообще морфологическая), удовлетворяющая критерию "непосредственной" (в указанном выше смысле) словообразовательной членимости на основе отношений производности, представленная в виде дерева или скобочной записи, отражающей ее иерархический характер; 2) м о р ф е м н а я структура, удовлетворяющая критерию "системного" членения (или дефектного членения, по Кубряковой) и представленная в виде линейной последовательности морфем; 3) м о р ф о н о л о г и ч е с к а я структура слова, удовлетворяющая критерию морфонологического членения. По отношению к этому последнему типу структуры в работах А.К.Поливановой допускается ее нелинейность, т.е. возможность полного или частичного вхождения одних выделенных отрезков в другие, и принципиальная неединственность (множественность) морфонологического членения и соответствующая ей множественность морфонологической структуры /35, с. 7-9/.

5. Морфонология словоизменения и морфонология словообразования

Разграничение морфонологии словоизменения (inflectional morphophonology) и морфонологии словообразования (derivational morphophonology) имеет не только практическое значение. Э.Станкевич в одной из своих ранних работ показал, что эти две области связаны определенной взаимозависимостью, выявляемой на фоне специфических для каждой из них инвентарей морфонологических средств и морфонологических механизмов. (см. Stankiewicz E. Interdependence of inflectional and derivational patterns.-"Word", v. I8, I962, p. I-22). Дальнейшая разработка вопроса о взаимоотношениях подсистем словоизменения и словообразования на уровне морфонологии связана прежде всего с именем Д.Ворта (см. Worth D.S. The notion of "stem" in Russian flexion and derivation. In: To Honor Roman Jakobson. The Hague, I967; Idem. "Surface structure" and "deep structure" in slavic morphology. In: American contributions to the VI International Congress of Slavists, I, The Hague, I968). Его позиция по этому вопросу наиболее четко изложена в статье I975 г., /4, с. 53-68/. Параллелизм (а не полный изоморфизм) между этими подсистемами обосновывается и подтверждается в этой работе возможностью и необходимостью единого подхода и общих приемов описания словоизменительной и словообразовательной морфонологии: "словоизменительная парадигма состоит из совокупности всех отдельных словоформ, а словообразовательная - из совокупности всех флективных основ. Если можно предсказать правильную форму отдельной словоформы, исходя из точного

описания флективной основы и набора морфонологических (флективных) правил, то кажется разумным предполагать, что можно предсказать правильную форму производной основы, исходя из точного описания производящей основы и набора морфонологических (деривационных) правил" /с. 57-58/.

В статье Д.Ворта не ставится вопрос о границах между словоизменением и словообразованием, и это вполне объяснимо однозначным в целом употреблением соответствующих терминов flexion и derivation в англоязычной лингвистической традиции. Однако в русской традиции, как известно, по этому поводу существуют разные мнения, которым соответствуют и терминологические расхождения между разными авторами. Кроме терминов словоизменение и словообразование, в грамматических работах употребляются также термины формообразование, основообразование, морфология основ, парадигматика, флексия, деривация, словопроизводство, большинство из которых неоднозначны и имеют разный объем у разных исследователей. Если проанализировать употребление этих терминов, то окажется, что они стремятся так или иначе определить в пределах всей области морфологии границы между следующими четырьмя сущностями: 1) областью корреляции словоформ одного слова, противопоставленных в рамках минимальной парадигмы с помощью флексии (напр., стол, стола, столу...); 2) областью корреляции разных флективных основ одного слова, репрезентирующих минимальные парадигмы в рамках полной парадигмы данного слова и противопоставленных с помощью (словоизменительных, основообразующих) суффиксов (напр., читаj-, читал-, читающ-); 3) областью корреляции разных слов, связанных отношением производности в пределах одной части речи (напр., стол - столик, прочитал - прочитывал, краткий - сверхкраткий); 4) областью корреляции разных слов, связанных отношением формальной и семантической производности (в рамках словообразовательной парадигмы), напр., читать - читатель, белый - беляк.

Однако членение производится по-разному в зависимости от того, какому признаку деления отдается предпочтение. Для различения четырех названных областей достаточно трех (двух основных и одного дополнительного) признака (критерия): а) принадлежность коррелирующих форм к одному слову (1,2) или разным словам (3,4), выраженность противопоставления с помощью флексии (1) или других аффиксов (2,3,4), в) в случае, когда коррелирующие формы относятся к разным словам (т.е. для 3 и 4) - принадлежность коррелирующих слов к одной (3) или разным (4) частям речи.

В употреблении терминов словоизменение и словообразование, как кажется, чаще всего актуализируется признак (а), т.е. они противопоставляются как "область соотносительных форм одного слова" и "область соотносительности разных слов". Разумеется, использование критерия "единства" слова делает границу между ними весьма условной

(например, могут быть и есть споры о квалификации видовых глагольных пар и др.).

Термин формообразование имеет сложную историю и по-разному в трудах разных исследователей соотносится с терминами словоизменение и словообразование. Схематически это можно изобразить в следующей таблице, где цифры 1,2,3,4 употреблены в том же значении, что и выше):

<table>
<tr><th>Обозначаемые сущности / Авторы</th><th>1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th></tr>
<tr><td>Фортунатов</td><td colspan="2">словоизменение</td><td colspan="2">словообразование</td></tr>
<tr><td>Щерба и Виноградов</td><td colspan="3">формообразование</td><td>словообразование</td></tr>
<tr><td>Кубрякова</td><td>словоизменение</td><td>формообразование</td><td colspan="2">словообразование</td></tr>
<tr><td>Ахманова</td><td colspan="2">словоизменение
формообразование</td><td colspan="2">словообразование</td></tr>
<tr><td>Хэмп</td><td colspan="2">флексия (словоизменение)</td><td colspan="2">деривация (словообразование)</td></tr>
<tr><td>Марузо</td><td colspan="2">флексия, словообразование</td><td colspan="2">деривация, словообразование, словопроизводство</td></tr>
<tr><td>Вахек</td><td colspan="2">флексия</td><td colspan="2">словообразование</td></tr>
<tr><td>Трубецкой</td><td colspan="2">paradigmatische Formbildung = Flexion</td><td colspan="2">derivative Formbildung = Stammbildung</td></tr>
<tr><td>Станкевич</td><td colspan="2">inflection = paradigm formation</td><td colspan="2">derivation = stem formation gradation</td></tr>
</table>

Примечания:

Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. – В кн.: Избранные труды т. I, М., 1956. с. 155.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. – В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958, с. 18–20.

Виноградов В.В. О формах слова. – Известия АН СССР, ОЛЯ, 1944, т.3, № I, с. 34–36.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974, гл. У.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.

Troubetzkoy N. Das morphophonologische System der Russischen Sprache - TCLP, 5_2, Prague, 1934.
Stankiewicz E. Declension and gradation of Russian substantives. The Hague. Paris. 1968.

В таблице не учтена позиция А.В.Бондарко (ВЯ, 1974, 2), рассматривающего формообразование и словообразование как взаимопересекающиеся области, покрывающие все случаи морфологической корреляции, но членящие ее на иных основаниях, чем упомянутые авторы: "Формообразование есть образование форм (любых форм в рамках данной части речи). Формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями. Зоны формообразования и словообразования пересекаются, образуя общий сегмент, в котором представлено как то, так и другое явление (без смешения); за пределами же общего сегмента перед нами либо формообразование без словообразования, иначе говоря формообразование в рамках одного слова, т.е. словоизменение, либо словообразование без формообразования, когда образование новых слов не связано с образованием новых форм (ср. случаи типа дед - прадед, лужа - лужица, моральный - аморальный; аналогичны и случаи типа стол - столик, так как никаких изменений с точки зрения форм рода, числа и падежа здесь не наблюдается). Совмещение формообразования и словообразования представлено, например, в таких случаях, как лететь - влететь, долететь, залететь и т.д. В результате префиксации образуются новые слова и вместе с тем осуществляется видообразование" (с. 4-5).

Неоднозначность терминологии, показанная в таблице, объясняется тем, что членение всей области морфологии на основании двух главных признаков (принадлежность коррелирующих форм к одному слову или разным словам и механизм самого акта производства - его флективность или деривативность) дает разные результаты:

флективность	одно слово
деривативность	разные слова

В концепции Кубряковой двучленное противопоставление естественно преобразуется в трехчленное с выделением общего участка наложения в самостоятельный член оппозиции:

флективность	одно слово	I словоизменение
деривативность		II формообразование
	разные слова	III словообразование

Можно указать еще ряд связанных друг с другом морфологических признаков, приводящих к членению первого типа (I – II,III) или второго типа (I,II – III). Среди них рассмотренный Е.С.Кубряковой признак "основы": неизменяемость основы и изменяемость основы (I – II,III); грамматический или неграмматический характер морфемы, противопоставляющий коррелирующие формы (I,II – III). И, наконец, можно указать на такой признак, как характер парадигмы, на основании которого идентифицируются все три выделенных Кубряковой раздела: минимальная парадигма словоформ одного слова (I), парадигма основ одного слова (или система минимальных парадигм) одного слова (II), словообразовательная "парадигма" разных слов (III).

Из сказанного ясна логика появления и содержание термина основообразование (в словаре Ахмановой отсутствует, хотя у Трубецкого есть Stammbildung). Признак "тождество – различие основ" дает противопоставление I – II,III, откуда следует, что основообразованием может быть названо как формообразование (в смысле Кубряковой), так и словообразование, или и то и другое вместе. Примерно в таком широком смысле используется этот термин в работах В.Г.Чургановой и А.К.Поливановой. В книге В.Г.Чургановой описываются "морфонологические закономерности именного суффиксального основообразования" (что равнозначно суффиксальному словообразованию) и "закономерности глагольного основообразования", касающиеся как формообразования (в смысле Кубряковой), так и словообразования. Впрочем, здесь описывается не только механизм образования разных глагольных основ, но и механизм образования флективных словоформ. К сожалению, употребление этого термина не определено по отношению к понятиям словообразования, словоизменения, словоформы и др. В диссертации А.К.Поливановой этот термин употребляется в значении "словообразование" и противопоставляется словоизменению. Вероятно, сходный смысл имеет предложенный Н.Д.Арутюновой термин морфология основ. Из оставшихся нерассмотренными терминов парадигматика употребляется обычно в качестве синонима словоизменения (флексии) а словопроизводство либо дублирует термин словообразование, либо имеет более узкий смысл с исключением из словообразования области словосложения.

Как кажется, практически наиболее удобным было бы пользоваться рассмотренными терминами так, как это предложено в словаре Ахмановой, т.е. противопоставляя словоизменение как систему грамматических форм о д н о г о с л о в а словообразованию как системе р а з н ы х с л о в , связанных отношением производности. Такое употребление, практически необходимое, имело бы еще то преимущество, что соотносилось бы с другими лингвистическими традициями (см. таблицу). Затем внутри словоизменения следовало бы выделить формообразование как область корреляции р а з н ы х основ одного слова. Однако при этом остается необозначенным тот остаток словоизменения, который соответствует корреляции словоформ одной флективной основы.

6. Морфонология и морфемика.

Начиная с "Грамматики" 1970 г. в русистике утвердился термин морфемика, известный по англоязычной лингвистической традиции. Однако содержание этого термина отнюдь не является новым для нашей лингвистики и в целом покрывается традиционной областью проблематики морфемного членения и морфемной структуры слова и той частью морфонологии, которая касается морфемного варьирования. В книге В.В.Лопатина "Русская словообразовательная морфемика" проблематика этой дисциплины определяется следующим образом: "а) типология значащих сегментов, меньших, чем слово: морфема, виды морфем, корень и аффиксы, аффиксы словоизменительные и словообразовательные, основа; б) типы значений, выражаемых морфемами: лексическое, грамматическое (морфологическое) и словообразовательное значения; разновидности грамматических и словообразовательных значений; в) соотношение линейных ("синтагматических") и нелинейных ("парадигматических") языковых единиц морфемного уровня (первые - "текстовые" репрезентанты вторых): словоформа и слово, основа словоформы и основа слова, морф и морфема; принципы вычленения линейных единиц и правила объединения их в единицы парадигматические; г) морфонологические явления, связанные с сочетаемостью значащих единиц, меньших, чем слово: усечение и наращение основ, чередования; ударение в его морфематической функции (морфонология мыслится, таким образом, как часть морфемики языка); д) типология фонематической структуры морфов (еще один аспект морфонологии) и морфной структуры словоформ" /22, с. 4-5/.

В теоретическом отношении кажется вполне оправданным и безусловно целесообразным выделение самостоятельного морфемного уровня, соотносимого с наименьшей значимой единицей языка. Поскольку всякий текст может быть представлен как последовательность морфем (в их контекстных репрезентациях), подобно тому, как он может быть представлен в виде последовательности фонем (аллофонов), слов (словоформ) или предложений, то кажется естественным и необходимым описание языка на уровне морфем (соответственно текста - на уровне морфов). Такое описание должно, очевидно, содержать правила сегментации текста на морфы, правила отождествления морфов одной морфемы, словарь морфем, формальную и функциональную классификацию морфем, правила их сочетаемости в пределах словоформы и способы модификации при их соединении друг с другом. При таком морфемном (морфном) представлении морфонологические явления (как словоизменения, так и словообразования) окажутся учтенными именно на уровне морфов, т.е. будут представлены через систему морфемных "парадигм" (набор алломорфов каждой морфемы с правилами распределения). Абстрагирование же собственно чередований в традиционном понимании (т.е. "звуковых" или "фонологических" или "морфонологических" чередований) из морфов при этом способе

представления вообще говоря не должно иметь места. В книге В.В.Лопатина это ограничение не принимается во внимание, и морфемика в его понимании не исключает и представление на уровне минимальных сегментов (особый вопрос – как определяется их статус: фонемы, альтернанты, морфонемы или как-то иначе), так что морфонология словообразования в версии Лопатина совмещает формулировки, относящиеся к морфам (когда речь идет о линейных модификациях морфем, т.е. усечении и наращении), и формулировки, относящиеся к минимальным сегментам (когда описываются собственно чередования).

При строгом разграничении морфемного и (минимально-)сегментного (фонемного или морфонемного) уровней морфонология в ее сложившемся виде окажется распределенной между ними таким образом, что к морфемному уровню (тем самым и к морфемике) отойдут такие явления, как линейные модификации морфем (усечения, наращения и т.п.), акцентные чередования и все, что связано с правилами выбора (об этом подробнее ниже), а к собственно морфонологии – сегментные чередования, альтернационные ряды (соотносительные чередования), морфонологические корреляции сегментов и т.п. Однако и сегментные чередования обнаруживают определенную зависимость от морфемного уровня, ибо условия чередований (позиции) чаще всего формулируются на уровне морфемной репрезентации. И в этом еще раз проявляется промежуточность морфонологии, ее гетерогенность.

Разумеется, всякое морфонологическое чередование можно представить через соответствующие чередования морфов, т.е. напр., чередование г ~ ж как серию чередований морфов друг-~друж-, круг-~круж-, бег-~беж- и т.д. Очевидно также и то, что "фонемное" представление не просто экономнее, но и отражает регулярность подобного соотношения морфов, не говоря уже об исторической обусловленности чередований именно фонологическими процессами.

В книге С.Б.Бернштейна "Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы". М., 1974, посвященной праславянским чередованиям, "фонемные" и морфемные чередования различаются таким образом, что первые называются морфонологическими, а вторые – словообразовательными. Вполне последовательным с этой точки зрения можно считать и ограничение С.Б.Бернштейном предмета морфонологии областью сегментных чередований: "Морфонология не является частью фонологии, не представляет собой переходной области между фонологией и грамматикой. Она занимает совершенно равноправное положение на уровне фонетики, фонологии, словообразования, морфологии, синтаксиса. Она ведает изучением структуры, функционирования и истории рядов чередований" /с. 7/.

15-I

7. Принципы морфонологического описания. Анализ и синтез. Реляционный и операционный подход. Глубинная и поверхностная морфонология

Основной методический вопрос, дискутируемый в морфонологической литературе рассматриваемого периода, - соотношение анализирующего и синтезирующего подхода в описании словообразовательной морфонологии.

Наиболее определенно различие между этими двумя подходами сформулировано в известном докладе Д.С.Ворта к Варшавскому съезду славистов "Морфонология славянского словообразования" (1973), подчеркивающем неизбежную зависимость собственно морфонологических описаний и интерпретаций от типа грамматики (аналитическая или синтетическая), в рамках которой такое описание мыслится.

Определенный тип морфонологии вытекает из аналитических принципов, положенных в основу работ советских специалистов по словообразованию, последователей Г.О.Винокура. Приверженность к грамматике порождающего (или предсказывающего) типа определяет и характер конкретных морфонологических работ Д.С.Ворта и других исследователей.

С этим направлением связана идея глубинного и поверхностного представления в морфонологии /4/. Грамматика синтетического типа исходит из некоторого идеального, абстрактного представления морфемы, позволяющего наиболее экономным (и регулярным) и естественным образом получить из него все конкретные, "поверхностные" представления данной морфемы. "При таком предсказывающем подходе и при введении таких абстрактных морфонемных единиц исчезают многие мнимые нерегулярности, снижается число наблюдаемых морфонологических процессов ("обратное чередование" и "восстановление фонем" оказываются фикциями), упрощается терминология ("фонемы" - "финали" -"морфы" - "финали-неморфы" объединяются в "последний морф производящей основы"), и вообще получается более точное и эксплицитное морфонологическое описание" /с.63/.

Принципиально иную позицию в этих вопросах занимает В.В.Лопатин. Признавая значимость обоих подходов (описательно-аналитического и генеративно-синтетического), он считает, вслед за Ю.С.Масловым, неверным их противопоставление хотя бы по той причине, что "порождение реальных форм, их синтез был бы ... просто невозможен без предварительного (хотя бы и остающегося "за кадром") анализа" (22, с. 19. Цитата из статьи: Ю.С.Маслов. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм. - "Советское славяноведение", 1968, № 4, с. 48). В.В.Лопатин возражает также против абсолютизации "глубинного" подхода, ссылаясь на большое число трудностей и противоречий, не получающих разрешения и при глубинной репрезентации: "кричать - крик-ун, пищать - писк-ун, но молчать - молч-ун, ворчать - ворч-ун; кричать - крик-уха, но пищать - пищ-уха; вскричать - вскрик-

-ивать, но умолчать - умалч-ивать; наложить - налаг-ать, но умножить умнож-ать; втащить - втаск-ивать, но сплющить - сплющ-ивать; учить - не-уч-Ø и не-ук-Ø. Никакая "глубинная" интерпретация, выражающаяся в морфонемной записи, не способна передать реальных морфонологических различий в приведенных примерах, где морфонема "заднеязычная - шипящая" выступает в одной и той же позиции то в заднеязычном, то в шипящем варианте" /22, с. 298/.

Решающим теоретическим аргументом против "глубинной" морфонологии Лопатин считает тот факт, что при ориентации на глубинную (морфонемную) запись морфем "не приходится говорить о чередованиях вообще: так, в прилагательном ручной остается "на морфемном уровне" корень {рук}, а в слове захаживать - корень {ход}. Выявление тех или иных морфонологических чередований возможно лишь путем описания фонологической структуры морфов. На "морфонемном" уровне морфов нет, как нет и чередований; морфема, представленная в ее "основном" "абстрактном" виде, неизменна... морфонология - до тех пор, пока она занимается разновидностями морфонем, выступающими в конкретных разновидностях морфем (морфах), - по своей сути "поверхностна"; описывая же инварианты чередующихся элементов морфем (морфонемы), она "глубинна"" /с. 299-300/.

Различие между аналитическим и синтетическим подходом, как кажется, не связано непосредственно с оппозицией глубинной и поверхностной морфонологии. Аналитический подход представляется обязательным этапом, предваряющим синтетическое описание (направленное от единой исходной абстрактной формы морфемы к множеству ее контекстных репрезентантов) и необходимым для реконструирования исходных абстрактных форм, освобождения их от контекстных, "поверхностных" признаков, что невозможно без предварительной сегментации текста на морфы (т.е. тоже аналитической процедуры). Неизбежность анализа вытекает уже из того, что единственной реальной данностью для исследователя является множество текстов в их "поверхностном" виде, из которых он должен реконструировать исходные формы. В принципе задача морфонологического описания может быть одинаково адекватно решена как на пути от поверхностного представления к глубинному, так и на пути от глубинного представления к поверхностному. В первом случае морфонологические закономерности будут выявлены на этапе отождествления морфов одной морфемы путем обобщения повторяющихся регулярных соответствий между морфами, а во втором - на этапе развертывания исходных абстрактных форм в поверхностные репрезентации тоже путем обобщения повторяющихся соответствий. Конечной целью аналитического описания должен быть словарь абстрактных видов морфем и правил их получения, целью синтетического описания - правила развертывания абстрактных морфемных записей в поверхностные.

Принципиальная зеркальность аналитического и синтетического описания вовсе не отрицает отмеченной Ю.С.Вортом неизоморфности между

ними: не только такие явления, как усечение строго говоря связаны лишь с идеей синтеза, а наложение - с идеей анализа (как результат двойственного морфемного членения), но каждый тип описания имеет свои особые аспекты, вытекающие из самого подхода: проблема членимости, например, закономерна в рамках аналитической грамматики и отсутствует в синтетической; проблема выбора морфем (из ряда функционально тождественных) в зависимости от их морфонологических свойств, напротив, актуальна лишь для грамматики синтетического типа.

Аналитический подход в таком понимании может быть в равной мере и более поверхностным и более глубинным, как, впрочем, и синтетический, однако их объединяет общая о п е р а ц и о н н а я (а не реляционная) природа, т.е. представление о том, что одни формы морфемы "образованы" от других, являются производными от других. Бо́льшая "поверхность" морфонологии в версии Лопатина, как кажется, вытекает не из ее "аналитичности", а из подчиненности морфонологического анализа и морфонологической производности словообразовательному анализу и отношениям непосредственной словообразовательной производности, при которой мотивирующие основы каждый раз признаются как бы первичными, исходными и в морфонологическом отношении. Так понимаемые отношения словообразовательной производности с морфонологической точки зрения поверхностны, ибо они устанавливают связь между двумя реальными "поверхностными" цепочками морфов. Напр., на основе сопоставления ход'и- → ход констатируется усечение конечной гласной глагольной основы и чередование д' → д. Между тем исходная в словообразовательном отношении форма ход'и- в морфонологическом отношении является вторичной, производной и "разложимой" на ход- и усекаемый сегмент -'и, вызывающий мягкость конечного согласного корня. Если глагольная основа будет представлена в глубинном виде как бином ход+'и со снятием контекстной палатальности, то отношения между производящим и производным могут быть описаны без помощи чередования (с одним лишь усечением): ход+'и → ход.

И, наконец, следует заметить, что употребляемый в подобных контекстах термин "поверхностный" имеет совсем иной смысл, чем в работах по генеративной фонологии, откуда он заимствован и где он означает действительно фонетическую репрезентацию морфемы. Здесь же речь идет хотя и о контекстных репрезентантах, но все же морфонологических, а не фонетических. Так, если поверхностно=морфонологическая запись основы ножк(а) будет выглядеть как /нож-к/ при глубинно-морфонологической {ног-к}, то поверхностно-фонетическая (или фонологическая) должна выглядеть как [ношк-]. В работе В.В.Лопатина "поверхностный" по существу употребляется именно в морфонологическом смысле.

Подобно тому, как исторические закономерности не могут быть выведены из непосредственного сопоставления форм родственных языков без предварительной внутренней реконструкции исторической праформы в пределах каждого языка, установление структурных (синхронных) соотно-

шений форм на уровне словообразования и морфонологии (если принимать вслед за Лопатиным примат словообразования) невозможно без "операционной реконструкции", т.е. последовательного снятия сначала поверхностно-фонетических (не [нош-ка], а /нож-ка/, а затем и поверхностно-морфонологических (не /нож+ка/, а {ног+ка}) наслоений (процессов, преобразований и т.п.).

Не во всех работах рассматриваемого и последующего времени теоретически обсуждаются данные вопросы, но каждый исследователь неизбежно оказывается перед выбором между поверхностным и глубинным описанием. Из разбираемых здесь работ к "глубинному" направлению принадлежат, кроме статей Д.С.Ворта, исследования В.Г.Чургановой, А.К.Поливановой, Т.В.Булыгиной и др. Возражения Е.А.Земской по поводу некоторых морфонологических формулировок Грамматики-70 /8, с.21-25/ в сущности тоже вытекают из "глубинного" подхода, хотя автор не пользуется этим понятием и не обсуждает своего отношения к проблеме поверхностной и глубинной морфонологии. Е.А.Земская убедительно показывает, что сама проблема чередований связана с синтезирующим описанием, притом в его "глубинной" версии: объектом чередований являются не поверхностные морфы (ибо в морфах чередования уже совершились), а глубинные морфемы, тогда как на уровне поверхностного описания речь должна идти лишь о правилах дистрибуции (при анализе) и правилах выбора (при синтезе) морфов (а не морфем): "Описание правил взаимоприспособления морфов имеет смысл в том случае, если описывается первый этап - этап выбора. Тогда речь скорее должна идти не о морфах, а морфемах. Дается набор основных и аффиксальных морфем. Действуют правила такого типа:

суффикс -н-: 1) сочетается (- "выбирает") с основами существительных неодушевленных типа рук-, книг-; 2) при этом в основных морфах происходит чередование к/ч, г/ж: руч-н-ой, книж-н-ый" /8, с.24-25/.

Совершенно определенно высказывается в пользу глубинного подхода Т.В.Булыгина: "Морфонологический компонент должен, в частности, обеспечивать наиболее простой переход от морфолексемного представления словоформ к реальным (текстовым) словоформам в фонетической или орфографической записи. ... Мы исходим из того, что путь к выполнению этой задачи может лежать через определение единственной абстрактной (т.е. именно морфонологической) репрезентации каждой морфемы (или ряда репрезентаций для супплетивных образований) плюс установление правил, необходимых для выведения всех звуковых вариантов каждой морфемы из этой исходной репрезентации" /3, с. 209/.

8. Морфонологические единицы. Система и критерии выделения. Два уровня – морфемный и морфонемный

Морфонология в полном комплексе ее задач имеет дело с единицами двух уровней или двух измерений – минимальными сегментными единицами, являющимися фонемами или соотносимыми с фонемами, и минимальными значимыми единицами, являющимися морфемами или соотносимыми с ними. Обе эти единицы либо трактуются как принадлежащие соответственно фонемному и морфемному уровням, либо рассматриваются как их м о р ф о н о л о г и ч е с к и е к о р р е л я т ы. Можно, таким образом, говорить о двух основных взглядах на характер и иерархию этих единиц. Согласно одному из них, сформулированному В.В.Лопатиным, обе единицы имеют свои линейные и парадигматические ипостаси: "Противопоставление морфа и морфемы как соотносительных друг с другом минимальных двусторонних (значащих) единиц, первая из которых является линейной, а вторая – нелинейной (парадигматической) определяет и противопоставление элементарных сегментных единиц языка, соотносимых с морфом и морфемой. Для морфа такой элементарной единицей является фонема как обобщенный ряд звуков (аллофонов), взаимозаменяющих друг друга в разных позициях. Аналогичным образом для морфемы такой единицей является, с нашей точки зрения, обобщенный ряд линейных сегментов (фонем и их сочетаний), взаимозаменяющих друг друга в разных морфах одной и той же морфемы и, следовательно, обусловленных позицией каждого из этих морфов" [22, с. 287-288]. Для этой последней единицы, соотносимой с морфемой, В.В.Лопатин предлагает использовать термин морфонема. Заметим, что такое понимание морфонемы как ряда чередующихся фонем предполагает понимание морфемы как совокупности (класса) представляющих ее морфов со всеми вытекающими отсюда теоретическими следствиями (ср. аналогичное понимание фонемы как класса аллофонов, слова как совокупности словоформ).

Таким образом, речь идет о четырех единицах:

фонема ——— морф
морфонема ——— морфема,

взаимно противопоставленных по двум признакам: минимальная сегментная единица (фонема, морфонема) – сегментная единица более высокого порядка (морф, морфема) и линейность, контекстность, "поверхностность" (фонема, морф) – парадигматичность, инвариантность, "глубинность" (морфонема, морфема). Из них специфически морфонологической единицей можно считать лишь морфонему (фонема принадлежит иерархически более низкому – фонологическому – уровню, морф и морфема – иерархически более высокому – морфологическому – уровню). Такая точка зрения хорошо согласуется с представлением о морфонологии как особом (имеется своя единица), но все же промежуточном уровне языка

(специфическая единица является посредником между единицей фонологии и морфологии). Однако и при других подходах к морфонологии четыре названные единицы с необходимостью получают ту или иную трактовку и обозначение.

Если отвлечься пока от позиции А.А.Реформатского, отрицающего вообще существование морфонемы как особой единицы, и от разных пониманий морфонемы (об этом ниже), то второй взгляд на морфонологические единицы, хотя он эксплицитно никем не сформулирован, может быть понят как постулат о существовании морфонологических аналогов для всех четырех обозначенных выше языковых сущностей, а именно: фонемы (морфонологический аналог – морфонема в смысле В.Г.Чургановой и др., альтернант в смысле С.Б.Бернштейна и др.), морфонемы в смысле Н.С.Трубецкого, В.В.Лопатина, А.К.Поливановой и др., морфа (морфонологический аналог – форма, или вариант субморфа у В.Г.Чургановой; в этом же значении может употребляться и субморф как результат морфонологического членения, противопоставленный морфу как результату грамматического членения; "контекстный представитель форматива" у А.К.Поливановой) и морфемы (морфонологический аналог – субморф в смысле В.Г.Чургановой и форматив в смысле А.К.Поливановой). При таком понимании единиц (к которому наиболее близка концепция В.Г.Чургановой, хотя в ней недостаточно четко разграничены "контекстное" и парадигматическое понимание субморфа) морфонология оказывается полноценным языковым уровнем, организованным изоморфно другим уровням (ср. в морфологии четырехугольник слово – словоформа – морф – морфема).

В современной морфонологической литературе продолжают сосуществовать оба взгляда на м о р ф о н е м у , восходящие к хорошо известному различию между морфонемой Трубецкого и морфонемой Улашина. Тот факт, что в русской лингвистической традиции морфонема в смысле Улашина фактически не получила признания, безусловно, объясняется господством московской концепции фонемы, которая адекватна улашинской морфонеме (ср. мнение А.А.Реформатского: "Следует подчеркнуть, что использование термина "морфонема" в ином смысле по линии Улашин – Трегер – Харрис – Халле – Оливериус – Уорт для меня также неприемлемо – это травести фонем в московском смысле с ненужной "многоэтажностью" квазиединиц" /37,с.101/. И если все-таки, принимая московскую трактовку фонемы, В.Г.Чурганова "переименовывает" ее в морфонему, то это переименование вызвано и вполне оправдано стремлением разграничить принципиально различные подходы – фонологический и морфонологический – и соблюсти единство морфонологического описания. В этом переименовании подчеркивается другая (морфонологическая) точка зрения на ту же языковую сущность (фонема в ее отнесенности к морфеме) и утверждается морфонологический статус этой единицы (ср. морфонему в понимании Ю.Куриловича).

К морфонеме в этом (улашинском) понимании близок альтернант в смысле С.Б.Бернштейна: "Сегментной единицей науки о грамматических

чередованиях (морфонологии) является альтернант. Альтернант является минимальной единицей грамматики" /"Очерк... с. 8/.

Иной смысл придается термину морфонема в работах генеративного направления, где морфонема противопоставляется фонеме как единица глубинного представления морфемы единице поверхностного уровня. Иначе говоря, морфонема – это не минимальный сегмент морфа и не совокупность взаимозаменяемых в составе морфемы сегментов, а компонент глубинной репрезентации морфемы, т.е. один из знаков ее абстрактной, исходной формы.

Итак, в настоящее время употребительны следующие три трактовки морфонемы: I) морфонема как минимальный компонент морфемы, т.е. серия взаимозаменяемых (чередующихся) в пределах одной морфемы фонем, в противоположность фонеме как сегментному компоненту морфа (при этом фонема – одна из реализаций морфонемы) – Лопатин, Поливанова; 2) морфонема – основная минимальная единица морфонологического уровня, минимальный компонент морфа – Чурганова; 3) морфонема – минимальный сегмент абстрактного вида морфемы (ее исходной формы) – Булыгина, Толстая и др.

Термин субморф также не является однозначным. В концепции В.Г.Чургановой субморф – это морфонологический аналог морфа, результат морфонологического членения слова. На морфологическом (словообразовательном) уровне ему может соответствовать как полноценный морф, удовлетворяющий критерию и словообразовательной, и морфонологической членимости, так и сегмент, не выделяемый на уровне морфемного членения и не являющийся морфом, но удовлетворяющий критерию морфонологической сегментации. Этой точке зрения противостоит позиция В.В.Лопатина, который считает, что "для морфонологии релевантны две сегментные единицы – морф и субморф", причем первый имеет и формальную, и семантическую самостоятельность, а второй – только формальную. Различие между этими точками зрения отражает различие между собственно морфонологическим подходом Чургановой, стремящейся представить морфонологический уровень языка через однородные, имеющие единый, притом морфонологический, статус единицы, и словообразовательным подходом Лопатина, оценивающим субморф с точки зрения двусторонних единиц морфологического уровня.

К понятию субморфа в концепции В.Г.Чургановой близко понятие форматива в работах А.К.Поливановой. Формативами называются элементарные составляющие формальных структур, причем "каждый форматив задан в виде класса своих дополнительно распределенных контекстных представителей" /32, с. 136/. Как и субморф в смысле Чургановой, форматив принципиально независим от грамматического (двустороннего) членения и является, в отличие от морфемы, односторонней, формальной единицей, выделяемой в результате формального, морфонологического членения основы: "В морфонологии изучаются не столько морфемы, сколько внешние оболочки составляющих их морфов; соответственно рассмотре-

ние двойной членимости фактически заменяется рассмотрением членимости формальной. В результате список объектов морфонологического описания оказывается отличным от списка морфов". /35, с. 37. Поскольку и формати в (по Поливановой), и субморф (по Чургановой) мыслятся как единицы формального уровня, имеющие свои контекстные репрезентации, они должны строго говоря считаться не морфонологическими аналогами морфа, а морфонологическими аналогами морфемы, т.е. абстрактными, а не конкретными единицами формальной структуры слова.

Термин формати в в зарубежных работах иногда применяется по отношению к "односторонним" (неморфемным) расширителям основы, называемым у ряда других авторов интерфиксами. При этом генеративное описание не "порождает", а наоборот усекает соответствующие элементы в основах типа шоссей(ный) → шоссе, кофей(ный) → кофе.

Таким образом, различие между разными авторами в подходе к морфонологическим единицам касается следующих основных моментов: I) способа выделения единиц морфемного уровня – одни считают релевантными только единицы двусторонние, удовлетворяющие принципам морфемного (словообразовательного) членения, другие оперируют на морфонологическом уровне только односторонними единицами, удовлетворяющими условиям формального членения и независимые от морфологического членения; третьи признают наличие обоих видов единиц (т.е. наряду с морфами/морфемами выделяют субморфы, форматив ы и т.п.); 2) понимания парадигматических единиц морфонологии (морфонемы и морфемы) как инвариантов или классов; 3) различения "глубинных" и "поверхностных" морфонологических единиц (аналога фонемы и аналога морфемы).

Суммарная схема различаемых в морфонологии сущностей может быть представлена таблицей с шестью клетками, называющими соответствующие "морфологические" понятия:

морф как контекстный представитель морфемы	минимальный компонент морфа
морфема как инвариант	минимальный компонент морфемы-инварианта
морфема как класс морфов	класс чередующихся фонем

На основе этой схемы можно сделать сопоставление систем понятий и терминов, используемых разными авторами в описании морфонологии т.е. сравнить системы соответствующих морфонологических аналогов этим понятиям (см. приведенную далее таблицу).

	Лопатин	Чурганова	Поливанова
морф	морф, субморф	субморф; вариант субморфа	контекстные представители формати́ва
компонент морфа	фонема	морфонема	фонема (?) ДП
морфема как инвариант	–	субморф	формати́в
компонент морфемы –инварианта	–	–	символ
морфема–класс	морфема (?)	–	–
компонент морфемы –класса	морфонема	–	морфонема

Следует отметить, что не всегда соблюдается единый уровень "глубины" для коррелятивных единиц. Так, у В.Г.Чургановой морфонема явно более поверхностна, контекстна, чем ее коррелят субморф, которому придается одновременно значение и контекстное, и инвариантное. А.К. Поливанова, характеризуя собственную систему понятий, пишет: "Принятая в настоящей работе система исходных репрезентаций ближе к поверхностному уровню, чем системы, используемые в ряде работ американских исследователей (последовательно реконструирующих *ь и ъ, восстанавливающих древнее различие между е и Ѣ и т.п.). В то же время принятая система ближе к глубинному уровню, чем фонолого-морфонологическая система репрезентаций, используемая, например, В.Г.Чургановой, или система морфофонематической транскрипции Р.И.Аванесова" /35, с.13/.

Общим для всех исследователей является различение в морфонологии единиц двух измерений (масштабов) : соотнесенных с фонемой и соотнесенных с морфемой. Выше уже говорилось о том, что это различение соответствует двум взаимодополняющим аспектам морфонологии: собственно морфонологии, ориентированной на минимальный сегмент, и морфемике в ее формальной части, ориентированной на единицу более высокого ранга. Несмотря на распределенность, дополнительность указанных аспектов, делающую необходимым их сочетание, в конкретных исследованиях по морфонологии нередко доминирует один из них. Так, у В.В.Лопатина морфонология строится как раздел морфемики, в какой-то мере это верно и для работ А.К.Поливановой, а у В.Г.Чургановой морфонология ориентирована на единицы низшего ранга, соотносимые с фонемой.

9. Понятие основы в словообразовании и морфонологии

Неоднозначное или недостаточно определенное употребление термина "основа" в работах по словообразованию и структуре слова вызывает вполне оправданное желание исследователей уточнить это понятие как в отношении его реального языкового содержания, так и по отношению к другим лингвистическим понятиям.

Разное понимание основы в словоизменении (парадигматике) и словообразовании (деривatологии), отмеченное Ю.С.Масловым (АПРС I, 1972), вытекает из двойственного характера основы, выступающей то как аналог слова, то как аналог м о р ф е м ы . В словоизменении основа, определяемая как общая часть словоформ парадигмы, служит репрезентантом слова (о с н о в а с л о в а , "флективная основа" – см. 4, с.57), но одновременно она является компонентом морфологической структуры слова, понимаемой как бином "основа + флексия", и в этом смысле аналогична морфеме. В словообразовании статус слова имеет основа производного (мотивированного) слова, тогда как мотивирующая основа, будучи компонентом словообразовательной структуры производного слова, аналогична по своему статусу морфеме. Вместе с тем, основа в ранге морфемы, в отличие от обычной морфемы, может сохранять некоторые грамматические, словообразовательные и морфонологические признаки (мотивирующего) с л о в а . Основа является объектом действия ряда морфонологических преобразований, которым не подвержена морфема – именно с трансформацией основы слова (мотивирующего, производящего) в основу-морфему (мотивирующую основу производного слова) и оформлением новой основы слова (производного, мотивированного) связаны такие явления, как линейные модификации (усечение, наращение и т.п.) и акцентные чередования.

В книге В.В.Лопатина предложено несколько новых важных уточнений, связанных с понятием основы. Кроме разграничения основы с л о в а (как нелинейной парадигматической единицы) и основы с л о в о ф о р м ы (как линейной синтагматической единицы) [22, с.107-108], В.В.Лопатин ввел вытекающее из "перспективного" подхода понятие о с н о в ы с л о в а в ш и р о к о м с м ы с л е : "В узком смысле основа слова – это ... совокупность основ его словоформ. В широком смысле основа слова – это совокупность не только основ словоформ данного слова, но и мотивирующих основ всех тех слов, для которых данное слово является мотивирующим" [22, с.109]. Возражение здесь вызывает сохранение за основой "в широком смысле" термина "основа слова", ибо полученная "парадигма основы" не может быть соотнесена с одним словом (мотивирующим) и потому не может пониматься как его основа. При таком понимании основа становится некоторой абстрактной словообразовательной единицей (морфемой или суперморфемой), функционирующей, подобно словообразовательным формантам, в отрыве от конкретных слов. Аналогично этому различение о с н о в ы м о т и в и р у ю щ е г о с л о в а и м о т и в и р у ю щ е й о с н о в ы , на котором настаивает В.В.Лопатин, может быть истолковано как различение основы в ранге слова и основы в ранге морфемы.

Морфонологическая проблематика, связанная с основой, включает два круга вопросов: 1) способы модификации основы в словоизменительных парадигмах (система основ словоформ и классификация парадигм в зависимости от характера распределения р а з н ы х основ в парадигме)

и 2) способы модификации основы в словообразовательных "парадигмах" (система мотивирующих основ в смысле В.В.Лопатина и морфонологическая характеристика "парадигм").

При выделении т и п о в о с н о в используются разные признаки. Основы могут характеризоваться по их связи с разного рода парадигмами (словоизменительная основа, формообразующая основа, словообразовательная основа), по их структуре (первичные, простые, или непроизводные основы; морфологически производные, деривационно производные, квазипроизводные - см. /14, с.286/, по их морфонологическим свойствам (неизменяемые и изменяемые основы, основы той или иной слоговой или фонемной структуры - с исходом на гласный, согласный, согласный определенного класса и т.п.), по морфологическим показателям (субстантивные, глагольные и т.п. основы).

IO. Проблема выбора в морфонологии

Морфонологические явления могут быть описаны как в терминах п р е о б р а з о в а н и я , модификации морфем в тех или иных морфонологических позициях, так и в терминах в ы б о р а одного из контекстных вариантов морфемы также в зависимости от позиции причем эти способы описания содержательно идентичны /ср. 8, с.24; 27, с.58-61/.

Однако описание в терминах выбора морфов, будучи эквивалентным описанию в терминах модификации морфем, существенно уступает последнему в экономности и даже адекватности отражения свойств морфонологической системы языка, поскольку морфонологические закономерности "относятся не к индивидуальным единицам, а к целым классам единиц, т.е. поскольку речь идет о повторяемости, об одинаковости морфонологического поведения единиц одного класса в однотипных позициях /3, с.210/. Иначе говоря, описание в терминах модификаций (в частности, чередований), выявляющее морфонологическую значимость сегментных единиц меньших, чем морфема, имеет большую степень обобщения (и тем самым более экономно), чем описание, ориентированное на уровень морфов.

Однако явления чередований, усечений и т.п. не устраняются полностью из описания в терминах выбора. В работе В.Г.Чурановой, выполненной на уровне морфов и в терминах выбора, чередования (и отчасти усечения) присутствуют как факт парадигматики морфем, как механизм морфемного варьирования (ср. "Корни, оканчивающиеся на парные согласные, заднеязычные и с, выступают как правило в виде двух вариантов, различие между которыми определяется чередованием конечных согласных корня..." - 47, с.116), тогда как описание сочетаемости, действительно, практически обходится лишь правилами выбора.

Таким образом, существуют два способа морфонологического представления: при I способе (условно: реляционном, дескриптивном, связанным с идеей распределения) чередования и другие виды модификации ограничены областью парадигматики, т.е. морфемного варьирования, а сочетае-

мость морфем описывается в терминах выбора подходящего варианта морфемы; при II способе (условно: операционном, связанном с идеей порождения и преобразования) и парадигматика, и синтагматика морфем описываются в терминах модификации (чередований и т.п.).

Существует, однако, еще одна область выбора, которая должна быть учтена в рамках обоих подходов. Это область в ы б о р а м о р ф е м (до сих пор речь шла о выборе между морфами одной морфемы) из ряда функционально тождественных, синонимичных, но имеющих разные морфонологические характеристики /ср. 8, с.24-25/. Этот выбор также подчинен морфонологическим закономерностям, ср. выбор между флексиями -ов и -ей в формах род.мн., определяемый твердостью/мягкостью конечной согласной основы (пост - постов, но гость - гостей) или выбор между уменьшительными суффиксами -чик и -щик /см. 47, с.156/ или суффиксами - к, -ик, -чик, определяемый целым рядом морфонологических характеристик основы /47, с.158/.

Правила выбора морфем, в отличие от правил выбора морфов и правил чередования, носят преимущественно прогрессивный характер, т.е. определяются свойствами предшествующих единиц /см. 40/.

II. Чередования

Чередование, будучи одним из кардинальных понятий морфонологии, имеет разный смысл в рамках реляционного (дескриптивного) и операционного описания. В первом случае речь должна идти о к о р р е л я ц и и или дистрибуции определенных формальных элементов морфем в разных морфонологических позициях (в этом смысле В.В.Лопатин использует термин "мена" - "для обозначения всех фактов фонемной вариативности в рамках морфемы, независимо от ее регулярности и условий, вызывающих эту вариативность" - 22, с.291), во втором - о п р е о б р а з о в а н и и одного сегмента морфемы в другой в определенных позициях.

Чередование как операционное понятие, связанное с идеей преобразования, перехода и т.п., предполагает с необходимостью фиксацию н а п р а в л е н и я чередования, трактовку одного члена чередования как исходного, другого - как производного (подробнее о направлении см. в статье С.М.Толстой - ВЯ, 1971, № 1). Далее оказывается существенным то, какая именно форма признается исходной при описании чередования - реальная форма морфемы, представленная в производящем слове, или абстрактная форма, независимая от контекста.

По мнению В.В.Лопатина, "в словообразовании, специфику которого составляют отношения словообразовательной мотивированности, мотивирующее слово всегда исходно, первично (в синхроническом смысле), а мотивированное - производно, вторично, зависимо от него формально и семантически. И, если мы ставим перед собой цель описать морфонологические различия мотивированного и мотивирующего слов, не забывая о специфике словообразования, то нас должны интересовать те реальные

видоизменения основ мотивирующих слов (как слов грамматически исходных), которые имеют место в словах мотивированных. Таким образом, "отправной точкой описания", "исходной формой" следует признать здесь ту, которая выступает в мотивирующем слове" /22, с.295-296/.

При таком "конкретно-словообразовательном" подходе к морфонологии нередки случаи, когда "направление чередующихся членов морфонемы от мотивирующего слова к мотивированному не совпадает с собственно морфонологическим направлением (от члена морфонемы, принимаемого чаще всего за основной), противоположно ему" /22, с.296/. Отсюда возникает понятие "обратного чередования" - обратного по отношению к морфонологическому направлению.

При абстрактном операционном подходе, свободном от требования избирать в качестве исходной конкретную форму морфемы, такого противоречия удается избежать (см./4, с.53-68/. Возражения, выдвигаемые против чрезмерной абстрактности такой исходной формы /22, с.297-304/, в значительной степени снимаются, если принять определение исходной формы, предложенное Н.А.Янко-Триницкой: "Если морфема может быть представлена больше чем одним морфом, то основным вариантом морфемы следует считать тот, который отличается большей контрастностью и находится в наиболее автономной морфологической позиции... Для более точного представления о морфологическом составе слова полезно прибегать к морфематической записи слов, при которой фиксируется не конкретный морф, манифестирующий ту или иную морфему в данном слове, а морфема в ее основном виде, например: ножка - {ног-к-а}, ножик - {нож-ик}, лужок - {луг-к}, лужица - {луж-иц-а}, вершина - {верх-ин-а}, вершить - {верш-и-т}, сверхсрочник - {сверх-срок-ник}, пересмешник - {пере-смех-ник}, скворечник - {скворец-ник}, медвежата - {медвед'-ат-а} и т.п." /48, с.90/.

Заметим, что исходная форма в таком понимании остается абстрактной по отношению к словообразованию (ибо это не контекстная разновидность морфемы, представленная в мотивирующем слове), но в то же время она сохраняет свою конкретность, ибо это не условная форма, а одна из реальных разновидностей морфемы.

Таким образом, используются следующие понимания исходной формы (перечисляются по убыванию конкретности и нарастанию абстрактности): 1) исходная форма совпадает с формой, представленной в производящем слове (Лопатин), 2) исходная форма совпадает с наиболее независимой формой данной морфемы (Янко-Триницкая) и 3) исходная форма не обязательно совпадает с какой-нибудь конкретной репрезентацией, она может быть условной (Ворт, Чурганова, Поливанова, Булыгина и др.). Понятно, что как инвентарь выделяемых на основании этих форм чередований, так и их трактовка будут различными во всех трех случаях.

Трактовка самих чередований может быть также более абстрактной и менее абстрактной: от обычной мены фонем типа г-ж до совершенно условных преобразований абстрактной записи исходной формы (ср. вспо-

могательные чередования у А.К.Поливановой - 35, с.17).

Все сказанное касается способа выявления индивидуальных, *элементарных* чередований, относящихся либо к парадигматике (механизм морфемного варьирования), либо к синтагматике (механизм взаимоприспособления морфем в слове). Инвентарь элементарных чередований, полученных парадигматически, совпадает с инвентарем чередований, установленных синтагматически (например, чередование к-ч для морфемных разновидностей рук-, руч- и для словообразовательной пары рука - ручной), однако характеристика парадигматического чередования будет более обобщенной, поскольку она суммирует все контексты (позиции) каждой разновидности морфемы (напр., руч- в ручной, ручка, поручить и т.д.), тогда как элементарное синтагматическое чередование относится лишь к одной конкретной позиции (одному производному слову).

Еще более обобщенный характер приобретает чередование, абстрагированное и от конкретной позиции, и от конкретной морфемы и соотносимое со всей совокупностью (или ее организованным подмножеством) морфем определенной морфонологической структуры и с множеством однотипных позиций (напр., чередование к-ч как морфонологическое свойство всех морфем с конечным -к в позициях "палатализации"). Поскольку задача морфонологического описания - обнаружение регулярных и закономерных явлений морфемного варьирования и морфемной сочетаемости, то именно такие наиболее обобщенные (в пределах возможного) формулировки должны быть его конечным результатом.

Объединение отдельных чередований *в типы* по формальному признаку (напр., чередований к-ч, г-ж, х-ш в тип "заднеязычная - шипящая" или чередований т-т', п-п', с-с' и т.д. в тип С-С') предоставляет собой еще одну ступень обобщения в описании чередований. Точно так же и отдельные позиции, вызывающие консонантные чередования, объединяются в два основных типа: позиции смягчающие и не смягчающие (могут выделяться и позиции отвердения).

Чередования, выступающие в одной и той же позиции, т.е. функционально тождественные, называются *соотносительными* или пропорциональными, а весь ряд чередований, характеризующих данную позицию, называется в ряде работ *альтернационным рядом*. По мнению С.Б.Бернштейна, "основная задача морфонологии - изучение соотносительных и несоотносительных рядов чередований, их структуры, функционирования и истории" ("Очерк...", с.21). Термин альтернационный ряд иногда используется и в другом - парадигматическом - смысле для обозначения набора (или цепи) чередований, выступающих в одной морфеме (С.В.Бромлей. Морфонология и грамматика. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас, 1972. М., 1974). В этом случае он совпадает с морфонемой в смысле Трубецкого.

Еще один важный аспект изучения чередований связан с понятием обусловленности чередований. Т.В.Булыгина обращает внимание на то, что "определение характера обусловленности разных морфонологических

чередований представляет собой далеко не тривиальную задач" /3, с.218/. Ни одна из двух противоположных тенденций - преувеличенный "фонологизм", т.е. стремление свести все типы морфемного варьирования к фонологически обусловленным, и "морфологизм", т.е. обращение преимущественно к морфологической информации - не дает удовлетворительной картины чередований. Решение этого вопроса связано с трактовкой фонологической, морфонологической и грамматической (морфологической) позиции.

I2. Морфонологическая позиция

Известно, что первоначально понятие позиции было применено и теоретически осмыслено в фонологии, откуда оно распространилось на морфологию, синтаксис, словообразование, морфонологию. Существенно, однако, то, что позиция, определяемая через какие-то признаки окружения (фонологические, грамматические, стилистические и т.п.), не обязательно однородна (однопланова) сегменту, который она характеризует. Напр., распределение фонем может зависеть не только от фонологических свойств окружения, но и от грамматических, словообразовательных и др. Выбор и дистрибуция морфем могут определяться, напр., фонологическими свойствами окружения и т.д. Поэтому говоря о фонологической, морфонологической, грамматической, словообразовательной и т.п. позициях, следует исходить не из статуса единицы-объекта (фонема, морфема), а из релевантных признаков ее окружения. Иначе говоря, морфонологическая позиция и позиция морфонологических единиц - не одно и то же.

По определению Е.А.Земской, "морфонологическая позиция связана и с грамматическим характером единиц, и с их фонемным составом, т.е. характеристика этой позиции включает в себя ограничения и грамматические, и фонологические" /8, с.16/, в отличие от грамматической позиции, не связанной с фонемным составом единиц и определяемой только их грамматическим характером. Примером морфонологической позиции может быть положение перед суффиксами -ник, -ничать, где происходит чередование заднеязычных с шипящими (книга - книжник, скоморох - скоморошничать), ср. отсутствие такого чередования перед суффиксом -ну (прыг-нуть, бряк-нуть). Примером грамматической позиции может быть положение перед наречным суффиксом -о/-и: -и присоединяется к производным основам с суффиксами -ок- и -j-, а -о к непроизводным и к производным с другими суффиксами /там же/.

В словообразовании понятие позиции по мнению Е.А.Земской, существенно и для п а р а д и г м а т и ч е с к о г о (проблема идентификации морфем, объединения в одну морфему морфов, формальное различие между которыми обусловлено их позицией в слове) и для с и н т а г м а т и ч е с к о г о (условия сочетаемости основных и аффиксальных морфем и правила их взаимоприспособления в составе слова) аспектов.

Иной смысл вкладывает в термины "парадигматический" и "синтагматический" В.В.Лопатин: "Каждый из словообразовательных морфов,

используемых в мотивированных словах, характеризуется двумя показателями: линейной сочетаемостью с определенными фонемами соседних морфов (синтагматический аспект) и сочетаемостью с определенными морфонемами соседних морфем (парадигматический аспект" /22, с.268/. Если у Е.А.Земской эти понятия противопоставлялись по признаку м о р ф е м а – с л о в о (парадигматические отношения связывают морфы одной морфемы, а синтагматические – морфы или морфемы в составе слова, словоформы), то у В.В.Лопатина они противопоставлены по признаку м о р ф – м о р ф е м а (соответственно фонема – морфонема), т.е. по признаку контекстность/инвариантность единиц, определяющих морфонологическую позицию.

Понятие позиции представляется более содержательным, чем понятие окружения; оно не просто определяет дистрибуцию, но включает в себя идею зависимости от окружения, т.е. неслучайности связи изучаемой единицы с соседними единицами, обусловленности их соседства или запрета на их сочетание.

Для реляционного описания, устанавливающего, "как сделаны слова", позиция может быть определена лишь через перечень отмеченных и не отмеченных (зафиксированных и не зафиксированных) в ней единиц или классов единиц. Напр., перед суффиксом -ант представлены основы с твердым консонантным исходом и не представлены основы с мягким консонантным исходом. Такая констатация еще не дает оснований для утверждения о запрете на подобные сочетания. При операционном подходе обусловленность вида основы позицией (аффиксом) вытекает из самого факта чередования: мягкая фонема производящей основы → твердая фонема производной основы. Ясно, что объектом здесь является основа п р о и з в о д я щ е г о слова, а позицией – суффикс -ант, принадлежащий п р о и з в о д н о м у слову. Это соотношение придает реальность восстанавливаемой "глубинной" (т.е. не наблюдаемой) структуре типа эмигр'(ировать) + ант → эмигр-ант.

Роль понятия позиции различна также для "поверхностной" и "глубинной" морфонологии /4/. При поверхностном подходе, ориентирующемся на непосредственную производность, т.е. производность от конкретной контекстной формы производящей основы (напр., эмигр'-ировать → эмигр-ант), признается существенной и учитывается лишь позиция мотивирующей основы (в составе производного слова), тогда как позиция основы мотивирующего слова не принимается во внимание. Между тем очевидно, что мягкость последнего согласного основы, чередующегося в производной основе с твердым согласным, сама по себе позиционно обусловлена следующим суффиксом -ирова-. Глубинная морфонология снимает это позиционное наслоение, восстанавливая "независимый" вид морфемы с твердым исходом (см. работы Д.С.Ворта, А.К.Поливановой и др.). Отсюда следует разная морфонологическая интерпретация одних и тех же позиций: при поверхностном подходе суффикс -ант оказывается диспалатализирующим, а при глубинном – не вызывающим смягчения.

В области конкретного изучения морфонологических позиций и их релевантных признаков обобщений пока не много. В книге В.В.Лопатина выделены 10 основных морфонологических позиций, определяющих выбор суффиксальных морфов в сфере отглагольного словообразования: 1) после гласной - после согласной, 2) после нешипящих - после шипящих, 3) после незаднеязычных - после согласных, включая заднеязычные, 4) после парно-твердой после парно-мягкой согласной, 5) после сочетаний "гласная + согласная" - после сочетаний "согласная + согласная" 6) после сочетаний "гласная + согласная" и "сонорная + согласная" - после согласных, 7) после согласных, кроме д, т, ч - после согласных д, т, ч, 8) после j - после j и других согласных, 9) после односложного корневого морфа - после неодносложного корневого морфа, 10) перед ударной флексией - перед безударной флексией. Несмотря на специальные разъяснения автора /с.265-268/, вызывает сомнение релевантность таких признаков, по которым выделенные пары позиций не противопоставляются, так что морфы, интерпретируемые как алломорфы одной морфемы, не обнаруживают дополнительного распределения по этим позициям (ср. позиции 3,6,8). Ссылка на отсутствие абсолютной регулярности в морфонологических правилах распределения, якобы оправдывающее такую формулировку позиций, не кажется нам убедительной: если для основного корпуса слов верно дополнительное распределение морфов -ок и #к в зависимости от нулевой или вокалической флексии, то наличие какого-то числа слов, противоречащих этому распределению (типа игрок - игрока), не отрицает, как кажется, релевантности признака, "работающего" в подавляющем большинстве случаев. Обнаружение исключений должно приводить не к стиранию правила, а к поискам дополнительных правил, ограничивающих действие основного.

В.Б.Смиренский в работе /40/ попытался определить морфонологическую позицию в терминах фонологии, используя понятия варьирования, сильных и слабых позиций, нейтрализации и гиперфонемы.

13. Линейные преобразования основы

Линейные преобразования (усечение, наращение и т.п.) нередко объединяют с чередованиями, считая и те, и другие разновидностями формальной модификации морфем. При этом недостаточно осознается принципиальное отличие линейных преобразований от чередований: чередования принадлежат морфемам и имеют как парадигматический (варьирование морфемы), так и синтагматический (сочетаемость морфем) аспект, а усечения и наращения относятся к основам, т.е. по существу к морфонологии слова, будучи средством организации морфемной последовательности (синтагматический план) в рамках основы производного слова. В этом смысле линейные преобразования в большей степени, чем чередования, зависят от словообразования и прежде всего от устанавливаемых отношений производности между словами и способа морфемного членения. Морфонологическая функция линейных преобразований - не столько в модификации и

взаимоприспособлении морфем, сколько в морфонологическом оформлении единиц следующего уровня – основ (слов).

Известная дискуссия об усечении, которая возникла в 70-е годы, выявила немало важных вопросов, оставшихся в тени, и стимулировала новые обстоятельные исследования этой проблемы. В статье И.С.Улуханова /44/ на большом материале анализируются основные типы усечений и их функции в русском словообразовании.

Справедливо возражая против трактовки всех усекаемых элементов как морфов, И.С.Улуханов, однако, воздерживается от, казалось бы, очевидного в свете его аргументов вывода об их м о р ф о н о л о г и ч е с к о м статусе и указывает, что усекаемые финали (общий термин) могут быть 1)морфами (сушить; ср.сухой), 2)субморфами (носить – носка), 3)совокупностями фонем, материально не совпадающими ни с одним из словообразовательных морфов (ус:тонус – тонизировать; у:кенгуру – кенгуренок)."

В зависимости от позиции усекаемого элемента в слове И.С.Улуханов выделяет корневые усечения (в составе корня), посткорневые, постфлексийные, предкорневые. Кроме того, различаются субтитутивные (заменительные) и несубституитивные усечения, т.е. усечения, вызывающие появление на их месте нового морфа или не вызывающие /с.99/.

В работе отмечается разная степень регулярности разных видов усечения (при том, что все усечения квалифицируются как нерегулярные), и впервые ставится вопрос об условиях, обусловленности и даже "причинах" усекаемости/неусекаемости основ мотивирующих слов. Среди этих причин названы фонологические, морфонологические, семантические. К ним, как кажется, необходимо добавить причины собственно словообразовательные, т.е. определенные структурные характеристики основы, в том числе иерархический статус усекаемых элементов (в частности и прежде всего морфов).

В книге В.В.Лопатина, помимо усечений, рассматриваются еще два вида линейных преобразований глагольной основы – наращения (консонантизирующее и вокализирующее) и мена финалей: (отсечение какой-либо финали и последующее наращение усеченной основы за счет какой-либо финали или финалей). "Наиболее распространено из этих преобразований усечение, хотя и наращение (до сих пор очень слабо изученное), как выясняется, достаточно многообразно" /22, с.116-117/.

Линейные преобразования глагольной основы представляют собой механизм согласования, взаимоприспособления производящей основы и словообразовательного суффикса, обладающих принципиально разными морфонологическими свойствами: глагольная основа двувариантна, она имеет вокалическую и консонантную разновидности, распределенные по позициям, тогда как суффикс принадлежит, как правило, к одному из двух типов (повокальные и поконсонантные суффиксы) и по существу играет роль позиции, определяющей вид основы (ср. деление суффиксов на смягчающие и несмягчающие и наличие или отсутствие чередований в позиции перед

ними). В этом смысле линейные преобразования глагольной основы аналогичны чередованиям, в отличие от линейных преобразований именных основ, которые в большей степени суперсегментны.

Нельзя не отметить, что проблематика линейных преобразований в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании явилась закономерным следствием того подхода, который связан с идеей единой (одной) глагольной основы. В области именной деривации место линейных преобразований также в значительной степени зависит от общей концепции описания и представляется тем более существенным, чем сильнее морфонологическая модель ориентирована на непосредственные словообразовательные отношения (см., в частности, А.Д.Зверев. "О связанных и вариантных (усеченных) основах". – В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975).

Из всего круга вопросов, связанных с линейными преобразованиями, наиболее дискуссионным оказался вопрос об интерфиксах. Этой проблеме посвящены специальные статьи Е.А.Земской /9/, В.В.Лопатина /20/, А.А.Дементьева /6/, В.С.Гимпелевича ("Еще раз об интерфиксах" – АПРС II, 1976; "К вопросу об "асемантических морфемах" в русском языке". – В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.), М.Михайлова ("Интерфиксы и морфемная структура слова" – Lingua Silesiana , t. I, Katowice , 1975), О.Вески ("Изучение интерфиксов современного русского языка в синхронном и диахронном аспектах) (на примере интерфиксов -т- и -j-) – Уч.зап. Тартуского ун-та, вып. 425, 1977. Труды по русской и славянской филологии № 29); см. также /30/.

Е.А.Земская суммировала основные точки зрения на интерфиксы (соединительные морфемы, форматив и т.д.), указав, что разногласия вызывают два главных вопроса:

1) следует ли выделять в составе слова так называемые интерфиксы в качестве особых элементов (Земская) или это часть суффикса (Грамматика- 70) или часть основы?

2) если интерфиксы выделяются в качестве особых сегментов, то имеют ли они статус полноценных морфем или они представляют собой "особые асемантические элементы, выполняющие функцию соединения морфов"?

Е.А.Земская считает, что оба подхода (признающий самостоятельность интерфиксов и не вычленяющий их из состава суффиксов) в принципе эквивалентны, но один из них предпочтительнее для анализа текста, а другой – для синтеза /с.82/. Преимущество первого способа состоит, однако, в том, что выделение интерфиксов, повторяющихся во многих "производных" суффиксах, позволяет упростить описание структуры русского слова.

Е.А.Земская, убедительно возражая против включения интерфиксов в состав суффиксов и защищая их автономность в слове, приводит один важный, с нашей точки зрения, аргумент: "производя сегментацию производного слова, с неменьшим основанием, чем расширенные (производные) суффиксы, – можно выделять расширенные варианты основы пе-/пев-,

кино -/кином-, метро-/метров-, Дели-/делий-, шоссе-/шоссей, Ялт-/ялтин-, Америк-/американ- и т.д. Представляется, однако, что по изложенным выше соображениям наиболее адекватно отражает структуру производного слова сегментация первого типа, т.е. выделение в составе слова особых соединительных элементов" /с.86/. Этот довод, по нашему мнению, заслуживает большего внимания. Действительно, присоединение интерфиксов к основе производящего слова с полным основанием может рассматриваться как операция, противоположная (зеркальная), но эквивалентная по функции усечению производящей основы, а сами наращиваемые элементы (интерфиксы) и функционально, и материально оказываются подобными усекаемым сегментам. Их статус не морфемный, а морфонологический.

В.В.Лопатин занимает в отношении интерфиксов принципиально иную, чем Е.А.Земская, позицию, считая "наиболее целесообразным рассматривать сегменты словоформ, интерпретируемые в ряде работ как незначимые межморфемные "прокладки" - интерфиксы в качестве частей морфов. Формальные видоизменения морфемы могут быть и суперсегментными (чередования) и сегментными; последние могут рассматриваться как усечение/наращение одного морфа в сравнении с другим" /20, с.31/.

Вопрос о том, к левому или правому морфу должен быть отнесен "спорный" отрезок, решается, по мнению В.В.Лопатина, трояко: это может быть наращение корня (старожил, стеклодув, певун), наращение суффикса (кантианский, сеялка, сушилка) и, наконец, в отдельных случаях возможна двойная отнесенность отрезка - влево и вправо одновременно. Формальные критерии этих решений, остаются, однако недостаточно четкими.

В.В.Лопатин предлагает именно морфонологическую интерпретацию интерфиксов: "Участвуя в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом, отдельные части морфов приобретают, таким образом, самостоятельную формальную (морфонологическую) значимость. Для обозначения таких морфонологически релевантных отрезков в работах последнего времени все чаще используется термин с у б м о р ф " /с.33/. Вместе с тем термин интерфикс В.В.Лопатин предлагает сохранить за полноценными морфемами - соединительными элементами сложных слов, как это было сделано в Грамматике-70.

14. Акцентологические вопросы морфонологии

Прогресс в изучении акцентологических вопросов морфонологии стимулируется, с одной стороны, нуждами описательной (и исторической) акцентологии русского языка, стремящейся выявить все языковые (и экстраязыковые) факторы, влияющие на акцентуацию тех или иных классов слов (в том числе факторы морфонологические), с другой стороны - потребностями собственно морфонологических исследований, стремящихся учесть все морфонологические значимые признаки (в том числе и акцентологические).

А.А.Зализняк в статье "Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода" (В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977) дает исчерпывающее описание принципов и особенностей 1500 слов указанного типа, выделяя и подробно анализируя следующие факторы, влияющие на выбор схемы ударения: "1)собственно языковые факторы - морфонологический (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) прагматический фактор - привычность или чуждость слова для данного носителя языка" /с.76/.

В работе Е.Г.Устиновой /45/ рассматривается зависимость акцентуации относительных прилагательных с суф. -ов-(-ев-) от акцентуации производящих слов. В статье проанализированы все прилагательные данного типа, содержащиеся в справочнике "Русское литературное произношение и ударение" под ред. Р.И.Аванесова и С.И.Ожегова и в "Обратном словаре русского языка" (м.,1974). Акцентуация этих прилагательных подчиняется достаточно простым и стандартным правилам, охватывающим приблизительно 80% случаев:

Схема ударения производящего существительного	Акцентный тип производного прилагательного
a	I (ударение на базовом компоненте, т.е. на производящей основе)
b, b_1, d	II (ударение на суффиксе
c, c_1, d_1, b_2	III (ударение на окончании)

Чрезвычайно показательна таблица аномальных в акцентном отношении производных, обнаруживающая большую роль односложности производящей основы в распространении аномального наконечного ударения.

Е.Г.Устиновой принадлежит также аналогичное исследование по украинским прилагательным с суф. -ов(ий) (В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977), содержащая ряд положений и наблюдений, имеющих значение и для русского материала.

Из исследований по словообразовательной морфонологии акцентологический аспект представлен в книге В.Г.Чургановой и в работах А.К. Поливановой, т.е. в работах, посвященных именному словообразованию. В.Г.Чурганова не ставит специальную задачу изучения закономерностей акцентуации именных производных, ограничиваясь лишь учетом тех случаев, когда ударение, наряду с другими морфонологическими признаками, влияет на выбор морфонологического варианта морфемы (суффикса). В отличие от В.Г.Чургановой, А.К.Поливанова проводит систематическое исследование закономерностей акцентуации производных именных основ и приходит к следующему общему выводу: "Тактически, акцентуация

производного есть результат сложения двух акцентуационных величин: акцентуационной характеристики основы (левой непосредственной составляющей) и акцентуационной характеристики словообразовательной модели" /33, с.150/.

15. Морфонология субстантивного словообразования

Первым систематическим исследованием морфемики и морфонологии русского субстантивного основообразования, выполненным в рамках единой морфонологической концепции, явилась книга В.Г.Чургановой /47/.

В работе дается подробное описание структуры корневой морфемы. Рассматриваются минимальная корневая структура (CVC), другие корневые структуры, распространяющие минимальную схему (CCVC, CCVCC, CVCVC и т.п.), а также морфонологически сложные корни, выделяющие в своем составе субморфы-завершители типа ол, ел, ∅л', от, ∅т' и т.д. Подробно анализируются условия выбора той или иной разновидности этих субморфов и закономерности акцентуации слов со сложными корнями каждого типа. Аналогично анализируется структура именного суффикса (суффиксальных субморфов).

Собственно морфонологический раздел книги описывает закономерности выбора вариантов корневой морфемы и распределение суффиксальных вариантов. Корни, оканчивающиеся на парные согласные, заднеязычные и ц, выступают, как правило, в виде двух вариантов, различие между которыми определяется чередованием конечных согласных корня: п/п', б/б'... к/ч и т.д.

"Выбор варианта корня зависит от типа суффикса и корректируется морфонологическим правилом отвердения, действующим в специфических условиях примыкания суффикса к корню. Порядок действия правила отвердения - следующий за правилом выбора" /с.116/. По отношению к выбору варианта корня все именные суффиксы делятся на два типа: несмягчающие и смягчающие. Каждый тип в свою очередь подразделяется на два подтипа в зависимости от поведения корней, оканчивающихся на заднеязычные и ц. В работе подробно рассматриваются субстантивные производные с каждым из четырех разновидностей суффиксальных субморфов; при этом определяются правила выбора мягкого или твердого варианта основы, правила вокализации корня и др.

Распределение суффиксальных вариантов зависит от типа согласного в исходе основы, напр., варианты щик, щица, щина употребляются после т,д, если перед ними нет согласного, и после ч,щ, а варианты чик, чица, чина - в остальных случаях.

Наиболее сложные морфонологические зависимости определяют выбор уменьшительных суффиксов ∅к, 'ик, ч'ик. Он зависит от 1) согласного исхода основы, 2) акцентного типа производящей основы и 3) односложности/многосложности основы.

Монография В.Г.Чургановой как в теоретическом, так и в практическом отношении оказала большое влияние на развитие морфонологических

исследований в русистике и, особенно, на формирование особой дисциплины – морфемики.

Второй крупной работой в этой области стала кандидатская диссертация А.К.Поливановой "Морфонология русского субстантивного словообразования". /М., 1976/ /см. 35/. Автор отстаивает принципиальную неизоморфность, неадекватность задач морфонологического и словообразовательного анализа и, соответственно, разграничение синхронно-словообразовательного и морфонологического членения слова, обоснованное уже в книге В.Г.Чургановой.

В работе А.К.Поливановой исходная (базовая) основа, в отличие от реальной производящей основы, имеет условное, абстрактное представление, независимое от контекстных признаков. Поэтому, например, если морфонологическое описание, подчиненное словообразовательному, должно было бы в слове нитка констатировать чередование т'/т (нить→нитка), т.е. диспалатализацию, то морфонологическое представление обходится без чередования, принимая за исходную форму нит с твердым т (тогда в нить, напротив, констатируется смягчение конечного согласного исходной основы).

Однако полностью элиминировать мягкость согласных в базовых основах оказалось невозможным, поэтому в число морфонем были введены три мягких сонорных л̂, н̂, р̂ с "неустранимой" мягкостью (ср. конь – конек). Во всех остальных случаях на конце базовых основ на уровне глубинного представления фигурируют твердые согласные морфонемы, а мягкость их на поверхностном уровне возникает позиционно перед смягчающим формативом (дом – дом.ик). Случаи неустранимой мягкости других согласных (напр., дядя – дядька) признаются в работе аномальными. С такой трактовкой можно было бы согласиться, так как в русской апеллятивной лексике примеров подобного рода, действительно, немного. Однако этому все же противоречит регулярная неустранимая мягкость перед несмягчающим формативом к в ласкательных или пренебрежительных личных именах с исходом на зубные типа Федька, Катька, Митька, Васька, а также Катюша, Надюша и т.д. (ср. Марфуша, Феклуша, Николушка). С другой стороны, не устранимая в пределах субстантивного словообразования мягкость (конь – конек) оказывается устранимой за его пределами: конский, конка и т.д. (ср. нянька).

Все суффиксальные формативы разделены на три класса: собственно смягчающие, несмягчающие и двойственные, т.е. смягчающие в одних случаях и не смягчающие в других. Нормальным результатом смягчения перед смягчающим формативом считается так называемое непереходное смягчение, т.е. чередование типа т/т', с/с' и т.д., а случаи переходного смягчения признаются в работе аномальными. Для того корпуса фактов, который рассматривается в диссертации (все существительные обратного словаря Бильфельдта), такая трактовка выглядит достаточно убедительно, хотя число аномалий типа студенчество, ребячество, княжество все же слишком велико. Но как общий принцип морфонологичес-

кого представления русского языка она вряд ли может быть принята. Таким образом, т.е. как аномалии, трудно было бы объяснить факты субстантивных дериватов с нулевым суффиксом (типа нога, встреча, свеча) и тем более - регулярные чередования, наблюдаемые в глагольных парадигмах (писать - пишу, ловить - ловлю, чертить - черчу и т.д.) и других категориях производных слов.

Морфонологическая характеристика формативов дается в работе в форме сводной таблицы, имеющей следующие графы: имя оформителя и пример основы; морфонологический класс; акцентный класс и акцентно значимые признаки; допустимые синтаксические классы базовых основ и допустимые деривационные классы.

В диссертации А.К.Поливановой исследуются с равным вниманием и полнотой закономерности собственно морфонологического характера, т.е. правила выбора или распределения контекстных вариантов формативов и правила преобразования границ между формативами, или правила чередований) и закономерности а к ц е н т н ы х характеристик оформителей (формативов) и оформленных основ. Акцентологическая часть работы представляет собой по существу особое, достаточно автономное специальное исследование со своей собственной проблематикой и собственной концепцией. Но вместе с тем, в отличие от традиционного представления о выводимости акцентных свойств производного слова из схемы ударения производящего и акцентного типа аффикса, принятый в диссертации подход учитывает еще и другие, не акцентологические, а морфонологические признаки базовой основы и соотносительной с ней оформленной основы. Оказалось, что при установлении акцентного типа оформленного существительного наименее релевантен признак "схема ударения базовой основы" и наиболее релевантна "акцентуационно значимая последовательность суффиксальных формативов". Обнаружение связей между формально-морфонологической структурой слова и его акцентуационной характеристикой является одним из принципиально важных выводов всей работы.

I6. Морфонология глагольного словообразования

Книга В.В.Лопатина "Русская словообразовательная морфемика" [22] в ее практической части посвящена исследованию структуры глагольной основы и морфонологии русского отглагольного словообразования.

Со времени появления известной статьи Р.О.Якобсона о русском спряжении (1948 г.) вопросы морфонологии русского (и вообще славянского) глагола неизменно привлекают к себе внимание исследователей. Библиография советских и зарубежных работ на эту тему огромна, но систематических исследований в этой области немного.

Известно, что морфонология глагола (как в словоизменении, так и в словообразовании) достаточно автономна и противопоставлена морфонологии имени. Это касается структуры основы (глагольное слово имеет систему основ; имя, за небольшими исключениями, - одну основу), ее

морфонологических свойств (в имени абсолютно преобладают основы закрытого типа, глагол имеет два варианта основы – открытый и закрытый), механизма морфонологического согласования мотивирующей основы со словообразующими суффиксами (в именной деривации преобладают чередования, а линейные преобразования основы периферийны, тогда как в отглагольной деривации они по крайней мере равноправны) и др.

Исследование В.В.Лопатина ставит своей целью "комплексное описание морфонологии отглагольного словообразования, исходящее из мотивирующих основ, а не из мотивированных глаголами слов и их типов" /с.112/, т.е. описание синтезирующего типа, моделирующее создание производных слов, которое автор называет п е р с п е к т и в н ы м (в противоположность ретроспективному – от производного к производящему). "Преимущество такого морфонологического описания – от основы мотивирующего слова – состоит в том, что одинаковые морфонологические преобразования последней, выступающие в мотивированных словах разных частей речи, разных словообразовательных типов и способов словообразования, рассматриваются при этом подходе вместе, как целостное единство, и это облегчает задачу установления типологии преобразований основы" /с.112-113/. Особенностью этого подхода, как уже отмечалось выше, является 1) полная подчиненность морфонологии словообразованию (сам инвентарь морфонологических явлений зависит от принимаемых автором отношений производности), 2) ориентация на наблюдаемые факты, т.е. на "поверхностный" уровень представления морфем, в отличие от работ В.Г.Чургановой и А.К.Поливановой, предложивших опыт "автономной" и более абстрактной морфонологии и морфемики.

Исходной для предпринятого В.В.Лопатиным морфонологического описания является система словоизменительных классов глагола (в соответствии с Грамматикой-70). Предполагается, что каждый словоизменительный класс имеет не только специфические формообразующие основы (ФО), но и особые средства морфонологических преобразований основы в мотивированных словах.

В качестве исходной глагольной основы (ИО) условно принята ФО, оканчивающаяся на гласную, а все видоизменения в словоизменительной парадигме и в отглагольных производных рассматриваются как результат усечения или наращения ИО. Основа, непосредственно используемая для построения отглагольных слов, называется словообразовательной (СО); она может оканчиваться на гласную (СО-1) и на согласную (СО-2). Это противопоставление вокалических и консонантных основ (открытых и закрытых) имеет первостепенное значение для морфонологии глагола. Ему соответствует деление суффиксальных морфов на повокальные/поконсонантные (сочетающиеся с открытыми/закрытыми основами). Эта особенность отличает глагольную морфонологию от именной, для которой главным является противопоставление основ не по признаку открытости/закрытости, а по признаку твердости/мягкости консонантного исхода и соответственно противопоставление смягчающих и несмягчающих суффиксов.

Описание отглагольного словообразования в работе подчинено следующим практическим задачам: выявлению полного инвентаря СО для каждого словоизменительного класса и подкласса глаголов и установлению типологии линейных преобразований глагольной основы; выявлению инвентаря чередований, выступающих в глагольных основах, и кроме того - выявлению инвентаря повокальных и поконсонантных суффиксальных морфов отглагольных слов и морфов, вызывающих те или иные чередования /с.122/.

Результаты изучения морфонологических свойств словообразовательных суффиксов в системе отглагольной деривации представлены в виде списков повокальных и поконсонантных суффиксальных морфов /с.215-216/ и сводной таблицы консонантных чередований, выступающих в исходе СО мотивирующих глаголов перед словообразующими морфами /с.228-236/. Как и в области субстантивного словообразования, здесь выделяются два основных альтернационных вида морфов - морфы смягчения и морфы отвердения, в каждом из которых различается по три типа в зависимости от того, как ведут себя перед этими морфами конечные парно-твердые согласные, парно-мягкие согласные, заднеязычные.

Исследование завершается объединением суффиксальных морфов в парадигматические единицы - морфемы - на основании их позиционного распределения по основным морфонологическим позициям (после гласной, после согласной, после шипящей - не после шипящей, после парно-твердой - после парно-мягкой и т.д.). "Ограничения в сочетаемости морфов и правила их распределения обусловливаются не только морфонологическими позициями (при обусловленности фонемным или морфемным составом соседнего морфа (морфемы), его слоговой структурой, ударением), но и семантико-грамматическими (при обусловленности морфемами как носителями определенных грамматических или словообразовательных значений) и лексико-семантическими (при обусловленности морфемами с определенными обобщенно-лексическими значениями)" /с.312/. Этот раздел по существу носит дескриптивный характер (описывается распределение морфов в "готовых" отглагольных словах) и потому не вписывается в общую линию синтезирующей ("перспективной") модели порождения отглагольного слова. Это та часть аналитического описания, которая логически должна была бы предшествовать перспективному описанию.

Разработка большого фрагмента русской морфонологии с позиций единой концепции (ее основные положения были рассмотрены выше) позволила выявить существенные общие и частные закономерности морфонологии отглагольной деривации. И, если конкретные построения и результаты Б.В.Лопатина могут быть так или иначе верифицированы с позиций иного подхода, то открытые им принципы и механизмы морфонологической деривации сохраняют свое значение независимо от подхода. Важно еще и то, что в книге поставлены и обсуждены на новом, систематически препарированном материале и с новой аргументацией многие спорные вопросы русского словообразования и морфонологии.

I7. Составление морфемных словарей

Работы, посвященные теории и практике составления словообразовательных и морфемных словарей русского языка, вышедшие в период 1970-1976 гг., были освещены в предыдущем выпуске обзора по словообразованию /1978, с.101-117/. Назовем лишь дополнительно следующие работы: Абдалян И.П. Принципы составления инвентарного списка служебных морфем русского языка. - В кн.: Приемы грамматического и лексического моделирования. М., 1976; Кулешова Л.В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов. АКД, М., 1976; Шакун Л.М. Методы построения морфемного словаря. - В кн.: Методы изучения лексики. Минск, 1975; Потиха З.А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. Пособие для учителя. Л., 1974. Здесь будет рассмотрен только труд известного чехословацкого лингвиста Оливериуса "Морфемы русского языка" /27/, упомянутый в предыдущем обзоре со ссылкой на фрагментарную предварительную публикацию.

Книга Оливериуса, имеющая подзаголовок "частотный словарь", содержит обширное теоретическое введение, в котором изложены позиции автора по основным вопросам морфемного анализа и принципы составления словаря, отчасти известные читателю из многих предыдущих работ автора. Определяющей чертой принятого автором подхода следует считать стремление описать морфемный состав слова независимо от ограничений, накладываемых отношениями словообразовательной производности. Однако этот подход нельзя назвать чисто формальным, поскольку и в сегментации слов, и в идентификации морфем, и в описании морфемной сочетаемости большую роль играет план содержания морфемы (значение в его наиболее абстрактном инвариантном виде).

Словарь морфем (точнее, ряд словарей и списков) З.Оливериуса базируется на материале "Частотного словаря современного русского языка" Т.Штейнфельдт (1963) и, естественно, наследует все характерные для этого источника ограничения. З.Оливериус обрабатывает 2494 слова с наибольшей частотой употребления (из общего числа 24224).

В книгу включены следующие пять "списков":

1) общий список слов в фонологической транскрипции, расположенных по убывающей частоте, сегментированных на морфы и снабженных "дискриминаторами", обозначающими функциональные, семантические и грамматические характеристики морфов, например,

351 130 mas_{CN} t,er_{RS} $\emptyset_{FSM}$,

где 351 - порядковый номер слова, 130 - его частота, C - корень, N - именная морфема, R - суффикс, S - субстантивная морфема, F - флексия, м - мужской род;

2) алфавитный список слов с указанием их частоты;

3) список морфем с дискриминаторами по убывающей частоте с указанием алломорфов и их частоты, напр.,

402I sta_{CV_1} sta 1865 stoj 929 st 414 stav, 403
stav 243 stavl, 167

4) алфавитные списки (словари) морфем, сгруппированных по двум первым дискриминаторам с указанием всех алломорфов, частоты, валентности и с примерами. Таких списков всего I3:

I - список нефинальных изолированных морфем (префиксы, предлоги, союзы, междометия, частицы),
- список вербальных корней,
- список субстантивных корней,
- список вербальных суффиксов,
- список субстантивных суффиксов и т.д.

Приведем для примера статью из списка CV :

dv,ig/dv,iž 168 +- 145 dv,iženˌije dv,igat,s,a;
po- 1 23 podv,ig; -e RVD 112 dv,iženˌije;
-a RV1 33 dv,igat,s,a; -k RS1 23 podv,ig

5) таблица частот разных типов морфем (по двум первым дискриминаторам). Из таблицы следует, что всего встретилось 868 разных корней со средней частотой 268,3I. Число суффиксов гораздо ниже - их всего I05, но их средняя частота в 8 раз выше частоты корней и составляет 23II,9I. Число префиксов, предлогов, союзов и других изолированных морфем еще меньше - 8I, а их частота I868,75; финальных морфем, которые в работе не учитывались, еще меньше. Отсюда следует, что "на основе статистических данных морфемы с основными и основно-реляционными значениями находятся на одном полюсе, а корреляционные - на втором, противоположном первому" /с.39/.

При обработке материала автор пользовался вычислительной машиной С С 3200, с помощью которой производилось упорядочение алломорфов по алфавиту и по убывающей частоте, складывание частотных показателей, сведение алломорфов в морфемы и др. операции. "Вполне понятно, что исходные теоретические позиции, подчеркивающие семантический аспект морфемного анализа, не позволяли применение вычислительной машины для сегментации слов на морфемы. Программа выделения нулевых морфов русского языка, хотя теоретически возможная, оказалась слишком сложной и громоздкой" /с.64/.

I8. Членимость слова. Идентификация и классификация морфем.

В этом параграфе будут приведены относящиеся к указанной проблематике положения книги Е.С.Кубряковой "Основы морфологического анализа (на материале германских языков)" /I4/. В книге дана систематизация проблематики и лингвистической методики морфологического анализа, учитывающая опыт зарубежной германистики.

Специальный раздел посвящен теоретическим проблемам сегментации текста, членимости "отдельной последовательности" (словоформы) и степени членимости слов. "В качестве показателей степени членимости линг-

листической формы могут использоваться свойства отдельных ее частей, связанные с их дистрибуцией и семантикой. Соответственно в качестве объективных критериев членимости формы выступает способность ее частей повторяться в уникальном или неуникальном окружении и повторяться с тем же или не с тем же значением" /с.40/.

С учетом этих типов членения "выделяются четыре группы последовательностей: I) характеризующихся п о л н о й членимостью, 2) обладающих признаками ж и в о й морфологической членимости, 3) обладающих признаками у с л о в н о й членимости и, наконец, 4) обладающих признаками д е ф е к т н о й членимости" /с.41/. В основе "шкалы членимости" лежат дистрибутивные и семантические свойства морфологических форм:

"I - способность/неспособность слова выделять отдельные значащие части, повторяющиеся в другом лингвистическом окружении; согласно этому признаку все слова делятся на ч л е н и м ы е и н е ч л е н и м ы е ;

II - способность выделенных отрезков в членимых образованиях встречаться в неуникальном/уникальном окружении; согласно этому признаку членимые образования делятся на ф о р м а л ь н о - ч л е н и м ы е, т.е. такие, у которых каждая из выделенных частей повторяется в разном окружении, и д е ф е к т н о - ч л е н и м ы е , у которых одна из выделенных частей встречается в уникальном или почти уникальном окружении;

III - способность выделенных отрезков у формально-членимых слов повторяться в разных окружениях с тем же/не с тем же значением; согласно этому признаку слова делятся на обладающие свойством ж и в о й морфологической или же у с л о в н о й членимости" /с.41/.

Примеры: I) писа-тель, води-тель, кот-ы (ср. кот) - живое морфологическое членение; 2) бычок 'детеныш мужского пола определенного животного' - живое морфологическое членение и бычок 'сорт рыбы' (членится на морфемном уровне - быч-ок и не членится на словообразовательном уровне) - условное членение, сюда же: белье; 3) малина, буженина, петух, любовь, свекровь, пастух - дефектное членение.

При у с л о в н о м членении вступают в противоречия формальные и семантические основания сегментации словоформ. Отсюда условное членение - это "такой тип членения, при котором членение, вполне оправданное с формальной точки зрения, вызывает возражения по семантическим соображениям" /с.48/. Ввиду этого условно членимые слова членятся на морфемном уровне, но выступают как нечленимые в словообразовательном отношении. "Условное членение отражает ... расхождения морфологических и словообразовательных структур одной и той же формы, но только в области, относящейся к несоответствию формальной и смысловой производности" /с.53/.

Условно членимые слова енятся на чисто формальных основаниях. В

то же время Е.С.Кубрякова допускает возможность "приписать" каждой из вычленяемых при условном членении корневой или аффиксальной части слова "непротиворечащее обычному (?) значению содержание". Так, "значение корневой морфемы в ручка письменная принадлежность не противоречит значению морфемы рук - в рука: это предмет, который держат в руке; точно так же аффиксальная морфема -ок в бычок и пр. сохраняет отчасти (только ? - А.Т.) значение уменьшительности, присущее суффиксу -ок, и в составе морфологических фразеологизмов: бычок - это небольшая рыбка, кружок - небольшое объединение людей, росток - маленький побег растения и т.п." /с.49/.

Условная членимость имеет общее основание членения с живой членимостью - это "повторяемость значащих последовательностей в разных окружениях" /с.53/. На этом основании они могут быть "охарактеризованы как способы формального предельного членения высказываний" /с.53/.

Что же касается дефектного членения, то оно "противостоит данным способам (живому и дефектному членению - А.Т.) по формальному признаку: при дефектном членении нарушается ведущее правило сегментации - вычленять отрезки, обладающие свойством повторяемости в нескольких различных окружениях" /с.53/. Дефектно членимые формы выступают как членимые "на морфемном уровне". "Это означает, что форма считается членимой, если хотя бы один из ее компонентов обладает явным морфемным статусом" /с.55/.

В результате сегментации текста вычленяются два типа простейших морфологических единиц - м о р ф ы и к в а з и м о р ф ы . Квазиморфы выделяются в словах, обладающих свойствами условной или дефектной членимости. Эти слова "наряду с обычными морфами ... включают некие единицы, функционирующие параллельно морфемным единицам, но по тем или иным причинам не достигающие их статуса". "Такие единицы, - пишет Е.С.Кубрякова, - мы и предлагаем называть с у б м о р ф е м н ы м и , или к в а з и м о р ф а м и " /с.59-60/. "Квазиморфы - это такая разновидность морфемных единиц, на дистрибуцию которых в данной синхронной системе налагаются ограничения большие, чем на дистрибуцию обычного представителя того или иного класса морфем. Это единицы, неполноценные по своим строевым качествам: характеризуя готовые единицы, они вряд ли способны принять участие в создании новых единиц. В пределах морфологических фразеологизмов, которые характеризуются свойствами условной членимости, их компоненты неполноценны по сравнению с обычными морфами в семантическом плане" /с.60/. Так, "служебный уникальный элемент в примерах типа русск. люб-овь, стекл-ярус дефектен, по-видимому, и дистрибутивно и семантически, т.е. как по сочетаемости, так и по смыслу" /с.60-61/.

На шкале членимости все морфологические конструкции располагаются следующим образом:

" - самым отчетливым свойством разложимости обладают конструкции из одних морфов;

– за ними следуют слова, обладающие признаком дефектной членимости и вычленяющие служебный квазиморф по отсечению обычного корневого элемента (модель типа люб–овь, англ. child - ren);

– далее на шкале членимости располагаются слова, тоже обладающие признаком дефектной членимости, но составленные из корневого квазиморфа, выделяемого по отсечению обычной корневой морфемы, и морфа (модель типа англ.cran - berry);

– свойством менее выраженной и потому спорной членимости обладают слова, характеризующиеся условной членимостью и состоящие из повторяющихся связанных корней и морфов, являющихся членами обычных аффиксальных морфем (модель типа англ. con -ceive , de -duce , con-tain , de -tect и т.п.);

– свойством слабо выраженной членимости обладают дефектно-членимые слова, состоящие из уникального связанного корня (квазиморфа) и служебного морфемного элемента с доказанным морфемным статусом;

– на грани нечленимости стоят морфологические фразеологизмы" /с.63–65/. При этом важно учитывать всегда, что "членимость слова есть результат вхождения в его состав хотя бы одного морфа с доказанным морфемным статусом" /с.65/.

Подробно разбираются в монографии вопросы идентификации морфем. В связи с тем, что "морфологические явления имеют двойную идентичность – фонетическую и семантическую", Е.С.Кубрякова формулирует два основных допущения о тождестве морфемы: "I) тождество морфемы обеспечивается тождеством значений у отдельных экспонирующих ее единиц (т.е. морфов) или их регламентированным варьированием; 2) тождество морфемы обеспечивается тождеством формы у отдельных экспонирующих ее единиц или их регламентированным формальным варьированием. Тождество морфемы обеспечивается одновременным соблюдением этих допущений". Это значит: I) "признание тождества – абсолютного или относительного – значения морфов одной морфемы означает не то, что морфы, выражающие одинаковые значения, должны быть включены в одну морфему, но только то, что объединение в одну морфему морфов, обладающих разными значениями, исключается"; 2) "тождество морфемы не может быть обосновано помимо формального тождества ее членов" /с.82/.

Достаточно подробно описаны процедуры и правила отождествления морфов, которые сведены к трем основным условиям:

"I) они обладают одним значением или демонстрируют расхождения, обычные для данной системы; пределы таких расхождений устанавливаются семасиологией; практически они соответствуют тем, которые в словарях приводятся как разные значения одного и того же слова;
2) при наличии формальных различий в облике морфов это различие имеет либо фонологически обусловленный характер, либо регламентировано другими типовыми условиями появления соответствующего морфа; это же можно сформулировать по-иному, подчеркнув, что при наличии формаль-

ных расхождений последние обусловлены морфонологически; пределы таких расхождений устанавливаются морфонологией; 3) они находятся либо в отношениях дополнительного распределения, либо в отношениях неконтрастирующей дистрибуции" /с.86/.

Эти правила не распространяются лишь на два типа слов. С их помощью "нельзя отождествить корни супплетивных образований - это означало бы нарушение пункта 2; нельзя отождествить омонимы - это означало бы нарушение пункта I" /с.86/.

Выделяются три типа окружения: I) ф о н о л о г и ч е с к о е окружение - "это непосредственное окружение исследуемой единицы в той синтагматической последовательности, членом которой эта единица является; 2) м о р ф о л о г и ч е с к о е окружение - "это непосредственное соседство исследуемого морфа с другими морфами, стоящими как справа, так и слева от него" /с.91/; 3) с и н т а к с и ч е с к о е окружение, которое определяется "вхождением включающего его слова в определенное синтаксическое целое" /с.91/.

Поскольку для морфологического анализа той или иной единицы существенно не все синтаксическое окружение, вводится понятие д и а г н о с т и р у ю щ е г о окружения. Это такое синтаксическое окружение, которое "неоспоримо выявляет интересующие нас особенности исследуемой формы и которое не содержит при этом никаких "лишних" форм" /с.91/. Например, для выяснения роли морфа -а достаточно окружения дом отца, а более широкий контекст вроде дом моего приемного отца не несет новой дополнительной информации о этом морфе.

В работе даны классификации морфем по нескольким основаниям. По функциональной нагрузке различаются служебные и неслужебные морфемы, отмечается их сложное взаимодействие. Распределение служебных и неслужебных морфем в языке рассматривается как "новый типологический индекс - индекс оформленности языка" /с.117/.

В структурной классификации выделяются связанные/несвязанные, относительно связанные/относительно свободные морфемы.

Понятие свободы и связанности имеет разное содержание при классификации корневых и служебных морфем: "Для морфем аффиксальных, напротив, признак неавтономности является конституирующим. Аффиксальная морфема не может быть сама по себе автономной, хотя она нередко коррелирует в языке со служебной автономной морфемой" /с.125/.

Рассматривается роль морфем как показателей оформленности слова. "Конечный аффикс маркирует слово как особую разновидность вторичных единиц. В связи с этим можно говорить об опознавательной функции аффикса" /с.165/. Это "морфы или квазиморфы, служащие формальному опознаванию классной принадлежности слова и представляющие потому его категориальные приметы" /с.166/. Такие аффиксальные единицы Е.С.Кубрякова называет м а р к е р а м и.

I9. Выделимость морфем и словообразование

Гейгер Р.М. К вопросу о морфемном и формантном статусе аффиксоидов – АПРС, I, 1975.

Ермакова О.П. О типах связанности корней – Вопросы грамматики русского языка. Тула, 1974.

Пышкало Н.К. К вопросу о конфиксе – Весн.Беларус. ун-та. Філалогія, Мінск, 1976, № I.

Пышкало Н.К. Некоторые особенности семантики конфикса (на материале дистантных конфиксов имен существительных) – Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1977, № 2.

Тихонов А.Н. Членимость и производность слов типа физик. – Развитие современного русского языка 1972., М., 1975.

Шуба П.П. О компонентах конфикса в русском языке – Там же.

Янко-Триницкая Н.А. Членимость слов типа ножка, ручка – Там же.

Ясно выраженной в ряде работ тенденции освободить морфемный анализ от жесткого подчинения словообразовательному анализу, глубже разграничить методики анализа противостоит противоположно направленная, но не всегда конфликтная по существу, тенденция обогащения морфемного анализа содержательными выводами словообразовательного анализа, соединения двух процедур в системе анализа. Работы, которые будут названы в этом параграфе, как кажется, отличает именно такой подход.

В.В.Лопатин в /I9/ указывает на невозможность ограничиться при морфемном анализе парой слов, необходимость обращаться к "объединению мотивированных слов в словообразовательные типы", а иногда и к анализу ряда типов.

"...Лингвист может вскрывать морфемный состав языковых форм, пользуясь наблюдениями над двумя объектами: над отношением между формами, связанными друг с другом структурно и семантически, и над словообразовательными и формообразовательными процессами. При этом решающая роль, на наш взгляд, должна принадлежать наблюдениям над процессами" /26, с.22/. Это цитата из книги М.А.Михайлова, которая построена на едином логическом принципе: от факта производства нового слова (новых слов) к выводам, которые можно сделать на этой основе относительности выделимости морфем в русском языке. Автор обращает внимание на то, что при образовании по конкретному образцу (колчерукий ← колченогий), при дезаффиксации, реаффиксации (мене аффиксов) можно получить информацию о членимости к о н к р е т н ы х слов. "При аффиксации по конкретному образцу в процесс вовлекается минимум членов, на которых можно построить словообразовательную пропорцию" /с.50/. В иных случаях нельзя "указать конкретный источник, конкретную языковую форму, анализ которой и породил использованные в новообразовании морфемы" /с.28/. Служебные морфемы, по автору, существуют в сознании в отвлечении от конкретных форм.

"Если при аффиксации в словообразовании используется формант, отвлеченный от образцов благодаря их связи с первичными, становится понятен смысл поисков такого определения словообразовательного типа, которое бы учитывало эту особенность аффиксации. Если относиться к словообразовательному типу не просто как к единице, которая делает возможным описание мотивированной части словарного состава, а как к обобщению, которое создает отвлеченное существование аффиксальных формантов, принимающих участие в предположительно самом распространенном виде деривации - в аффиксации, понятно стремление многих ученых не включать слова с остаточными производящими основами, т.е. слова, в которых характеризующий тип формант не может быть выделен под воздействием структурно-семантической связи с первичным, в состав словообразовательного типа. Понятно также стремление некоторых исследователей рассматривать словообразовательный тип не как класс слов, объединенных тождеством форманта, а как класс деривационных пар, т.е. включать в это понятие вторичные образования в м е с т е с соответствующими первичными" /с.50/.

Книга включает следующие главы: Вопрос о принципах наполнения морфем семантикой; Выделимость морфем и чересступенное словообразование ; Вопрос об интерфиксах; Вопрос о степени членимости.

Внимание автора направлено также на "противоречия, которые существуют между результатами анализа структурно-семантических связей и результатами наблюдения за процессами" /с.113/. М.А.Михайлов, как кажется, не всегда достаточно определенно противопоставляет сознание носителей языка и лингвистический анализ, не ставит вопроса о различиях осознавания и употребления языковых форм. но последовательно функциональный подход позволяет автору указать на противоречия, асимметрии в самом языке, которые нередко служат причиной диахронических изменений, в частности, изменений в инвентаре морфем.

Как соотносится деление на словообразовательные типы и разграничение морфем (проблема омонимии, полисемии морфем, отождествления аффиксов, сочетающихся с разными типами основ, в том числе разных частей речи)? Как соотносятся части составных формантов, функциональных единств с морфемами в их одиночном функционировании (проблема конфикса и др.)?

Проблема конфикса как функционально единого комплекса с точки зрения словообразования и как составного комплекса с точки зрения морфемики рассматривается в работах П.П.Шубы и Н.К.Пышкало.

П.П.Шуба , соглашаясь, что конфикс нецелесообразно рассматривать как "прерывистую морфему", вместе с тем указывает, что отождествление "частей конфикса с самостоятельными префиксами и суффиксами не является полным" /с.249/. Перечислены префиксы, которые выступают только в составе конфиксов. Отмечается тенденция к обеднению состава

вторых элементов конфиксов, к генерализации средств и их функций: фактически вторые компоненты конфиксов при именном и глагольном словообразовании "сохраняют за собой только роль "оформителя" соответствующего слова" /с.252/. Указывается на возможность семантического нетождества свободного префикса и префикса - части конфикса. В существительных конфиксальные образования чаще всего соотносятся с предложно-падежными сочетаниями в качестве производящих, "конфиксальный префикс" выводится из предлога (при возникновении двойной мотивации префикс может обособляться).

Н.К.Пышкало указывает на еще один конкурирующий термин циркумфикс, "Циркумфиксом называют особую разновидность конфикса - глагольный конфикс, вторым элементом которого является постфикс -ся; некоторые лингвисты... называют префиксально-суффиксальный способ словообразования конфиксацией/циркумфиксацией" /Пышкало, 1977, с.41/.

По мнению Н.К.Пышкало, конфикс - это "синхронный отпечаток" развивающихся в языке "укрупненных" языковых единиц. "Из объединения нескольких единиц вырастает семантический, а затем и материальный комплекс, который на различных этапах своего развития представляет различную степень семантического и материального слияния (связанности) своих элементов, наивысшая же степень такого слияния (опрощение) и есть новая укрупненная единица" /с.38,39/.

Автор выделяет 5 степеней семантической спаянности значений элементов. Одно из оснований для такого деления: соотносительность значения самостоятельного и "связанного" аффикса. Заметим, что при решении этого вопроса возникают трудности, спорные интерпретации, которые связаны с подходом к семантическому отождествлению морфем вообще. Проблема конфикса оказывается, таким образом, связанной с проблемой семантического варьирования морфемы при ее функционировании в словообразовании, с проблемой описания семантики элементов, которые выступают только в "связанном" виде. Назовем здесь и более общие проблемы: семантическое отождествление морфем и словообразовательная роль вычленяемых сегментов, описание семантики связанных морфем.

"Два отрезка считаем одной морфемой, если они имеют тот же морфонологический состав и их значение либо тождественно, либо позиционно варьируется ("имеют тот же морфонологический состав" значит: состоят из тех же самых фонем, либо их фонемный состав варьируется в зависимости от грамматических позиций)" /Панов, 28, с.235/.

Как справедливо заметила О.П.Ермакова в статье "О типах связанности корней", понятие семантической позиции в словообразовании еще неясно, но некоторые вариации значений корней могут быть сведены к отношению "семантического чередования". "Значения корней можно ... разделить на свободные и деривационно связанные. Деривационно связанные корни могут быть полнозначными и неполнозначными. Последние бывают редуцированными и асемантичными". Приводится ряд I) творить, кроветворный (свободное значение); 2) снотворный, тошнотворный, смехотвор-

ный (деривационно связанное значение корня твор- "вызывающий нечто"); 3) одухотворить, оживотворить (деривационно связанное, почти полностью редуцированное значение; автор уподобляет это семантическое чередование - чередованию гласного с редуцированным звуком).

Работы Н.А.Янко-Триницкой, А.Н.Тихонова и Р.М.Гейгера иллюстрируют применение системных словообразовательных критериев для решения тонких задач морфемной членимости слов. Исследуя соотношение названий наук на -логия и наименований соответствующих специалистов на -лог, Р.М. Гейгер обосновывает тождество корня лог- в этих парах наличием отношения производности от названия науки. Отводится интерпретация элемента -лог в словах типа психолог как аффиксоида (образования на -лог, не соотносимые с названием науки на -логия по проверке единичны).

А.Н.Тихонов обосновывает членимость слов типа физик, доказывая наличие у элемента -ик функции суффикса с определенным словообразовательным значением, с определенным типом синонимических взаимодействий с другими суффиксами (ср. вариантность: тектоника - тектоник, тектонист). (Ср. также [19].

Н.А.Янко-Триницкая разбирает ряд слов типа ножка (стола), ручка (двери), которые обычно считают нечленимыми. Автор находит для них особый словообразовательный образец со значением подобия и предназначенности, производящими основами в нем выступают соответствующие (неуменьшительные) существительные. "Образцы, по которым создаются существительные со значением подобия и предназначенности, отличаются от омоструктурных образцов размерно-оценочного значения направлением семантической зависимости между компонентами образцов" [с.185]: "руч-к(а) - предмет, предназначенный для захватывания рукой. Направление зависимости от базовой основы к суффиксу: руч→к(а). Руч-к(а) - маленькая рука. Направление зависимости от суффикса к базовой основе: руч←к(а) [с.184].

Итак, проблемы сегментации слова и отождествления морфем в определенном аспекте неразрывно связаны со словообразовательным анализом. Эти аспекты связи структурного и функционального анализа, как кажется, верно осознаны авторами упомянутых выше работ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел первый
ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 5

I. Место словообразования в системе языка. Системность словообразования. § I-5 10

II. Единицы описания словообразовательной системы . . . . . .
Словообразовательное гнездо § 6-I0 19
Словообразовательная парадигма § II 40
Словообразовательный тип § I2 43

III. Словообразовательные отношения. Обратная соотнесенность и обратное словообразование § I3 45

IУ. Словообразовательные подсистемы. § I4, I5 52

Раздел второй
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА. СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ 55

I. Семантические соотношения производных и производящих. Принципы и приемы толкования производных слов. § I-7 60

II. Проблемы словообразовательного значения. Соотношение словообразовательных и лексических значений производных слов. § 8-I2 7I

Раздел третий
МОРФОНОЛОГИЯ. МОРФЕМИКА 89

I. Предмет морфонологии 9I
2. Роль морфонологических средств и статус морфонологии 95
3. Морфонология и фонология 99
4. Морфонология и грамматика (словообразование) I02
5. Морфонология словоизменения и морфонология словообразования I07
6. Морфонология и морфемика IIC
7. Принципы морфонологического описания. Анализ и синтез. Реляционный и операционный подход. Глубинная и поверхностная морфонология II4
8. Морфонологические единицы. Система и критерии выделения. Два уровня - морфемный и морфонемный II8
9. Понятие основы в словообразовании и морфонологии I22
I0. Проблема выбора в морфонологии I24
II. Чередования I25

I2. Морфонологическая позиция I28
I3. Линейные преобразования основы I30
I4. Акцентологические вопросы морфонологии I33
I5. Морфонология субстантивного словообразования I35
I6. Морфонология глагольного словообразования I37
I7. Составление морфемных словарей I40
I8. Членимость слова. Идентификация и классификация морфем . . . I4I
I9. Выделимость морфем и словообразование I46

Издание осуществлено с оригинала,
подготовленного к печати
Институтом русского языка АН СССР

**ОБЗОР РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ
за 1974–1977 гг.**

Словообразование

(материалы для обсуждения)

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Подписано к печати 22.10.82. Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 9,5. Усл.кр.-отт. 9,6. Уч.-изд.л. 11,6
Тираж 1000 экз. Тип.зак. 2281 Бесплатно. Заказное

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ,
Люберцы, Октябрьский просп., 403

Бесплатно